

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 4 (50) 2016

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.

Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. В. Фёдорова

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 21.12.2016 г.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 2000 экз. Заказ 45.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12
© Экономическое возрождение России, 2016

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12 (Франция)

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

Foreword from the editor-in-chief	
<i>Bodrunov S. D.</i> Industrialisation of science.....	7
Proceedings of the «New Quality of Material Production: Social and Economic Transformation. Reindustrialization as the Main Direction for the Modernization of the Russian Economy» research seminar organized by the INID n. a. S. Y. Vitte	10
<i>Bodrunov S. D.</i> Future and thoughts	11
<i>Kolganov A. I.</i> Imperatives of Russian reindustrialization	20
<i>Voeikov M. I.</i> Polemic notes on the future of the economy	24
<i>Tsagolov G. N.</i> What hampers the creation of a new industrial society?	27
<i>Gorodetskii A. E.</i> Facing future revolutions.....	30
S. D. Bodrunov's responses to questions from workshop participants	33
<i>Epstein D. B.</i> On the new industrial society	38
Problems of economic development	
<i>Sirotkin V. B.</i> Behavior formation: symbolic environment and communicative means	46
<i>Makarkin N. P.</i> Two strategically important sources of economic growth	59
<i>Dzhabborov D. B.</i> Progress of human qualities: market and post-market mechanisms to stimulate social and economic development	68
<i>Gamidullaeva L. A.</i> Constructing the management concept for the Russian innovative system	74
<i>Balyuk I. A.</i> International debt market: current state and development trends	85
Business economics and innovation	
<i>Guzikova L. A., Kolesnikov A. M.</i> Social profile and economic results of Russian small business	94
<i>Yakovleva N. G.</i> Education as driver of socio-economic development	105
<i>Rybachuk M. A.</i> System-balanced approach to the strategic management organization on an industrial enterprise	118
<i>Egorov E. G., Egorova T. P.</i> Creating economic theory of modernization and innovative development for Russian national economy	134
<i>Yoon Youngmin.</i> Changing role of the state in the Russian economy	145
Reviews	
<i>Plotnikov V. A.</i> Theoretical discussion of the new industrial society: a broader perspective	152
<i>Grinberg R.S.</i> Smart factories require smart workforce and smart economy	154
<i>Kolganov A. I.</i> Industrial society and postindustrialism	158
<i>Tsagolov G. N.</i> NIS.2 and industrial society	159
Abstracts	160

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора <i>Бодрунов С. Д.</i> Индустриализация науки	7
Материалы научного семинара ИНИР им. С. Ю. Витте «Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики»	10
<i>Бодрунов С. Д.</i> Грядущее и думы	11
<i>Колганов А. И.</i> Императивы реиндустриализации России	20
<i>Воейков М. И.</i> Полемические заметки о будущем экономики	24
<i>Цаголов Г. Н.</i> Что мешает построению нового индустриального общества?	27
<i>Городецкий А. Е.</i> Перед лицом грядущих революций	30
Ответы <i>С. Д. Бодрунова</i> на вопросы участников семинара	33
<i>Эпштейн Д. Б.</i> О новом индустриальном обществе	38
Проблемы развития экономики <i>Сироткин В. Б.</i> Формирование поведения: символическая среда и средства коммуникации	46
<i>Макаркин Н. П.</i> О двух стратегически важных источниках экономического роста ...	59
<i>Джаббаров Д. Б.</i> Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития	68
<i>Гамидуллаева Л. А.</i> О построении концепции управления инновационной системой России	74
<i>Балюк И. А.</i> Международный долговой рынок: современное состояние и тенденции развития	85
Экономика предпринимательства и инновации <i>Гузикова Л. А., Колесников А. М.</i> Социальный портрет и экономические результаты российского малого бизнеса	94
<i>Яковлева Н. Г.</i> Образование как драйвер социально-экономического развития	105
<i>Рыбачук М. А.</i> Системно-сбалансированный подход к организации стратегического управления на промышленном предприятии	118
<i>Егоров Е. Г., Егорова Т. П.</i> О разработке экономической теории модернизации и инновационного развития национальной экономики России	134
<i>Эн Юнг Мин.</i> Изменение роли государства в российской экономике	145
Рецензии <i>Плотников В. А.</i> Теоретическая дискуссия о новом индустриальном обществе: расширение масштабов	152
<i>Гринберг Р. С.</i> Умным фабрикам нужны умные люди и умная экономика	154
<i>Колганов А. И.</i> Индустриальное общество и постиндустриализм	158
<i>Цаголов Г. Н.</i> НИО.2 и индустриальное общество	159
Рефераты	160

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

11 ноября 2016 г. российское экономическое сообщество впервые отмечает свой профессиональный праздник – День экономиста. Эта дата выбрана не случайно. В этот день 31 октября 1765 г. (по старому стилю) в России была учреждена первая общественная организация, призванная активизировать экономическое развитие государства, – Императорское Вольное экономическое общество (ныне – ВЭО России). Вот уже на протяжении 250 лет общество находится в авангарде модернизационных процессов, являясь инициатором и проводником передовых экономических идей и практик в хозяйственном комплексе страны и следуя девизу «Пчелы, в улей мёд приносящие», дарованному обществу при его создании Екатериной Великой, с пометкой «полезное».

Перечень профессиональных праздников постоянно расширяется благодаря появлению новых специальностей. Есть свой праздник у военных переводчиков, библиотекарей и программистов, изобретателей и рационализаторов, медицинских работников, строителей, журналистов... Как представитель профессионального экономического сообщества я рад, что теперь свой праздник появился и у российских экономистов. Для нас это – повод еще раз ощутить значимость своей деятельности и ее важность для других людей, порадоваться успехам и достижениям коллег, уделить особое внимание предстоящим задачам.

Нашу профессию не назовешь новой, но, пожалуй, именно сегодня многие россияне по-новому ее для себя открывают. Появляется понимание того, что экономика – это не только теории и формулы. Экономическая наука описывает саму жизнь, объясняет ее логику, улавливая порой неочевидные взаимосвязи между фактами и явлениями повседневности.

Критерии истинного экономиста сформулировал Джон Кейнс. По его мнению, такой человек должен обладать редким сочетанием талантов, являясь одновременно математиком, историком, государственным деятелем и философом: «Он должен мыслить символами и хорошо владеть словом. Он должен понимать частное в контексте общего и уметь одной мыслью с легкостью касаться и абстрактного, и конкретного. Он должен изучать настоящее в свете прошлого – ради будущего. Ничто в человеческой природе и институтах общества не должно ускользать от его внимания. Он должен быть одновременно целеустремленным и обращенным к небу, как истинный художник, но при этом твёрдо стоять на ногах и быть практичным, как политический деятель».

К этим замечательным словам я бы добавил: он должен любить людей и действовать исходя из интересов страны, как многие великие российские экономисты, члены Вольного экономического общества. Россия никогда не забудет выдающихся деятелей ВЭО: Д. И. Менделеева, С. Ю. Витте, П. Б. Струве, Н. С. Мордвинова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. Я. Данилевского, П. А. Сорокина, Н. Д. Кондратьева, М. М. Сперанского, П. А. Столыпина. Они стояли у истоков модернизационных проектов, ставших прорывными для развития российской промышленности и образования, финансовой и транспортной систем, многих отраслей народного хозяйства и направлений передовой научной мысли. Если посмотреть на 250-летнюю историю существования

Вольного экономического общества, полистать Труды ВЭО, которые выходят в свет на протяжении двух с половиной веков, то можно понять, какие грандиозные изменения претерпело за это время само понятие «экономика». От обозначения способа и средств ведения дел в сельском хозяйстве оно шагнуло к экономике как науке о счастье.

Благополучие людей, демографическая ситуация, развитие социальных программ, культурный уровень общества, здоровье финансовой сферы, валютный курс, тренды внутренней и внешней политики – все это элементы одной системы, взаимосвязь и взаимодействие которых изучает и описывает экономическая наука. Понимание этой системности как специалистами, так и обычными гражданами – тот фундамент, без которого сложно представить успех в реализации разрабатываемой сегодня концепции экономического развития нашего государства – задачи, поставленной Президентом России перед экономическим сообществом, которой ВЭО России уделяет особое внимание.

Среди важнейших задач Вольного экономического общества России – просветительство. Наши предшественники в XIX в. распространяли в народе грамотность, были основоположниками введения в стране повсеместного и общедоступного начального школьного образования. Мы же вплотную подошли к решению важнейшей проблемы современного российского общества – ликвидации тотальной экономической безграмотности населения. Хочется надеяться, что общими усилиями ученых, экономистов, популяризаторов науки, представителей системы образования и общественных организаций мы сможем убедить людей в необходимости получения экономических знаний. В наше время, когда мир переходит к новому технологическому укладу, формированию нового геоэкономического устройства и новых трендов развития цивилизации, это приобретает особое значение. Многие законы, еще вчера казавшиеся незыблемыми, перестают работать, и на повестке дня экономистов стоят поиск и формулирование новых прогрессивных идей.

Грядущие изменения технологического характера в материальной основе жизни общества будут сопровождаться существенными переменами его социального устройства, геополитической системы и мировой экономики. Экономика будущего, базирующаяся на знаниях, наукоемких технологиях и новой индустрии, невозможна без квалифицированных и разносторонне образованных специалистов, готовых к постоянному развитию и совершенствованию своих навыков и умений; без грамотных управленцев, рабочих, инженеров и конструкторов. Особенно важно это осознавать нам, российским экономистам. Для России последствия сырьевого перекоса в экономике обернулись реальной угрозой нашей национальной безопасности. Россия богата не только натуральными ресурсами, наша страна – наследница Советского Союза, который был пионером в целом ряде амбициозных проектов во многих сферах, связанных с самыми передовыми технологиями XX в. Это – страна высокого интеллекта, больших достижений и множества прорывных технологий, определявших многие десятилетия облик технической сферы общественного бытия, влиявших на радикальные изменения в сфере экономической, обеспечив создание многих отраслей экономики и человеческой деятельности в целом. Достаточно вспомнить имена А. Ф. Можайского и И. И. Сикорского – изобретателей первых летательных аппаратов, поднявших человека в воздух; А. С. Попова и В. К. Зворыкина, открывших путь к созданию радио и телевидения; С. П. Королева и А. Д. Сахарова – создателей космонавтики и ядерных технологий и многих других. Основу экономического благополучия страны, фундамент ее

успешного развития всегда формировали наука и промышленность, индустриальный сектор.

Сегодня экономическое сообщество озабочено разработкой новой модели развития нашего государства. Мы представляем разные научные школы, придерживаемся различных политических взглядов, имеем, может быть, противоположные точки зрения на выбор пути развития нашей страны. Но всех нас объединяет главное – уважение к своей профессии и нашим согражданам, любовь к России, желание служить ей и понимание, что модернизация столь масштабного и сложного комплекса, как российская экономика, не может ограничиваться жестким каркасом одной научной школы. Мы должны сообща искать дополнительные стимулы для развития государства. Нужны новые свежие идеи, грамотные специалисты, профессионально разбирающиеся во внутрихозяйственных проблемах нашей страны и активно исследующие тенденции и пути развития глобального экономического пространства.

День экономиста – это замечательная возможность не только для чествования наших коллег, но также для выявления и поощрения молодых талантливых экономистов. В 2016 г. Вольное экономическое общество России объявляет о запуске двух новых важных проектов. При поддержке правительства мы учреждаем всероссийскую высшую общественную экономическую премию «Экономист года» и Молодежный фестиваль экономической науки. Ежегодно в День экономиста будут подводиться итоги этих проектов, и на аллее славы российского экономического сообщества засверкают новые звезды.

Уважаемые коллеги, от лица членов Вольного экономического общества России поздравляю вас с замечательным объединяющим праздником – Днем экономиста и желаю всем нам «стяжать дух мирен», как говорил преподобный Серафим Саровский. Мы должны объединиться и предложить обществу идеи и условия, необходимые для реализации задач, поставленных главой государства в качестве приоритетных. Экономические лидеры грядущей эпохи – это лидеры технологические, лидеры в открытии и освоении знаний. Россия может и должна стать лидером в стратегически важных для нас технологических областях. Задача экономического сообщества – помочь максимально эффективно реализовать существующий потенциал.

Президент Вольного экономического общества России С. Д. Бодрунов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

*С. Д. Бодрунов*¹

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НАУКИ

Концептуальная платформа нового индустриального общества второй генерации (НИО.2) подтверждает марксистское предвидение о том, что с развитием капитализма наука станет «непосредственной производительной силой». Однако классики, отметив этот феномен, не рассматривали детально механизмы такой эволюции науки и не сформулировали ее, если можно так выразиться, «этимологию».

На наш взгляд, этот вопрос заслуживает пристального внимания. В последние десятилетия научная деятельность (все ее аспекты – организация, затратность, результаты, имплементация в систему общественных потребностей и интересов и т. д., и т. п.) претерпевает столь радикальные изменения, что впору говорить об определенной ее трансформации из исследовательской деятельности традиционно понимаемого типа в нечто новое, отвечающее вызовам процесса общественной трансформации, связанной с началом перехода цивилизации к НИО.2.

Внешние черты такой трансформации очевидны. Только за XX век количество людей, занятых непосредственно в научной сфере, увеличилось, по некоторым оценкам, в 60...70 раз. За те же сто лет расходы на научную деятельность выросли, по ППС, более чем в тысячу раз. Более того, сегодня уже мало кто оспаривает необходимость и неизбежность их дальнейшего увеличения. Но для оценки перспектив и результатов происходящей трансформации науки недостаточно анализа такого рода внешних параметров процесса; из такого анализа не определить – почему это происходит и куда мы идем. Стоит же взглянуть на происходящее с позиций НИО.2 – и таковые приоткроются, как чадра восточной женщины под настойчивым взглядом владетельного мужа.

Наука как феномен жизни современного социума есть вместилище знаний. Научная деятельность – это деятельность познавательная, деятельность по созданию, «открытию» новых знаний (того, что до снятия покрова тайны (неведения, невежества и т. п.) было «сокрыто»? или не существовало вовсе? Это – серьезный вопрос, выходящий

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

за рамки данной темы, однако я склоняюсь к первому варианту – пока без раскрытия аргументации), метазнаний. Развитие материального новоиндустриального (знаниеинтенсивного) производства в НИО.2 основывается на парадигме приоретизации знания во всех компонентах создания новоиндустриального (знаниеемкого) продукта. Доля знания в таком продукте становится преобладающей, в то время как на первых этапах возникновения и становления индустриального производства главную роль играли материальные ресурсы, а себестоимость индустриального продукта преимущественно определялась количеством затраченных сырья/материалов и «малознаниеемкого» труда.

Соответственно возрастает роль научного знания как новоиндустриального ресурса, постепенно становящегося базовым ресурсом индустрии нового поколения. Именно этим обусловлены упомянутые выше внешние трансформационные эффекты в развитии научной сферы.

Особенно важно это осознать с точки зрения исследования важнейшего вопроса дальнейшего развития НИО.2 – трансформации интеграционного «треугольника» производство – наука – образование, являющегося одним из краеугольных «кирпичей» концептуальной платформы НИО.2. В концепции нового индустриального общества Дж. К. Гелбрейта, неявно включающей в себя необходимость такой интеграции, главенствующая роль отводилась производству, а наука и образование выполняли в некотором роде роль подчиненную, «обслуживая» нужды индустрии. В НИО.2 их позиции смещаются: основную роль в «треугольнике» все чаще играет знание, становясь драйвером знаниеинтенсивного производства. Фактически знание, становясь базовым производственным ресурсом (непосредственной производительной силой), в значительной мере замещает «матчасть» в новоиндустриальном производстве.

В этой связи для оценки текущего состояния и перспектив трансформации науки целесообразно сравнить процессы, происходившие в сфере индустриального производства, и некоторые тенденции развития научной сферы на современном этапе.

Возникновение и развитие индустриального производства тесно связано с переходом от индивидуального труда мастера к массовому производству. Именно этот переход сделал возможным развитие капиталистических отношений, и главным капиталом стали производственные мощности, обрабатывающие базовые – материальные – ресурсы и производящие индустриальный продукт. «Капитализация» индустриального производства породила не только изменение общественных отношений; она привела к изменению самой производственной сферы. Можно перечислить многие аспекты и черты таких изменений («капиталистические» формы использования ресурсов, обращения с продуктом/товаром – маркетинговые технологии, продвижение и т. п., организации бизнес-процессов и процедур...), однако, в этом нет нужды: они хорошо известны и достаточно четко очерчивают траекторию исторического развития индустриального сектора упомянутого «треугольника».

Повторит ли эту траекторию развития наука, став базовым ресурсом и основным драйвером развития в новоиндустриальном производстве?

Многие черты подтверждают, казалось бы, становящуюся все более очевидной истину – да, научная сфера во многом повторяет путь развития сферы производственной. Мы наблюдаем те же тенденции перехода от индивидуализированного труда ученого к «массовой науке», концентрации «научных мощностей», если говорить об организации научной работы. В экономическом аспекте мы наблюдаем «монетизацию» науки, «капитализацию» научной сферы. Результаты научных исследований превращаются из чистого «произведения ума» в «научный товар», к которому применяются все методы

рыночного обращения (PR, маркетинг, повышение рыночной стоимости и капитализации...), а творческий акт получения индивидуального научного знания – в «производство научной продукции», носящее все более утилитарный, целевой характер. На все компоненты научной деятельности все сильнее влияют новые технологии (и даже вылезают «родимые пятна» обратной стороны концентрации мощностей, к примеру, бюрократизация процессов). Научная деятельность постепенно «индустриализируется».

Будет ли так всегда? – На сегодняшнем этапе развития общественного производства этот процесс объективен и неизбежен. Пока производительные силы функционируют в рамках современных общественных отношений, наука, становясь непосредственной производительной силой, занимая место базового ресурса и, соответственно, базового капитала, будет неизбежно повторять траекторию развития любого ресурса, составляющего основу капиталистических отношений. Таким образом, мы можем предугадать многие повороты этого пути (и упредить, заметим, многие проблемы и «буераки»!).

Многие – но не все. Концепция НИО.2, предполагающая не только развитие новой индустрии как способа материального производства на качественно новой технологической основе, но и трансформирование в новое качественное состояние общественных институтов, исходит из «особости» знания как общественного феномена. Эта особость в том, что, в отличие от материального ресурса (основы традиционного индустриального общественного устройства), знание, как бы его ни «упаковывали» в рамки придуманных человеком границ и правообладаний, в принципе, «размножаемо», несокровенно, неиндивидуализируемо etc.! Особость знания и в способе его усвоения (присвоения) человеком. С развитием НИО.2, повышением доступности заниеемого продукта (становящегося при этом все более индивидуализированным) изменятся и роль знания, и способы его использования и «добычи», с возвратом к их изначальной, преимущественно творческой, сути.

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА ИНИР
ИМ. С. Ю. ВИТТЕ «НОВОЕ КАЧЕСТВО
МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ.
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ»**

13 октября 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме **«Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики»**. В семинаре приняли участие более 160 научных сотрудников, специалистов и студентов из различных учебных заведений Санкт-Петербурга.

С основным докладом «О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации» выступил д-р экон. наук, профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России С. Д. Бодрунов.

В обсуждении данного доклада участвовали:

Г. Н. Цаголов – профессор Международного университета в Москве, д-р экон. наук; М. И. Воейков – заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор; А. И. Колганов – заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор; А. Е. Городецкий – руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор; Д. Б. Эпштейн – главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН, д-р экон. наук, профессор.

В рамках семинара на Секции молодых ученых выступили ученые и студенты из Института экономики РАН, Института экономики и управления Тверского государственного университета, Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинского государственного университета, Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте.

С. Д. Бодрунов¹

ГРЯДУЩЕЕ И ДУМЫ

Очень хорошо, что наш инировский семинар – не закрытый, что к нам едут люди не только из Москвы, но и из других городов России. Больше того, в этом году мы как представители этого семинара участвовали и проводили собственные семинары в других странах. Так что семинар развивается, его тематика находит отклик в сердцах и умах наших ученых коллег.

Теперь перейду к докладу.

Первое. Мы говорим, что нынешний семинар посвящен проблеме нового качества производства. Это мы говорим о чем? Что мы сегодня живем в другую эпоху, не в ту, в которой жили раньше. Незаметно для себя мы вступили в период новой технологической революции. Можно сказать, что мы уже начинаем ощущать «дыхание» этой гигантской трансформации.

Это ощущают многие, и существуют разные взгляды на причины происходящего. У меня тоже есть своя, отличная от других, точка зрения на этот счет.

Исхожу я, как всегда, на протяжении многих лет из одного и того же посыла: основой любых трансформаций в обществе вообще является интеллектуальное, индустриальное, технологическое развитие материальной базы, а также соответствующих институтов и цивилизационных установок.

Я хочу, чтобы, исходя из этого, мы попробовали проанализировать текущую ситуацию и воспринять какие-то мои идеи, оценить возможные тренды развития. Я позволю себе утверждать следующее: в основе того, что происходит в мире, лежит технологическое изменение; технологические изменения в свое время привели к созданию индустриального общества, и если мы рассмотрим этап, на котором человечество сейчас находится, в плане материального производства, то это – этап индустриального производства. До этого были другие этапы. Книгу, в которой об этом говорится, мы раздавали на предыдущем семинаре. Я ее назвал, как сказал Александр Владимирович, немножко провокационно, подчеркнув тем самым свое несогласие с тем, что сегодня наступило постиндустриальное общество. Почему – я сейчас об этом скажу. Но замечу, что исследование феномена индустрии и доминант ее развития, которые наметились в последние десятилетия, те вызовы, которые мы сегодня имеем – все это подтверждает неизбежность перехода к новому для человечества этапу развития.

И это – этап индустриальный. Я бы сказал, что это – реинкарнация идеи индустриального общества. Добавлю, что это – новый его период, новая генерация индустриального общества, его новое поколение. Мы переходим к общественному устройству,

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

настолько существенно отличающемся от того, что было у нас в конце XX – начале XXI в., что можно говорить о нем как о новом типе общественного устройства.

У нас в институте мы его называем *новое индустриальное общество второго поколения* (сокращенно НИО.2). (В отличие от того, как пишут программисты: 2.0 и т. д., я как математик считаю по порядковым номерам – 1, 2, может быть, еще будут этапы).

Полагаю правильным хотя бы в двух словах охарактеризовать важнейшие тренды этого нового материального производства, его развития, которое качественно меняет и процесс материального производства, и сам индустриальный продукт как его результат.

Напомню, что на одном из наших семинаров, мы, анализируя процесс материального производства вообще и, в частности, процесс индустриального производства, говорили о том, что он состоит из четырех важнейших компонент: материалов, технологий, организации и труда. Результат производственного процесса – продукт производства; если это индустриальное производство – продукт индустриального производства. В чем особенность нашего представления о том, что такое продукт и что такое компоненты материального производства? Всякий продукт можно представить состоящим из двух компонент; мы для анализа берем лишь две базовые компоненты, которые есть в продукте и в каждом элементе производственного процесса, абстрагируясь от прочего. Эти компоненты: а) материальная часть и б) нематериальная часть. Нематериальная компонента – это знания. Конечно, можно говорить, что продукт состоит из многих других компонент и рассматривать его с разных точек зрения. Об этом, к примеру, говорил Г. Клейнер, когда в Академии наук обсуждали мой доклад. Но еще раз повторяю: для нашего анализа мы берем только эти *две компоненты*.

Обращаю ваше внимание: вся история человечества подтверждает, что «знаниевая» часть всегда росла – в объеме производства, в любых его компонентах и в самом продукте производства. Причем этот процесс является непрерывным и ускоряющимся, и в какой-то момент во многих продуктах знаниевая часть существенно превысит материальную. И сейчас мы это уже видим, т. е. такой момент наступил. Если мы возьмем, например, вот этот айфон, то, по информации компании Apple, в нем (я не знаю, как они считали, но это не предмет анализа), как они утверждают, лишь 4,8 % составляет материальная часть. Все остальное в цене его производства – это нематериальная часть, разнообразная добавленная стоимость. На самом деле – это те знания, которые воплощены в этом продукте. Этот пример может показаться уникальным, ведь это такая высокотехнологичная «штучка». Однако возьмем другую «штучку», например бутылочку с водой, где, кроме воды, ничего материального нет, все остальное – почти одни знания. Вот эта пластмасса, как она получилась? а наклейка на ней, из чего она состоит? – все это продукты переработки исходного материала на основе знаний. Так что мы живем в совершенно другом мире, если сравнить его хотя бы с периодом гелбрейтовского индустриального общества.

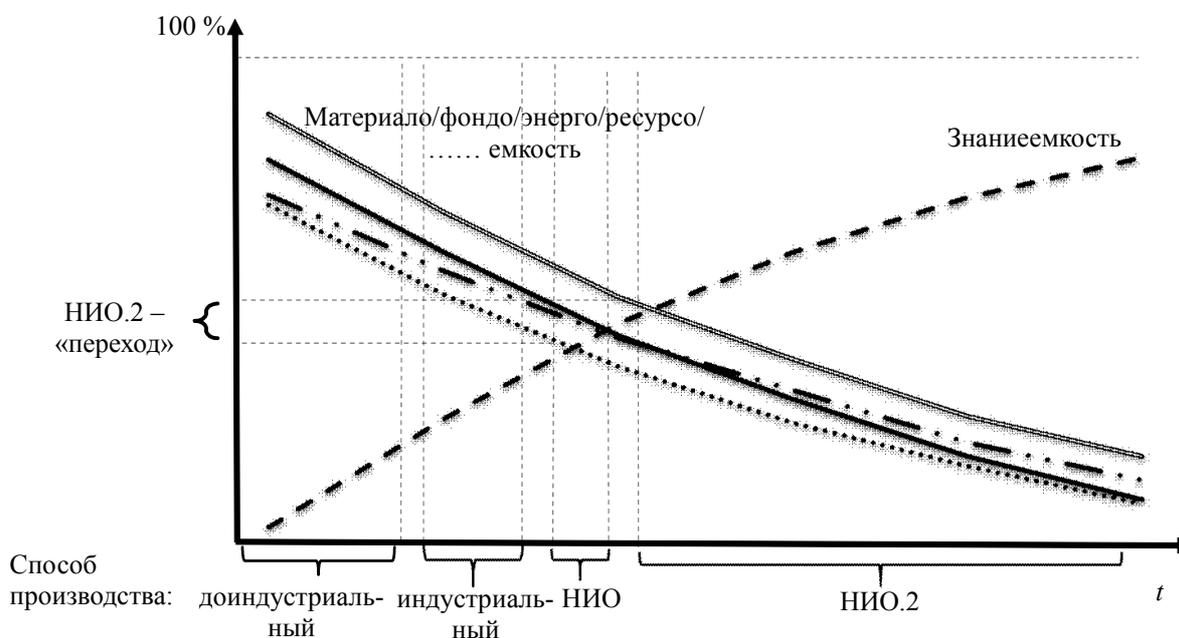
Многие специалисты во второй половине XX в. говорили, что материальное производство «уходит», ВВП падает, особенно если руководствоваться традиционной статистикой: трудовые ресурсы, занятые в промышленности, в индустриальном производстве – все менее значительны, соответственно падает их влияние на общественные процессы, появляются другие сферы деятельности. Возникла некая концептуальная платформа, объясняющая, что общество, изменившись, «ушло» от индустрии как базы экономики, «переросло» ее, в связи с чем его называли постиндустриальным (с разными

вариантами). Речь шла об «угасании» индустриального производства, формировании иного общественного устройства, в котором главными движителями экономического и социального развития стали элементы непроизводственного, «не реального» сектора.

Я бы сделал другой вывод: не появилось общество, которое стало неиндустриальным (его можно назвать как угодно). По поводу терминов я неоднократно писал в разных статьях (с чем я согласен или не согласен). Но здесь налицо отрицание сути материального производства как основы экономики, «отодвигания» его на 2-й, 3-й план, что мне представляется неправильным. Я согласен – мы вступаем в другую эпоху, но не постиндустриального, а индустриального общества нового поколения.

Почему? Потому что... Отвлеку вас на минуту. Я тут выступал на научной конференции в Тамбове, и один из руководителей местного университета, доктор наук сказал, что при всех «постиндустриалистских штучках» информационное обеспечение на спину не наденешь, нужен пиджак, который никуда не денется, и мир состоит из индустриальных вещей. И он прав. Конечно, материальная часть в общей доле валового продукта снижается, но она никогда не исчезнет. Она останется основой материального производства.

Есть и другая сторона. Посмотрите на этот *график* (см. рисунок). Некоторые у нас в ИНИР называют его кривым крестом Бодрунова, а другие – упавшей рюмкой (что кому больше по вкусу). Как видим, материальная часть (фондо-, энерго-, ресурсо- и материалоемкость) с течением времени постоянно снижается, но снижается не до конца, по изгибающейся кривой, и где-то она будет сохраняться. То же самое – со знанием, его доля в стоимости продукта приближается к 100 %, мы постоянно увеличиваем объем знаний во всех его компонентах, но он никогда не достигнет 100 %, останется некая материальная доля. Понятно, что должно быть некоторое соотношение, близкое к пределу, и, видимо, оно будет разным по каждому направлению производственной деятельности.

Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

Но общая тенденция будет такой, как говорили некоторые коллеги: крест или рюмка, на боку лежащая, неважно, но картину отражает.

Вот этот аспект мы считаем важным для анализа дальнейшего состояния общества. При относительном увеличении доли знаний в индустриальном продукте у нас постоянно происходит рост знаниеемкой продукции в общем объеме промышленного производства и рост знаниеемкости продукции в целом. Это влечет за собой создание (появление), а для нас – выявление качественно нового типа материального производства.

Возьмем базовые компоненты: технологии, методы организации производства и характер труда. Все поменялось и продолжает меняться. Знаниеинтенсивность технологий растет. То же самое в организации производства: происходит, к примеру, качественное изменение характера труда. Помните, у Маркса: рано или поздно придет время, когда человек станет не «придатком машины, а контролером и организатором производства». Человек, становясь носителем знания как элемента трудовой деятельности, получает большую долю знаний в процессе дальнейшего развития, а труд становится качественно другим, как и организация производства, и материалы, и оборудование – все другое. Причем, настолько сильно отличающееся от существовавшего ранее, что можно говорить о другом производстве, и, как мы уже говорили, – другом продукте.

Для чего нужен продукт? Исключительно для удовлетворения человеческих потребностей. Современный индустриальный продукт (качественно иной!) не только удовлетворяет потребности на качественно ином уровне, но и формирует новые, качественно иные потребности – более высокого уровня, если пользоваться пирамидой Маслоу. А это влечет за собой формирование новых «надстроечных» отношений и институтов общественного устройства – формирование НИО.2. И этот процесс развивается, причем с ускорением. Я полагаю, что мы постепенно вступаем в это новое для общества состояние, потому что критическая масса доли знаний в обобщенном продукте уже превысила материальную долю (что отражено на рисунке «с рюмкой»); это – знаковый момент для цивилизационного развития.

Вообще-то, многие на Западе уже осознали, что впереди – вовсе не постиндустриальный рай, а сложная борьба за экономическое лидерство. А какой ресурс будет главным в этой борьбе? Исходя из изложенного выше, очевидно, тот, который будет составлять основную часть продукта, удовлетворяющего потребности людей в НИО.2, т. е. не материальные ресурсы, а знания, воплощенные в технологиях, материалах, в иной организации производства, труда и пр. Экономические лидеры будущего, НИО.2 – лидеры технологические. И сейчас мы вступаем в борьбу за главный ресурс грядущей эпохи – знания.

Теперь о наших перспективах. Сегодня Россия базируется на сырьевой экономической модели. Мы знаем, какая у нас структура экономики и какими последствиями для нас это чревато, особенно в свете перспективы перехода к НИО.2. Необходимо менять модель, мы говорили об этом еще 5–7 лет назад, об этом говорит президент, да кто только не говорит... А. Кудрин сейчас занимается этим по поручению (и без поручения), в ВЭО мы это неоднократно обсуждали на всех семинарах. Все склоняются к тому, что пора менять модель, предлагаются разные идеи и конструкции. Мы настаиваем на том, что в основе новой модели экономического роста должен лежать приоритет технологического развития, материального производства, создания качественно новой индустрии, реиндустриализации в широком смысле слова на качественно иной институционально-технологической основе; необходимо восстановление ведущей роли

промышленности в экономике страны. Речь не об увеличении ВВП или других статистических показателей (удельного веса и т. п.). Мы должны в этой модели учитывать тренды технологического развития. Почему? Исходя из всего, о чем я говорил, еще раз подчеркну – знания, именно знания станут главным ресурсом будущего. Вот сегодня нефть, газ, лес считаются традиционными ресурсами, за которые идет борьба, конкуренция и т. д. Но будущая конкуренция будет не за лес, не за дрова, а за способы их разжигания, за такой способ сжигания, чтобы получить из них до 100 % энергии. Да и энергии для того же производства на единицу продукции потребуется меньше за счет новых технологий.

Еще раз посмотрим на картинку (на «рюмку»): если мы движемся вправо, то увидим, что в «глобальном» измерении продуктов будет не меньше, а больше. Но удовлетворять они будут кратно больше потребностей, чем предыдущие. Возьмем тот же айфон. Раньше все те функции, которые он реализует, выполняли бы различные продукты (телефон, часы, навигационные приборы, справочник и т. д.). Стоило бы это кучу денег (большой промышленный объем, затрачено много труда, материалов и т. д.), и доля промышленности в ВВП была бы большая. При этом удовлетворялись бы даже не все потребности, которые сегодня удовлетворяет один-единственный гаджет, стоимость производства которого намного ниже совокупной стоимости включенных в него продуктов-предшественников.

Если исходить не из традиционных статистических показателей (объемов производства, доли в ВВП и т. п.), а использовать в анализе обозначенный выше подход, тогда можно сказать, что мы удовлетворяем огромное (и все увеличивающееся) количество потребностей при постоянно уменьшающейся (непропорционально!) материальной части. И в этих продуктах все больше знаний. Таким образом, востребованность знаний будет возрастать.

Именно поэтому на этом фронте развернулась такая жесткая борьба, а все, что касается знаний, «закрывается», закрывается. Вот мы с Георгием Николаевичем и Александром Владимировичем в сентябре были на конференции в Лиссабоне. После моего доклада Самир Амин, всемирно известный мирсистемщик, задал мне вопрос: а как вы думаете, почему так активно взялись за патентование, за такие вещи, которые говорят о большом интересе к знаниям – хорошо это или плохо? Я ответил, что речь идет не только об интересе, а о попытках всеми способами удержать продукт, будущий продукт, ограничить его хождение, монополизировать. Но это искусственные барьеры, придуманные ограничители-конструкции. Важно здесь следующее. Чтобы перекачать нефть, нужен нефтепровод, газ – газопровод; чтобы доставить уголь, необходимы тепловоз, рельсы и пр. А чтобы доставить знания, ничего особо затратного в материальном смысле не требуется. Говорить о минимальной инфраструктуре можно, но знания – это более «текучая» субстанция, чем вода, они рано или поздно «просачиваются» повсюду. Это – первая особенность знания как феномена; есть и вторая – особенность человека, которая позволяет ему потреблять знания. Мы дискутировали на эту тему с Александром Владимировичем. Он сказал, что человеку присуще некое свойство, которое позволяет ему создавать прибавочный продукт. Я спросил – какое это свойство? Он сказал – нет ответа. А я считаю, что есть – это способность усваивать знания, имплементировать, обрабатывать их, рождать новое знание и т. д. Это – единственное Богом данное человеку свойство, отличающее его от всего сущего. И только это свойство позволяет создавать «прибавку» к природному материалу, продукту «предыдущей» переработки и пр. Но тогда: что будет в перспективе с информационной,

«знаниевой» частью? По моему разумению, сколько бы мы ни ограничивали искусственными правилами использование результатов научных исследований, рано или поздно они проявляются в общественном продукте, в общественном устройении, формируя новое состояние общества. Мы должны понимать – рано или поздно эта борьба прекратится. Но сегодня мы находимся на первом этапе длинного перехода. С одной стороны, ценности – это начало глубинного постижения знания как будущего важнейшего ресурса. С другой стороны, сегодня превалируют общественные отношения, основанные на частном способе присвоения результата общественного производства и конкуренции за необходимые для него ресурсы. Это порождает те способы защиты интеллектуальной собственности, которые распространяют на сферу знания отношения, возникшие в «материальной» сфере. Этот этап будет преодолен с развитием НИО.2.

Часто задают вопрос: пройдет ли этот переход безболезненно? Я бы сказал: когда в системе возникают напряжения, всегда появляются и способы их разрешения. Это либо какая-то революционная ситуация, либо – эволюционная, и спокойное разрешение противоречий, возникающих в системе. В мировой экономической системе в наше время возникли напряжения в связи с переходом к качественно новому типу производства, технологий или, по выражению Сергея Юрьевича Глазьева, к новому технологическому укладу.

Итак, сегодня мы находимся на начальном этапе. И человек пользуется тем, что есть в его арсенале, по сути, продолжая прежнюю традицию. Он дерется, конкурирует; так и страны – они борются за свое место, за сохранение своего влияния в мире, и те государства, которые сегодня сохраняют технологии, темпы прироста технологий и темпы освоения знаний, создадут новую инфраструктуру знаний и будут этим серьезно заниматься, они и станут лидерами.

Отсюда вытекает важный посыл – надо работать над максимальным сближением компонент производственного новоиндустриального процесса, сокращать путь от знания к продукту, имплементируя знания в продукт, в навыки и компетенции, создавая путем интеграции производства, науки и образования индустриальные комплексы, субъекты индустриального сектора нового типа, которые заменят в будущем нынешние производства традиционного типа.

Однако эти идеи пока недостаточно осознаны. В последнее время мы много об этом говорим, проводим семинары, организуем конгрессы и т. д., но все наши предложения правительству в законах и т. п. пока так и не воплощены. То, что происходит, я бы обозначил как предпосылки развала академической науки. Пока не понятно, к чему это приведет, но ясно, что происходящее не на пользу этой самой интеграции; вот С. Кузнецов должен был приехать, а к нему ревизор пришел из ФАНО по поводу здания и чего-то там еще... А объединение институтов – не на базе какой-то научной или специальной задачи, решение которой необходимо для развития института как учреждения науки, а лишь ради экономии материальных ресурсов или реализации каких-то прагматичных планов, которые могут разрушить даже то, что есть. Мы не говорим, что это обязательно случится, но предпосылки есть.

Обращаю внимание на то, что сегодня на Западе осуществляется реиндустриализация экономики. Активно этим занимаются США. Если раньше они занимались аутсорсингом, офшорингом своей промышленности, полагая, что сделают где-нибудь в Азии айфон – мы продадим и получим деньги, то сейчас они начали понимать, что обладание технологиями даже такого уровня позволяет «родить» более высокие технологии,

которые будут принадлежать уже тем странам. И дальше борьба развернется уже в новой конкурентной нише – в нише знаний. Поэтому идет ресорсинг, оншоринг промышленности и в Европе, и в Америке. А мы до сих пор реально не боремся с последствиями деиндустриализации. Какие-то подвижки есть, но пока они несистемные и робкие. А мы ведь много лет говорим о реиндустриализации на качественно новой базе как основе нашей экономической модели, о восстановлении приоритета промышленности в новом качестве. Почему? Потому что впереди – технологические изменения, и лидерами будут те, кто будет обладать новыми технологиями.

Если перейти к мирсистемному взгляду на вещи, думаю, что можно говорить о потенциальном закабалении на длительный период стран, не обладающих передовыми технологиями через 30, 40, 50 лет, если не будут созданы институты, инструменты, позволяющие им установить технологический паритет или добиться технологического лидерства хотя бы в некоторых сферах. Так вот, если этот тренд сохранится, страны разделятся на две группы: группу «производящих» – стран-новых капиталистов, обладающих капиталом будущего – знаниями и технологиями, и «обслуживающих» – стран, работающих за «кусочек хлеба» (пусть и неплохой). Мы рискуем попасть во вторую категорию. Хотя у нас есть все предпосылки, чтобы не отстать, если бэкграунд посмотреть – и советский, и российский, и ментальность нашего народа, и возможности России по многим направлениям, и возможность получать доходы от сырьевых ресурсов и делать вложения в правильном направлении. Мы можем попасть в первую группу, потому что весь переходный этап НИО.2 создает предпосылки для нормального существования и России, и нашего общества, если мы будем двигаться правильным путем.

Ну а пока мы раскачиваемся, надеемся на авось, на «щучье веление». Некоторые ищут для оправдания своей бездеятельности наукообразные объяснения. Приведу пару терминов, буквально две позиции. Вы, коллеги, наверное, неоднократно слышали про «новую нормальность». Этот термин запустил, кажется, исследовательский центр РИМСО в 2009 г., описывая возникающую как бы из ниоткуда ситуацию в мировой экономике, которую невозможно объяснить, используя традиционные аналитические методы. Были описаны признаки «новой нормальности», в которой мы должны жить непонятно как долго – это замедление почти до нуля темпов мирового экономического роста и высокая волатильность на рынках. В наших пенатах такая позиция очень удобна для тех, кто не может найти решение или корни поискать (да и времени нет, и отчитаться надо быстро), т. е. для людей, которые правят экономический бал. Такая экономическая дефиниция нашими экономическими управленцами была дополнена еще одной характеристикой: новая нормальность предполагает снижение эффективности фискальных и других инструментов управления экономическими процессами. И что бы мы ни предприняли, какое бы решение ни предложили, влияние на реальную экономику будет незначительным, результат окажется примерно одинаковым – так зачем суетиться.

Но я уверен, что «суетиться» надо, и оправдания здесь никакого нет, нужно в любой ситуации искать выход. Надо самое серьезное внимание уделять материальному производству, искать проекты, в которых мы можем быть лидерами. Безусловно, мы не можем все делать сами, но важно делать какие-то вещи, которые вытянут нас на передовой уровень. Такие направления есть, есть НТИ, в которой многие вещи уже неплохо и грамотно прописаны учеными, академиками РАН, специалистами из реального сектора экономики. Проекты, они, как матрица: есть направление (условно –

по горизонтали), есть какие-то ресурсы (по вертикали), а на пересечении – проект, в котором это направление можно реализовать за эти ресурсы. Этот проект тащит за собой экономические решения более низкого уровня и т. д. Это позволит не размазывать деньги по всему постсоветскому пространству и не «бороздить космическими кораблями просторы вселенной», а финансировать через проекты конкретные решения (а чаще всего еще и региональные площадки поднимать). Эти проекты должны быть нацелены и на решение точных и точечных задач, и на глобальную задачу возвращения этого тренда – качественно нового материального производства на передовой технологической основе.

Хочу сказать еще об одном. Сейчас в политэкономической науке очень часто говорят о «новом империализме». Буквально пару дней назад мы с Александром Владимировичем были на конференции, которую проводили Фонд Розы Люксембург и Институт экономики в Москве. Рассматривалась проблема *нового империализма* – закабаления на новой основе: сегодня появляются государства-империалисты, которые в ходе глобального процесса человеческого развития занимают базовые позиции, и отношения труда и капитала переносятся на отношения стран-трудящихся и стран, капитализирующих результаты этого труда. Мне кажется, что новая нормальность, новый империализм, какие-то другие позиции и направления – все это попытки объяснить сегодняшнюю ситуацию. На данном семинаре мы можем попытаться все это объяснить на базе концепции перехода к НИО.2 и сформировать представление о том, что делать вообще в мире и что делать в нашей стране.

Вернусь к одному моменту своего выступления: я говорил, что будет борьба, конкуренция. Но знания несут в себе огромный заряд другого варианта развития исторического процесса. Ведь в чем основа конкуренции – мы конкурируем за то, чего не хватает и что хотелось бы иметь в разумных пределах. Если предмет доступен всем – за него не конкурируют. Интенсивное развитие материального производства, разработка и внедрение более продвинутых технологий увеличат возможности удовлетворения потребностей людей в материальных или связанных с материальным производством вещах, предметах и т. д., их использования и др.

Я не буду углубляться в особенности материального производства НИО.2 (в книге, которую я раздавал на прошлом семинаре, этому посвящена целая глава), но многие тенденции в сегодняшнем индустриальном производстве указывают на снижение в перспективе уровня конкурентности в удовлетворении потребностей через продукт. Скажу кратко – это скорость доставки продукта, снижение его стоимости относительно покупательных возможностей человека, расширение диапазона функций в предмете и т. д. Существуют десятки тенденций, которые говорят, что в будущем все будет по-другому, и конкуренция за «материальную часть» будет резко снижаться, появится возможность бесконфликтного использования всех этих материальных вещей. Эти возможности закладываются самой природой знания.

Еще один момент. Да, важны производство, наука, образование и культура – как важнейшая компонента! Мне на двух семинарах подряд задавали вопрос: ну, так что – технократия или культура? Нет, коллеги, технократия и культура! Почему? Если мы не будем воспитывать себя в «правильном» духе, мы не сможем правильно пользоваться достижениями технологического, индустриального, да какого угодно прогресса. Если человек правильно воспитан, он возьмет молоток и будет забивать им гвозди, он не додумается ударить этим молотком по голове соседа. А если он не знает, что молоток можно использовать для забивания гвоздей, а знает, что им можно бить

по головам, то он и будет бить по головам. А может быть и так, что человек знает и то, и другое, но в нем «сидят» разные люди, и он когда-нибудь ударит молотком по голове, если нет нравственного запрета, который формируется культурой. Коллеги, то же самое происходило с атомной бомбой. Я счастлив, что в США были люди, которые, как мне кажется, из высших соображений спасли человечество, передав секреты бомбы или какие-то элементы в другие руки. Так восстановился баланс. Знания, полученные, возможно, несколько преждевременно, могли погубить мир, а знания, помноженные на культурный, цивилизационный код, позволили спасти мир. Если мы этого не пойдем, у нас возникнут большие проблемы, мы не пойдем эволюционным путем, мы пойдем тогда путем конфликтного развития общества. Вот, что я хотел сказать о культуре. Спасибо.

А. И. Колганов¹

ИМПЕРАТИВЫ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Уважаемые коллеги! Хочу сказать, что и выступление Сергея Дмитриевича, и книга, которую я достаточно внимательно прочел, наводят на серьезные размышления. Начну с определения индустриального производства как основы современной экономики. Этот тезис довольно часто оспаривается. Одни продолжают придерживаться идей, которые высказывались в рамках концепции постиндустриального общества. Для них достаточно того, что удельный вес индустрии в ВВП сократился, чтобы утверждать о наступлении постиндустриальной эпохи. Хотя, если мы посмотрим на технологическую структуру производства, то увидим, что в так называемых отраслях обслуживания господствуют те же самые индустриальные технологии, что и в промышленности (часто более примитивные). Возьмем такой сектор сферы услуг, как торговля. Какие там технологии? Постиндустриальные, что ли? А в погрузочно-разгрузочных работах, а на транспорте? А если мы обратимся к гостинично-ресторанному сервису? Там что, постиндустриальный труд? Да в лучшем случае примитивный индустриальный, а в большинстве случаев – и доиндустриальный, ручной труд. Поэтому с точки зрения господствующих технологий говорить о постиндустриальном обществе на основании роста удельного веса сферы услуг, по меньшей мере, преждевременно.

Есть и другая позиция: да, современное производство пока базируется на индустриальных технологиях, но впереди – новая технологическая революция, и она открывает постмашинную эпоху. Я считаю и этот тезис сомнительным. Действительно, главная характеристика индустриального производства – это его характеристика как производства машинного, производства продуктов и услуг, в том числе самих машин, при помощи машин. И главная характеристика машины как орудия труда (в отличие от ручного орудия) – это наличие передаточного устройства, что определяет опосредованное воздействие человека не только на предмет труда, но и на рабочее орудие. Таким образом выстраивается длинная и сложная цепочка опосредованных воздействий, характер которых определяется характеристиками передаточного устройства.

Но часто проповедуется слишком узкий взгляд, когда машинные технологии понимаются исключительно как технологии механические. Сторонниками теории постмашинного производства современные технологии 5-го и 6-го укладов трактуются часто как постмашинные. Почему? Говорят, мы имеем дело не с искусственными устройствами типа машин, а с некими природными процессами, контролируемые и направляемые человеком. Но, с этой точки зрения, паровая машина – это пример постмашинной технологии. Мы имеем там дело с химическими процессами горения топ-

¹ *Андрей Иванович Колганов*, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор.

лива в топке и с физическими процессами теплового расширения воды и перехода ее в иное агрегатное состояние – в водяной пар, а не только с механическими движениями. Точно так же любые электрические машины можно объявить не машинами. Любые, скажем, технологии обработки пищевых продуктов – это не машинные технологии, потому что при этом происходят сложные физические и химические процессы, и т. д. и т. п. Вся химическая индустрия – это не машинная промышленность, а что-то постмашинное.

Подобные рассуждения опираются на достаточно нелепую логику. Ведь совершенно не обязательно рабочее орудие или передаточное устройство в машине должны представлять собой исключительно механические устройства. Они могут быть, например, химическими или биологическими процессами, но опосредуемыми аппаратными средствами контроля и регулирования этих процессов человеком.

С этой точки зрения все обозримые современные технологии – это технологии машинные. Единственное, где можно увидеть дверцу в постмашинное будущее, это там, где в технологический процесс встраиваются когнитивные процессы, процессы переработки знаний и информации, которые, конечно, не машинные. Причем речь не идет о большинстве компьютерных технологий, которые обеспечивают лишь передачу и изменение формы представления информации. Вот там, где компьютеры участвуют в когнитивном процессе человека, мы открываем дверь в постмашинное будущее. Но пока это очень отдаленная перспектива, а в обозримой, среднесрочной перспективе базовыми технологиями практически на 99,9 % останутся машинные.

Когда мы говорим о том, что сейчас мы переходим в новое поколение индустриального общества, в его вторую генерацию, это не значит, что мы переходим в постмашинное будущее. Главное в том, что эта новая ступень является значительно более знаниеинтенсивной. И, на мой взгляд, это как раз та ступень, за которой может открыться постмашинное будущее, потому что современное индустриальное машинное производство второй генерации является чрезвычайно знаниеинтенсивным.

Но на новую генерацию индустриального способа производства (НИО.2) я не могу смотреть только с точки зрения его технологического облика или тех институтов и экономических отношений, которые содействуют технологическому прогрессу. На мой взгляд, способ производства к этому не сводится. Для меня всякое производство есть, в первую очередь, производство самого человека, его общественных отношений. С этих позиций я остаюсь марксистом. Поэтому крайне важно подчеркнуть, что в каждом способе производства заключены серьезные противоречия, которые, с одной стороны, являются источником его развития, а с другой – в конечном итоге приводят к смене данного способа производства другим.

Новый уровень знаниеемкости продукта материального производства на ступени НИО.2 основан на характеристике знания как неотъемлемой части продукта. Но распредмечивание и опредмечивание, выражаясь философским языком, всегда были имманентными характеристиками трудовой деятельности человека: происходило раскрытие закономерностей и характеристик предмета, а затем это знание воплощалось в продукте человеческой деятельности. В таком случае, что означает возрастание доли знаний в продукте? Это значит, что деятельность по трансформации природного материала становится относительно менее значимой по сравнению с процессами распредмечивания и опредмечивания. Причем процесс опредмечивания тоже характеризуется ростом знаниеемкости, потому что он оказывается сопряжен не с некоторыми заученными операциями, не с действием человека как определенным образом

выдрессированной силы природы (по выражению Маркса), а включает в себя и применение знаний. Без приложения знаний к процессу производства, когда последний оказывается на новом технологическом уровне, он просто неосуществим.

Не достаточно выучить, какие кнопки нажимать. Современная технология не может основываться на тех принципах, на которых основывался фордовский конвейер. Там человека быстро натаскивали на какие-то шаблонные операции, и все, можно работать. А сейчас человек не может выступать как контролер – регулировщик производственного процесса, точнее, природного процесса, превращенного в автоматический производственный процесс, если он постоянно не применяет знания об этом процессе. Без понимания существа этого процесса управлять им уже невозможно.

Несколько слов об экономических формах растущего на фазе НИО.2 потенциала насыщения потребностей. Изменения характера отношений потребителя и производителя с точки зрения нового потенциала насыщения потребностей не могут ограничиваться прежними экономическими механизмами. Нельзя ориентироваться только на платежеспособный спрос или на агрессивный маркетинг, который навязывает или формирует потребительские предпочтения. Необходимы исследования потребностей человека и рационализация способа их удовлетворения, в том числе снижение материалоемкости совокупного продукта, или шире – его природоемкости, чтобы ослабить нагрузку на окружающую природную среду. Только в этом случае заключенная в технологическом прогрессе возможность все более широкого удовлетворения человеческих потребностей не обернется ресурсным истощением и лавинообразным ростом отходов.

А вот обеспечивает ли такой подход современная рыночная среда? Я в этом сильно сомневаюсь. Обратимся к такому факту, как глубокая дифференциация доходов, которая не позволяет многим удовлетворять свои потребности, несмотря на наличие технологического потенциала для их удовлетворения. А если мы посмотрим на отношения между центром (ядром) и периферией мирового хозяйства? Страны ядра обеспечивают большинству своего населения достаточно высокий уровень удовлетворения потребностей, а огромная часть населения Земли не имеет доступа к чистой питьевой воде. И наконец, формируемая современными рыночными отношениями погоня за ложными, навязанными потребностями тоже препятствует реализации потенциала удовлетворения потребностей человека.

Необходимость непрерывности инновационного процесса, заложенного в современном технологическом базисе, также не реализуется автоматически. Она возможна, только если каждый участник этого производственного процесса на всех его стадиях выступает и участником инновационного процесса, а не просто исполнителем заданного инноваторами некоего нового шаблона. Тогда будет возникать постоянный обратный импульс от производителя к разработчику, который будет инициировать продолжение инновационной деятельности. Не только погоня за удовлетворением запросов потребителя будет импульсом для инноваций, что очень часто приводит к появлению имитационных инноваций, когда производятся якобы новые продукты, чтобы продать их потребителю и положить его денежки в свой карман. Источником инноваций должен стать непрерывный импульс от всех участников производственного процесса к разработчику, тогда практически все участники этого процесса становятся соучастниками совершенствования и разработки новых продуктов и новых технологий. Это является еще одним аргументом в пользу идеи интеграции производства, науки и образования, создания на уровне основного производственного звена научно-производственно-об-

разовательных комплексов, на мезоуровне – сетевого объединения таких комплексов и на макроуровне – создания механизмов программно-целевого управления крупными народнохозяйственными проектами. Вот тогда все эти стадии и все участники процесса будут работать на рост инновационного потенциала.

И последнее – о необходимости технологической революции для России. Проблема заключается не просто в создании принципиально новых технологий с заманчивыми свойствами, вроде 3d-принтирования, а в разработке на их основе комплекса материальных средств, способных эффективно заменить технологии прежних поколений. СССР имел опыт разработки и реализации таких крупных проектов: проект замены паровой тяги на железных дорогах теплоэлектровозной; кирпичного домостроения – крупносерийным; замены элементной базы в радиоэлектронике с ламп на полупроводниковые компоненты; замены поршневой авиации на реактивную и т. д. Все это проводилось очень быстро, в очень широких масштабах и в очень сжатые сроки.

Нам сейчас нужны проекты такого же, если не большего масштаба, реализуемые в не менее сжатые сроки. (Если мы не собираемся заранее капитулировать в схватке за технологическое лидерство.) Реиндустриализация России является императивом, ибо без нее нельзя создать технологическую и кадровую среду, способную генерировать инновации, обеспечивать их распространение, приживаемость и создавать на них реальный спрос. При этом технологический рынок при всей его важности – это не самоцель. Технологический прогресс нам ценен такой и постольку, поскольку он открывает дорогу развитию каждого человека.

*М. И. Воейков*¹

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О БУДУЩЕМ ЭКОНОМИКИ

Начну с небольшой полемики с Андреем Ивановичем Колгановым. Он сказал, что нам нужны новые технологии. Конечно, нужны, это бесспорно. Но для начала нам надо восстановить то, что мы потеряли за последние 25 лет. А потеряли мы в индустрии очень много, но что-то можно восстановить. Еще сохранились некоторые производственные мощности, рабочие кадры и, главное, – инженерный состав и технологический потенциал. Конечно, все это в известной степени изношено, но восстанавливать проще, чем переходить к новым технологиям почти с нуля.

В середине 1990-х гг. у нас была дискуссия с либеральными экономистами в гостинице «Балчуг» в Москве. Мы, национально ориентированные экономисты, говорили, что страна теряет промышленность – вот, например, доменное производство уже закрылось. На это Владимир Мау ответил: ну и хорошо, зачем нам доменное производство. Мы идем в постиндустриальное общество, нам не нужны все эти промышленные производства вчерашнего дня. В итоге Россия оказалась в доиндустриальном обществе. Конечно, восстанавливать промышленное производство вчерашнего дня никакого смысла нет. Но использование существующего промышленного оборудования и предприятий, если это экономически оправдано, вполне резонно, тем более что это дает дополнительные рабочие места.

После окончания вуза я три года работал в отраслевом институте Министерства приборостроения. Это был большой институт, там работало почти 2000 человек. Я удивлялся – что они все делают? Когда я их видел, они в основном пили чай и иногда рылись в своих бумагах, но зато часто ездили в командировки. Через несколько лет до меня дошло – они ездили по разным заводам и проверяли там контрольно-измерительные приборы. И когда стали закрывать отраслевые институты, приборостроение у нас вообще исчезло. Те, кто мог, покупали импортные приборы, остальные жили без всяких приборов. В нашей промышленности начались техногенные катастрофы: там взрывается, тут что-то не работает. Мы остались без приборостроения и некоторых других высокотехнологичных отраслей промышленности. А без этих продвинутых отраслей индустрии, которые, как я понимаю, Сергей Дмитриевич Бодрунов называет новым индустриальным обществом.² Россия просто не выживет.

Конечно, в отдельных отраслях у нас что-то есть. Когда мы запускаем ракету (под названием «калибр»), которая с Каспийского моря попадает в Сирии в форточку, – это говорит об очень высоких технологиях. Это новые технологии, туда вложено много знаний, но ... сколько там ракет пустили? Шесть, семь и все. А остальная страна остается почти на доиндустриальном уровне. Я согласен с Сергеем Дмитриевичем Бодру-

¹ *Михаил Илларионович Воейков*, заведующий сектором Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

новым в том, что «...материальное производство остается основой самого существования экономики», – это безусловная правда. Может быть, Сергей Дмитриевич – один из немногих (а может, даже единственный), кто активно и глубоко разрабатывает эту проблему. Высокоразвитая страна с мощным экономическим потенциалом должна иметь развитую промышленность.

При изучении текстов С. Д. Бодрунова, в том числе сегодняшнего доклада, у меня возникли вопросы. И это естественно – всякая пионерная, творческая постановка научной проблемы вызывает вопросы, плохо, когда вопросов нет. Так вот, в текстах С. Д. Бодрунова часто используется термин «знаниеемкое производство». Это, в принципе, понятно, и термин вполне правильный, но какой-то громоздкий, может быть, лучше *интеллектуалоемкое* или *информационноемкое* производство?

Еще один вопрос. С. Д. Бодрунов в одном из текстов пишет: «...нас ожидает снижение потребности мирового производства в материалах, сырье, ископаемых». Я задумался: как это? Если производство материальных благ в мире увеличивается, растет численность населения, а следовательно, и его потребности, то материалов и сырья надо больше. Возьмем производство кирпича (под «кирпичом» я имею в виду строительные материалы, бетонный блок и т. п.). Его производили при Иване Грозном и сейчас производят. А без кирпича, без тканей и других материалов человечество жить не может. Потому что нельзя жить «в одних знаниях» – надо что-то надевать, что-то есть, где-то спать. А как в производстве кирпича снижается потребность в сырье? Ну, может быть, статистически можно подсчитать, что сегодня на производство единицы кирпича расходуется меньше материалов и материалоемкость этого вида производства снизилась. Но это не очевидно. Возможно также, что удельный вес знания в производстве кирпича со времен Ивана Грозного как-то вырос. Но качество кирпича стало хуже. Кирпичные постройки времен Ивана Грозного стоят до сего дня, а современные периодически разрушаются. Знаний в кирпиче стало больше, а качество хуже.

Другое дело – сложные приборы и вещи, которые нас окружают и в которых, действительно, аккумулируется много знаний. Возьмем мобильный телефон: там знаний больше, чем в кирпиче, это факт. Но, вообще-то, без мобильного телефона можно спокойно жить. Вот я приехал в Петербург, отключил его, и так хорошо! Никто не звонит и не дергает. А вот без костюма и ботинок даже по Петербургу нельзя ходить – очень холодно. Да и жить надо в гостинице, сделанной из кирпичей (или блоков). Все-таки человек живет в мире вещей, в материальном мире. Правда, А. Колганов сказал, что производство человека – тоже вещь важная, и я задумался: а это материальное производство или какое? Производство человека. Пусть Колганов подумает и ответит.

Теперь насчет постиндустриального общества. Тут я полностью согласен с тезисом и пафосом С. Д. Бодрунова: постиндустриальное общество это пока только слова, красивые слова и радужные перспективы. Возьмем статистику, скажем США, и посмотрим, сколько работников занято в отраслях постиндустриального общества? Оказывается – сравнительно небольшой процент. К постиндустриальным отраслям я отнес бы образование, науку, культуру и еще некоторые производства, например информационные технологии. Так вот, в таких отраслях работает примерно 18...20 % от всех занятых. В промышленности тоже было занято где-то около 20 %, в сельском хозяйстве – 2...3 %. В основном, 50...60 % занято в торговле, сфере услуг и финансовой сфере. Но финансовая сфера и торговля были при Людовике XIV, Петре I и даже при Иване Грозном. Поэтому относить всю сферу услуг к постиндустриальному обществу, я думаю, неправильно.

Сейчас у нас сфера услуг чрезвычайно раздута, туда даже образование засунули. Выходит, приравняли университет к парикмахерской – это выглядит просто абсурдно. И тут я опять соглашусь с С. Д. Бодруновым: для России сегодня главное – развитие индустрии, естественно, не петровских времен, а современной, насыщенной знаниями.

И последнее. С. Д. Бодрунов говорит о конкуренции в материальном производстве. Процессы и проблемы материального производства изучает экономическая наука, предмет ее изучения – это особые экономические отношения, которые складываются в материальном производстве. Если материальное производство куда-то уходит или удельный вес его снижается, то что остается для изучения экономической науке? В образовании нет конкуренции, С. Д. Бодрунов правильно говорил, что знания там не конкурируют. Если в производстве кирпича можно конкурировать: один сделал такой кирпич, другой – лучше или хуже – есть конкуренция. В знаниях конкуренции нет, а нет конкуренции – нет экономической науки. Что там изучать? Там могут работать психологи, социологи – это их дело. Вот сейчас модно говорить об «обществе знаний» как о пункте, куда надо стремиться. Действительно, возможно, это наше будущее. А что там будет делать экономическая наука, зачем она там? Я, откровенно говоря, не знаю. Но пока человечеству нужна промышленность и новое индустриальное развитие, экономическая наука также необходима.

Г. Н. Цаголов¹

ЧТО МЕШАЕТ ПОСТРОЕНИЮ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА?

Доклад директора Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президента ВЭО России, доктора экономических наук, профессора С. Д. Бодрунова посвящен узловым вопросам развития российской экономики. Она, как и социальная жизнь, не стоит на месте. Об этом писал и Маркс. В предисловии к первому изданию «Капитала» говорится: «Теперешнее общество – не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям, и постоянно находящийся в процессе превращения». Спустя полтора столетия после написания этих слов изменения происходят намного быстрее. Их адекватное отражение – важная задача политэкономической науки.

Кому-то тема индустриализации может показаться простой или сугубо технологической. Но это далеко не так. Многие отечественные либералы в недавнем прошлом твердили: не обязательно диверсифицировать экономику, надо продавать нефть и газ, а остальное мы купим. Теперь они этого не говорят: следование таким советам привело страну к глубокому затянувшемуся кризису. О неизбежности опасных последствий деиндустриализации не раз предупреждал Сергей Дмитриевич Бодрунов в своих предыдущих работах, где приводились вопиющие факты деградации отечественного машиностроения, особенно бедственной ситуации в станкостроении. Теперь он ставит и другие вопросы, и все больше переносит центр научного внимания в общетеоретическую плоскость.

И доклад, и недавно изданная книга С. Д. Бодрунова «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» (М.: Культурная революция, 2016) опираются на теоретические разработки великого прогрессивного американского экономиста и социолога XX в. Дж. К. Гэлбрейта. В написанной полстолетия назад блестящей работе «Новое индустриальное общество» он раскрыл нарастающие тенденции планирования в системе капитализма и трансформацию господствующего ядра корпораций в техноструктуру, подчеркивая в то же время индустриальный характер современного общества.

Мой друг и учитель, покойный Станислав Михайлович Меньшиков, многие десятилетия поддерживал с Гэлбрейтом творческие контакты и написал вместе с ним пророческую книгу «Капитализм, социализм, сосуществование» (1987). Гэлбрейт глубже всех разработал теорию конвергенции, ставшую плацдармом для теоретических изысканий его последователей, к которым смею отнести и себя.

История экономических преобразований последних 25 лет в России изобилует ошибочными решениями. Им предшествовала начатая не с того конца «перестройка».

¹ *Георгий Николаевич Цаголов*, профессор Международного университета в Москве, д-р экон. наук.

Надо было начинать не с «гласности» и расшатывания политической власти, а с постепенных экономических преобразований. Именно так действовали в некоторых социалистических странах, успешно осуществивших реформы. Главная же «сшибка» произошла четверть века тому назад – мы пошли по пути, указанному «вашингтонским консенсусом». К сожалению, с тех пор мы с него не сворачиваем. Финансово-экономический блок нашего правительства по-прежнему представлен соратниками и последователями Гайдара, направляющими социально-экономическое развитие российского государства.

Порочность избранного нами варианта развития хорошо видна, если взглянуть на меняющийся мир. Социалистические Китай и Вьетнам также провели экономические преобразования, причем Китай – намного раньше нас. Но сделали они это грамотно и вышли на траектории устойчивого и быстрого экономического роста. Я только что вернулся из Поднебесной, где провел две недели, и убедился, что и в Пекине, и в крупных городах, и в сельской местности китайцы сегодня живут лучше нас.

Рыночные реформы в Китае начались в 1978 г. и вскоре их успех стал очевидным. Руководители Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН рассказывали, что, когда они обратились к советским властям с рекомендацией изучить опыт восточного соседа, им ответили: «нам такой ревизионизм и капитализм не нужны». После событий 1991 г. те же руководители ИДВ предложили китайскую модель пришедшим к власти российским реформаторам. И вновь услышали: «нам это не нужно, будем равняться на Запад».

Особого внимания заслуживает содержащаяся в докладе и работах С. Д. Бодрунова аргументированная и убедительная критика концепций постиндустриализма. Ученый показывает, что значительная часть услуг представляет собой производственные издержки и должна быть отнесена к промышленному сектору, а не к традиционной сфере услуг. Знаниеемкость индустрии возрастает, но это не подрывает, а усиливает индустриальный характер современного общества. Кроме того, представляется, что определение настоящего и грядущего общества термином «постиндустриализм» теоретически несостоятельно. Примечательно, что некоторые последователи воззрений Д. Белла позже пришли к аналогичным выводам.

Нельзя забывать, что понятия капитализм и социализм прежде всего характеризуют общественные отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, распределения и обмена материальных благ на различных ступенях развития человеческой цивилизации. Понятие постиндустриального (а также технотронного или информационного) общества абстрагируется от такой сущностной стороны, подчеркиваемой сторонниками формационного подхода. Если быть последовательным, то тогда не надо признавать правомерными категории капитализм и социализм. Короче, линия капитализм – социализм – постиндустриализм никак не выстраивается.

Всякое научное открытие должно быть встроено в существующую систему общественно-экономической мысли. По-моему, формационный подход пока еще никто не в силах отменить. Цивилизационный подход также имеет право на существование. Но разве они не совместимы? Ведь даже основоположник формационного подхода Карл Маркс говорил и об азиатском способе производства. Но это не отменяет его учение о смене общественно-экономических формаций. И кто спорит с тем, что в истории существовали первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический способы производства?

Спрашивается, почему верные идеи С. Д. Бодрунова и его сторонников о необходимости безотлагательного проведения реиндустриализации страны до сих пор

не находят соответствующей реакции в верхах? Ответ однозначен: у нас сформировался определенный строй, и те, кто находится у власти, не заинтересованы в прогрессивных преобразованиях, их интересуют несколько иные вещи. В России правит бал бюрократическо-олигархический капитализм. И это не бранные слова, а констатация статус-кво. Если Китай и Вьетнам реализовали конвергенцию с положительным знаком, то у нас произошло обратное: мы наплевали на свое прошлое, оставив из него лишь худшее и добавив к нему многие отрицательные черты капитализма.

Китай, Вьетнам, Белоруссия и Казахстан не разрушали до основания плановые экономики, а трансформировали их, дополняя рыночными регуляторами. Поэтому все они более или менее успешны. И в быстрорастущей Индии также существует симбиоз плана и рынка. Сейчас там успешно выполняется 12-й пятилетний план. Страна производит на 70 млрд долларов в год программных продуктов. В городе Бангалоре программисты работают ночью, выполняя заказы американских и английских корпораций.

Для успешного функционирования нового индустриального общества в наши дни надо учитывать, что оно должно носить интегральный характер². Стало быть, в нем функционируют объективные законы капитализма и социализма. Лайнер, весящий многие десятки тонн, летит, потому что использует законы аэродинамики, тяготения и многое другое. А мы нередко вообще забываем о многих объективных экономических законах, не зависящих от воли и сознания людей. А ведь в кризисные времена не лишне было бы вспомнить, например, закон планомерного и пропорционального развития и то, что требуется для его функционирования. Мы же предпочитаем жить в рыночном хаосе. А, как известно: в того, кто стреляет в знание или в свое прошлое из пистолета, будущее выстреливает из пушки.

² Подробнее см.: Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика/ О. Т. Богомолов, Г. Г. Водолазов, С. Ю. Глазьев [и др.]; под ред. Г. Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016.

А. Е. Городецкий¹

ПЕРЕД ЛИЦОМ ГРЯДУЩИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Уважаемые коллеги! Я внимательно изучил присланные материалы. Очень плодотворным считаю обращение к отечественной теоретической культуре, методологической традиции, сложившейся в марксистской школе, в научных исследованиях и разработках Сергея Дмитриевича Бодрунова. На мой взгляд, разрывы в методологической культуре, методологических традициях приводят к оскудению научного знания, и даже к вырождению экономической науки. Утрачиваются значение и роль политэкономии как царицы наук, как ее называл А. В. Бузгалин в своих ранних работах. За внешним прагматизмом и рационализмом мы теряем что-то очень важное, что идет от фундаментального политэкономического знания.

Именно в силу этих трендов за последние 25 лет мы в очередной раз сталкиваемся с сакраментальным вопросом: в каком обществе мы живем? И констатируем, что мы не знаем общества, в котором живем. Мы понимаем и очень остро чувствуем, что страна стоит перед серьезными модернизационными вызовами. Но мы не очень отчетливо представляем, что такое эта модернизация, какая модернизация нам нужна, как реально запустить эту модернизацию и получить желаемый результат.

И я приветствую критику постиндустриализма, которую дает в своих работах С. Д. Бодрунов. Мне кажется, что, постоянно используя категориально-понятийный аппарат, сложившийся в зарубежных школах, мы не всегда понимаем, о чем идет речь и в чем слабости этих концепций. В ходе участия в наших семинарах я ознакомился с соответствующими работами и понимаю, что речь идет не просто о переходе от одной стадии к другой. Мы рассматривали постиндустриализм в контексте отдельных более благополучных стран, которые уже начинают жить, как римские патриции, за счет периферии капиталистической системы, а глобальный капитализм оставался таким, какой он есть. И сегодня, в эпоху перемен, кризисов, вызревания новых моделей, все это выплывает наружу, становится более-менее очевидным и пробуждает нашу экономическую мысль.

Второй момент – это обращение к теме материального развития, материального производства, реального сектора и формулировка концепции *нового индустриального общества 2.0*. Мне кажется, что *это можно считать достижением сегодняшней политэкономической мысли*. И не только потому, что мы стоим перед вызовами новых технологических и структурных революций. Сегодня появляется понимание того, что нам не обойтись без возрождения реального сектора, наиболее важных стратегических отраслей, которые составляют ядро этого сектора. Мы не можем самоопределиться в этом плане.

¹ Андрей Евгеньевич Городецкий, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

Можно сколько угодно говорить о реальном секторе, но здесь нужна четкая научная доктрина. И когда мы получаем такую методологическую схему, о которой идет речь в концепции С. Бодрунова, в его доктрине нового индустриального общества 2.0, мы находим здесь место и реальному сектору, и тому, что связываем с надеждой на развитие наиболее важных для нас отраслей. И возникает уже теоретическое знание и предпосылка для концепции, которая может быть переложена на язык соответствующих документов и концептуальных построений.

Хочу отметить еще одну вещь. Мы опять запутались в инновационной терминологии, инновационных понятиях. Опять эти разговоры о переходе к инновационному развитию... С одной стороны, весь XX век прошел под эгидой научно-технической революции, в 1970-е гг. осуществлялись структурная и технологическая революции. Мы забываем, что они проходили на фоне революций в управлении, когда практически все уровни государственного и корпоративного управления подверглись значительной реформации.

И здесь речь шла, конечно, не просто об инновационном развитии, а о некоторых революционных сдвигах. Сегодня мы тоже говорим о переходе к 6-му технологическому укладу, о 7-м технологическом укладе и т. д. Но мы действительно стоим перед лицом грядущих революций, и надо понимать масштаб и содержание этих явлений, и то, что существуют как вызовы, так и определенные цели и задачи. И я вижу положительный смысл в том, что мы начинаем это рассматривать в рамках четкого методологического аппарата.

Напомню, что в Советском Союзе тоже существовал разрыв методологической традиции. Был создан очень интересный подход – теоретическая основа для осмысления этих явлений. Развитие научно-технического прогресса (НТП), создание оборота НТП от науки до производства, понимание того, что научно-технический прогресс в рамках этих кругооборотов имеет свои внутренние ресурсы развития, было очень важным для выстраивания экономических политик и систем долгосрочных документов, которые были созданы в 1970–1980-е гг. Кстати, именно тогда была разработана масштабная социально-экономическая программа развития НТП до 2005 г., на базе которой были созданы многие из тех заделов, которыми до сих пор пользуется новая Россия. И сегодня мы должны осознать всю сложность проблем и привлекать к их решению методологический материал, о котором я говорил.

Я приветствую кристаллизацию понятия «знание» (в понятиях знаниеемкости и знаниеинтенсивности) в приложении к соответствующим компонентам НИО.2. Знание, действительно, выходит за рамки его понимания как творческого продукта чистой науки. Знание как интегральный результат деятельности людей или, как сказал Андрей Иванович, совокупный результат опредмечивания творческих сил человека, конечно, связано и с наукой, и с образованием, и с культурой, и с медициной – со всем комплексом отраслей и видов деятельности, которые условно называются социально-экономической, социально-культурной инфраструктурой. Именно этот духовный, культурный «знаниевый» продукт составляет ту компоненту продукта, которую в данной работе называют «знаниевой». И отсюда можно сделать полезные выводы. Но если мы будем гнобить те отрасли и тот сектор, который создает этот продукт, как это было в ходе институциональных реформ в первое десятилетие 2000-х гг., то вопросы модернизации и создания нового индустриального общества можно закрыть.

Очень коротко о том, с чем можно поспорить. Мне показалось, что здесь есть некий избыточный технократизм – вот эта волшебная сила науки и научно-технического

развития, научно-технического прогресса, которая якобы решает многие социальные проблемы. Мне кажется, это не так. В тезисах говорится, что планирование, стратегическое планирование, программирование способны, во-первых, сглаживать социальные противоречия и конфликты, а, во-вторых, «спрямлять» научно-техническое развитие в желаемой сфере.

Приведу только один пример. Сегодня складываются предпосылки для перехода к новой модели, в которой радикально меняется расстановка регулирующих систем. Сегодня у нас бюджет, и сколько дадим – за столько и будете делать. Когда складывается эта система – ядро стратегического планирования – соответственно меняются и приоритеты. То есть, сначала задаются приоритеты, а потом обеспечивающая система должна предоставить соответствующие ресурсы. Так вот, в новых документах, которые готовит Совет безопасности, имеются три таких измерения. Это – концепция социально-экономического развития – собственно государственный стратегический план, стратегия национальной безопасности; это – стратегия экономической безопасности, вариант которой (совершенно безобразный) подготовило министерство экономики, и стратегия регионального развития, экономического федерализма, которую никак не могут завершить и которая, как говорят те, кто участвует в ее подготовке, еще хуже, чем стратегия экономической безопасности. Ну и, конечно, стратегия геополитического развития, и т. д. И вокруг этих документов разворачивается такая борьба! Здесь есть все – и саботаж, и коррупция, и просто недобросовестная «работа» над текстами, и т. п. Я это говорю к тому, что многие вещи надо рассматривать через призму политэкономии с учетом борьбы систем и интересов, существующих противоречий и т. д.

Сегодня мы располагаем необходимым инструментарием правового и демократического государства, различными средствами воздействия на процессы, связанные с политической деятельностью властей и с инициативами гражданского общества. В то же время нужно быть готовыми и к достаточно серьезным мерам. Например, то, что происходит в области коррупции, когда под угрозой оказываются важнейшие проекты страны, это вообще можно считать политическими диверсиями, а не просто разворыванием и распилом ресурсов.

И, конечно, тезис насчет того, что наука и знания будут «сглаживать» конкуренцию... Не вдаваясь в подробности, скажу, что история знает много случаев, когда именно борьба конкурентных интересов стимулировала научно-технический прогресс и т. д. Здесь тоже нужно быть немножко прагматичнее.

И последнее. Инструменты стратегического планирования требуют абсолютно другого государственного управления. Наверху – постоянно какие-то заклинания: качество управления, качество управления... Анализ так называемой дискуссии о функциях управления приводит к неутешительному выводу: нужны не просто реформы управления, а реформы реформ управления, которые имели место в 2010-е гг. Необходима полная замена принципов этих реформ приблизительно по 6...8 направлениям, начиная с того, что мы понимаем под государственным управлением и государственностью, и кончая вопросами о структуре и единстве нашей власти, о взаимоотношениях группировок, федерализме, административном регламенте, в общем, от глубоко идеологических вопросов до глубоко административных. Спасибо за внимание.

ОТВЕТЫ С. Д. БОДРУНОВА НА ВОПРОСЫ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА

А. В. Бузгалин: Дорогие друзья! Мы в президиуме, что называется, посоветовались и решили, что будет неправильно, если докладчик уйдет, не отреагировав на позитивные отзывы и критические замечания, прозвучавшие в связи с обсуждением ключевых положений его книги, статей и т. д. Только что в кулуарах он уже начал дискуссию у меня за спиной, но думаю, будет правильно, если дискуссия выплеснется на общественную трибуну. Так что, Сергей Дмитриевич, прошу к барьеру!

С. Д. Бодрунов: Давайте я попробую с места, чтобы не выступать второй раз, и попытаюсь в «художественном беспорядке» прокомментировать некоторые вещи.

А. В. Бузгалин: Мне намекают, что у нас есть и другие дискуссионты. Уважаемые коллеги, мы обязательно вам дадим слово, только попозже.

С. Д. Бодрунов: Простите, что я «влез» в середине дискуссии, просто у меня самолет скоро... Знаю, что еще Давид Беркович должен выступить, он у нас постиндустриалист. Когда-то он вел наш семинар, и я примерно представляю, что он отметит, поскольку мы пересекаемся каждую неделю. И я обязательно с ним поговорю после его выступления. Уважаемые молодые коллеги, те, кто пришел выступить, приношу вам свои извинения и попытаюсь ответить хотя бы на то, что успел прослушать. Многие вещи меня реально интересуют, цепляют, и это очень важно.

Первое. Если позволите, я буду говорить не только о тех вещах, которые прозвучали в докладе, но и о тех, которые мы здесь обсуждали. Знаете, многие люди, и не только сегодня, обращают внимание на терминологическую основу тех идей, которые мы в институте развиваем. Думаю, это правильно. Критикуют нас в первую очередь за неудобоваримую лексику – сложные термины. В одном из журналов «Экономическое возрождение России» я опубликовал статью, где критикую всех подряд (и себя тоже) за терминологию. Термин должен быть точным, как говорил капитан Врунгель: «как вы лодку назовете, так она и поплывет». Термин должен отражать суть явления, которое ты этим термином обозначаешь. Но, коллеги, «судей» много, а слово – одно. Найти это единственное слово, ну, в крайнем случае, два, очень нелегко. Я – не поэт, и, когда начал писать, излагать свои идеи на бумаге, понял, что в данном случае суть важнее красоты.

Чувствую, что слова «знаниеемкость», «знаниеинтенсивность» и т. д. – какие-то «корявые», что ли, неблагозвучные. Когда мы готовили доклад в Кембридже, нам пришлось помучиться: а как же сказать это по-английски? То ли от knowledge, то ли от science, то ли что-то еще; что важнее в английском языке, что это отражает? Конечно, можно было «англиизировать» терминологию, но я считаю: если мы работаем в России, с нашей аудиторией, термин должен быть понятен нормальному русскому человеку, владеющему русским языком. Пусть он сложный, но суть отражает лучше, чем какой-то другой. Поэтому отвечаю сразу всем коллегам, которые говорят, что лучше бы по-другому. Наверное, лучше, но я уже не один документ, роман целый написал и применял везде один и тот же терминологический набор, трудно будет менять. Если кто-нибудь из коллег придумает что-то получше, – будем пользоваться.

Перейду к выступлениям, в первую очередь, к докладу Михаила Илларионовича, который говорил про кирпич, бетон, телефон и другие вещи. Конечно, я согласен, как я могу с Вами не согласиться, и по поводу кирпича, и по поводу телефона. Просто, когда говоришь быстро, только обозначаешь явления, за которыми прячутся многие вещи, смыслы – за каждым словом, а ты обозначил только один смысл. Здесь ситуация понятная: если мы говорим о продукции в целом, – это одно, если же говорим о конкретных продуктах, – то это другое. Безусловно, в кирпиче меньше знаний, чем в айфоне. Но все же, в сегодняшнем кирпиче знаний гораздо больше, чем в том, который делали 300 лет назад. Кстати, «поэтому» тот, старый, кирпич более долговечен, чем сегодняшний. Вы, наверное, слышали, что в Италии землетрясение разрушило все, кроме старой церкви, построенной на старых технологиях (кирпич – старый, цемента не было, был яичный порошок и т. д.). Зайдите на современный кирпичный завод, сколько там всего: какие-то присадки; просеивание и калибровка песка; равномерность замешивания; дозаторы, машины, аппараты – смотрите, сколько в современном кирпиче знаний. Поэтому количество использованных знаний в одном кирпиче сегодня превышает количество глины, из которой он сделан. Кстати, глины в современном кирпиче тоже меньше, чем в старом, – он часто полый...

Вот эти нюансы трудно оценить, может быть, рублями и копейками, долями и процентами, но общее понимание такое есть. Тем более, когда речь идет о бетоне, которого 200 лет назад вообще не было, тогда были другие материалы. Бетон появился, когда возникли соответствующие знания – как ответ на потребность в расширении объемов строительства. Сегодня того старого материала, традиционного натур-продукта в традиционном использовании совсем мало. А есть огромное количество переделов, которые базируются на знаниях. Понятно, что мы никуда не уйдем от материальной части, но ее доля в обобщенном продукте будет приближаться к минимальной. Поэтому потребность в «натур-продуктах», сырье будет снижаться относительно объемов выпуска продукта, «закрывающего» определенные потребности.

Хочу остановиться еще на одном важном моменте: не только доля знаний, но и темпы ее роста в разных продуктах разные. В какие-то периоды доля знаний может падать. Более того, в истории вообще нет прямолинейного движения. Мы с Александром Владимировичем дискутировали на эту тему, скоро опубликуем наши «мудрые» мысли. В истории есть и попятное движение, и петли, и что угодно; в технологиях – то же самое; и в использовании технологий, организации дела – тоже. И не всегда новое есть сплошное отрицание старого, чаще – это «смесь». Никто не мешает нам сегодня месить кизяк и строить дом в Средней Азии, используя технологии 1000-летней давности. Можно и дома шкурить наждачной бумагой. Но это не значит, что в целом движение надо отрицать. У нас в России целые десятилетия – «попятное» движение в развитии экономики, в состоянии индустриального сектора, чего хотелось бы избежать. Мы об этом говорим и пишем годами. Порой коллеги (неиндустриалисты) приводят это как аргумент: дескать, нет индустриального движения вперед. Мы повсеместно наблюдаем дикую смесь старого и нового (и не только у нас). Однако это не отменяет глобальных трендов развития цивилизации. В целом, движение идет в том направлении, которое я попытался описать в докладе.

Остановлюсь на некоторых вещах, которые я упустил в своем выступлении – о влиянии материального производства на общественные институты. На мой взгляд, изменения в материальной базе, в том числе в производстве, организации и во всех компонентах продукта, так или иначе влияют на формирование всех вещей, для кото-

рых применяются эти знания и делаются эти продукты, т. е. – для отношений в жизни общества. А жизнь общества регулируется институтами, «способами жизни» в рамках этих институтов, управленческими технологиями в социальной сфере и многими другими вещами, которые не относятся напрямую к материальной части. Поэтому, когда мы говорим о НИО.2, мы говорим не только о технологических изменениях, а об изменении общества в целом, об изменении институтов, обусловленном технологическими изменениями в базе. И не на данный момент, а в динамике и перспективе. Отсюда, например, управленческие решения, если взять, институты; отсюда берем и план. Георгий Николаевич написал недавно прекрасную статью о возврате к планированию. На мой взгляд, это – не петля времени, просто развитие технологий привело к осознанию того, что план – это хорошо, а не плохо. Говорят, СССР развалился. Почему? Многие обвиняли Союз в том, что, дескать, там все планировали..., поэтому он и развалился. Коллеги, развалился он не из-за плана, а потому что план был плохой, несбалансированный, неотработанный. В нем было мало знаний, в первую очередь – технологических, не было технологий, позволяющих его правильно построить, не было вычислительных мощностей, не было моделей, которые можно было бы использовать в планировании. И не были разработаны многие институциональные вещи, которые могли прийти, скажем, из математики, и др. Сегодняшний уровень знаний, технологических решений позволяет многое решить. И мне кажется, что нужно говорить о возможности более эффективного планирования – селективного планирования, индикативного, любых видов планирования, которые позволят сочетать, как говорит Георгий Николаевич, рынок и план. Собственно, в этом пафос вашей статьи. Но как это решить? Решить это можно на технологической основе.

Сюда я бы добавил немного о методологической основе, о чем говорил Андрей Евгеньевич. Какая модернизация нужна? Я еще на заре своих выступлений написал несколько статей по этому поводу. Почему? Потому что первоначальная мысль была – как продвинуть идею НИО.2 в научную среду. Я думал, что если начну говорить о концептуальной платформе, а не предлагать решения, рецепты, которые могут быть более-менее осознанными и легко принятыми, то концепцию не примут, как не примут и что-нибудь еще, из нее вытекающее. Поэтому первые мои книги и статьи касались проблем реиндустриализации, модернизации и т. п. (без большого и глубокого анализа концептуальной платформы). Я исходил из того, что было на виду: например, деиндустриализация – почему? Финансализация – вот ситуация, такая-то проблема – а вот «рецепты». Потому что, пока ты не докажешь людям, принимающим решения, что разработанные тобой предложения можно реализовать, и они правильные, до тех пор нечего и говорить о более глубокой концептуальной основе, на базе которой эти «рецепты» сформированы. Поэтому я сначала статьи, книги писал о реиндустриализации, стратегии, по разным частным поводам, а потом вышел с новой концептуальной платформой, объясняющей, почему нужна реиндустриализация, какой она должна быть и почему надо идти к новому качеству материального производства. И вот теперь мы пытаемся сложить все это «в кучку» и, учитывая методологические моменты, объяснить, опираясь уже на нашу концептуальную теоретическую платформу, какая нам нужна модернизация, каким образом ее осуществить и зачем она нам нужна. Я вообще считаю, что, прежде чем говорить о каком-то деле, надо обратиться к его корням. На этом семинаре мы говорим, в общем-то, о корнях, а не о «рецептах», механизмах, технологиях, методиках, которые надо бы предложить властям.

Хотел бы сказать еще одну вещь – о природе человека. Мне кажется, что человек – это нечто особенное; может, это выглядит несколько романтично..., мне как-то сказали, что Бодрунов – мечтатель и романтик. На самом деле я абсолютный прагматик, но, как говорил Кейнс, настоящий прагматик должен учитывать все, в том числе и «романтическую» компоненту. Я полагаю – надо быть оптимистами и верить в человека. Конечно, человек – это существо, которое вышло *из природы*, и в нем есть то качество, которое позволяло ему в этой – суровой! – природе выживать. И оно никогда не будет изжито, это – стремление быть лидером, заработать, взять, отобрать, поконкурировать и т. д. И это лежит в основе главного тренда экономического развития общества. Но общество развивается не только по этой линии. В человеке есть и другое качество – способность осознавать себя как личность, как нечто такое, что базируется не только на материальных вещах. Существуют общечеловеческие ценности, которые придуманы и приняты всеми людьми. В христианстве они отражаются в заповедях Христовых, это те критерии «качества» человека, на которых мы проверяем себя. Я говорил о культуре – так вот, это напрямую относится к нашей тематике. Я предлагаю один из наших семинаров посвятить теме: индустриализм, технократизм и культура – дихотомия или единство? Это – очень важная вещь, потому что всегда будет борьба между добром и злом: если кто-то придумал, например, вирус (в компьютере), то кто-нибудь другой придумает антивирус. И чем больше добра мы сумеем вложить, воспитать в человеке, тем менее конфликтными будут переходы, связанные с повышением доступности знаний. Эти эволюционные моменты связаны только с нашим осознанием себя как человека общественного, как существа культуропонимающего, культуропотребляющего и культуровоспроизводящего. Я глубоко убежден в том, что духовность является залогом выживания человека.

Этим тезисом я хотел бы закончить ответы на вопросы. И в завершение: Георгий Николаевич сказал в кулуарах, что он еще раз пролистал мою книгу – и у него столько вопросов! Абсолютно верно! Всякая вещь, которая позволяет по-новому посмотреть на что-то известное, порождает массу вопросов. В меру своих сил мы с коллегами попытаемся ответить на вопросы, которые уже есть и которые еще появятся. Для этого существуют и семинары, и статьи, и книжки. У нас неоднократно печатались статьи присутствующих здесь коллег. Александр Владимирович со своей «колокольни», я – со своей, кто-то еще – со своей; наши сотрудники, коллеги, партнеры пишут о проблемах, возникающих в связи с развитием концепции НИО.2 и развертыванием соответствующих исследований. Недавно мы выступали с этим в Кембридже. Заявленная проблема – что делать с «лишними» людьми, которые появляются в результате технологического развития? Мы ищем ответ на этот вопрос, находим его и какие-то вещи описываем. Я благодарен всем, кто задает вопросы, для меня все замечания интересны: во-первых, они показывают, что надо что-то доисследовать, разобраться, и сразу появляется новое направление; бывает, что-то уже понятно узкому кругу людей, но не отражено в наших книгах, статьях. Значит, на это надо обратить внимание – если есть вопросы, то могут появиться сомнения в правильности концептуальной платформы. Чтобы рассеять эти сомнения, переубедить наших коллег-постиндустриалистов, необходимы серьезные аргументы.

Уважаемые коллеги, еще раз благодарю всех, кто смог сюда приехать. Отдельная благодарность, Александр Владимирович, Вам – организатору наших семинарских побед нынешнего года. Напоследок одно сообщение: с 2017 г. мы намерены публиковать все материалы семинара, заседания наших семинаров и коллоквиумы к ним. Поэтому

попрошу вас представить статьи в журнал «Экономическое возрождение России», где будет отдельная рубрика – статьи по итогам заседаний нашего семинара. Только так, вместе, мы разработаем эту обширную и важнейшую (как нам в ИНИР кажется) по научному потенциалу тему.

Я благодарен вам, коллеги, за равнодушие, доброжелательную и конструктивную критику, особенно Вам, Андрей Евгеньевич, – Вы назвали представленную концепцию достижением современной политэкономической мысли. Но я скажу так: это – лишь первый шаг. И если это – достижение, то оно – общее, выработанное всеми участниками семинара. Спасибо.

Д. Б. Эпштейн¹

О НОВОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ²

Основополагающим тезисом в докладе С. Д. Бодрунова является следующий: «Именно материальное производство остается основой самого существования экономики. При этом материальное производство остается производством по преимуществу индустриальным». Мы считаем этот тезис совершенно верным. Более того, мы полагаем, что не только в этом веке, но вообще никогда материальное производство не сможет отказаться от участия людей и не станет полностью автоматизированным, т. е. таким, где одни роботы управляют машинами, а другие (роботы-управленцы) – исполнительными роботами, их же конструируют, совершенствуют, совершенствуя при этом и самих себя, и технологии и т. д. Невозможность такой полностью автоматизированной системы материального производства связана, во-первых, с появлением новых потребностей в новых материальных благах, которые не могут быть предусмотрены и вырабатываются именно людьми и только ими. Во-вторых, до тех пор, пока существует человечество, сохранится необходимость постоянного совершенствования техники и технологий ввиду ограниченности ресурсов в каждый момент и в каждую эпоху. Потребности (и не только утилитарные, человеческие) будут расширяться, для их удовлетворения понадобятся дополнительные объемы ресурсов, которые существующие технологии обеспечить не смогут. Значит, будут систематически требоваться принципиально новые технологии и новые виды техники, которые могут быть созданы только человеком, хотя и при участии роботов. И внедрять их придется в массовом количестве, а для этого понадобятся индустриальные методы и индустриальные, охватывающие всю человеческую цивилизацию, объемы производства. Это и означает, что материальное производство всегда будет преимущественно индустриальным. Более того, со временем и сфера услуг, которая во многом является продолжением сферы материального производства (например, в виде транспортных услуг, почты, торговли, услуг предприятий общественного питания и т. п.), также будет все более машинизированной и технизированной, трансформируясь в сферу приложения человеческого труда индустриального типа. Можно сказать, что есть весьма ограниченный круг отраслей, которые в перспективе останутся вне сферы материального производства, хотя во все возрастающих масштабах будут использовать ее продукцию. Это – образование, здравоохранение, культура, досуг, финансовые операции, страхование, наука, юридические услуги, статистика.

Почему же тогда родился термин «постиндустриальное общество», что он означал? Как известно, он означал опережающий рост занятости в сфере услуг, который

¹ Давид Беркович Эпштейн, главный научный сотрудник Северо-Западного научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства РАСХН, д-р экон. наук, профессор.

² Данная статья является откликом на доклад и тезисы С. Д. Бодрунова.

вместе с опережающим ростом цен на них создавал эффект роста и с какого-то момента – превалирования сферы услуг в ВВП по сравнению со сферой промышленного производства и обрабатывающей промышленности. И тогда кажется логичным: когда-то в занятости и в ВВП большинства стран доминировало сельское хозяйство – это соответствовало эре «аграрного общества». Затем пришла эра машинного промышленного производства, когда по числу занятых стала доминировать промышленность, в особенности, если включать в нее не только обрабатывающие и добывающие отрасли, но и транспорт, строительство. Это означало переход к «индустриальному обществу», которое было основано на применении машин и индустриальных технологиях (непрерывность, поточность, массовость, концентрация, применение электроэнергии в качестве основного вида используемой энергии и т. д.).

Но затем, в силу опережающего роста производительности труда в материальном производстве и более быстрого снижения цен на его продукцию (по сравнению с ценами в сфере услуг, где основным объектом является непосредственно человек), на определенный период победила тенденция снижения доли промышленности и выхода сферы услуг на лидирующие позиции в занятости и ВВП. Отсюда – увеличение доли людей, работающих в секторе услуг (в развитых странах – до 60...80 % от числа занятых). Примерно такой же стала и доля услуг в ВВП. Это и послужило основанием для введения термина «постиндустриальное общество» как общества услуг для человека, идущего на смену индустриальному. К этим тенденциям добавился тренд перевода наиболее трудоемких отраслей промышленности из развитых капиталистических стран в некоторые развивающиеся страны, прежде всего в Южную Корею, Китай, Вьетнам, Индию, что дало мощный толчок развитию этих стран. При этом в мире в целом существенного снижения доли материального и индустриального производства не наблюдалось, а вот в развитых странах это происходило примерно с середины 1970-х гг. до кризиса 2008–2009 гг. Эта тенденция подкрепляла обусловленность термина «постиндустриальное общество».

Кроме указанных причин был еще один фактор: в развитых странах под влиянием тенденций социализации и борьбы трудящихся государство и общество все больше внимания уделяли здоровью, образованию, воспитанию, культуре, отдыху, досугу и другим аспектам жизнедеятельности человека. В послевоенный период государство все больше средств аккумулировало в госбюджете и все большую его долю направляло на социальные нужды (табл. 1).

Отсюда неизбежно вытекало опережающее развитие сферы услуг, причем не для узкого слоя наиболее богатых или властвующих, а для широких масс. Это придавало дополнительный, социальный смысл термину «постиндустриальное общество» – подразумевалось общество, где доминирует не бездушная индустрия, а человек. Неолиберальная волна 1970–1980-х гг. показала, что такой термин идеализирует западное общество и отражает некоторое забегание вперед, хотя уже в 1990-е и 2000-е гг. тенденция роста затрат государства на социальные цели возобновилась (см. табл. 1). Социальное государство вовсе не исчезло, оно лишь трансформируется. В дальнейшем явно обозначилась тенденция возвращения части отраслей промышленности в развитые страны на новой, более совершенной, инновационной технической и технологической базе. Тезис о торжестве «постиндустриального общества» стал справедливо восприниматься как поспешный и недостаточно обоснованный.

С учетом тенденции роста технической оснащенности сферы услуг необходим принципиальный пересмотр этого тезиса, что и делает С. Д. Бодрунов, вводя термин

Таблица 1

**Государственные расходы на социальные нужды в некоторых странах ОБСЕ
(OECD Factbook 2013. Economic, Environmental and Social Statistics. Economic)**

Страна	1990	2000	2006	2008	2009	2010	2011 ²
Канада	18,1	16,5	16,9	17,6	19,2	18,6	18,3 (42,6)
Чехия	15,3	19,1	18,3	18,1	20,7	20,8	20,9 (48,2)
Дания	25,1	26,4	27,1	26,8	30,2	30,1	30,0 (51,7)
Финляндия	24,1	24,2	25,8	25,3	29,4	29,4	28,6 (52,2)
Франция	25,1	28,6	29,8	29,8	32,1	32,2	32,1 (57,3)
Германия	21,7	26,6	26,1	25,2	27,8	27,1	26,2 (57,8)
Греция	16,6	19,3	21,3	22,2	23,9	23,3	23,5 (46,9)
Италия	19,9	23,1	25,0	25,8	27,8	27,8	27,6 (55,3)
Япония	11,1	16,3	18,4	19,9	22,4		
Польша	14,9	20,5	20,8	20,3	21,5	21,8	20,7 (47,5)
Португалия	12,5	18,9	23,0	23,1	25,6	25,6	25,2 (51,5)
Испания	19,9	20,2	21,1	22,9	26,0	26,5	26,0 (59)
Швеция	30,2	28,4	28,4	27,5	29,8	28,3	27,6 (53,8)
Великобритания	16,7	18,6	20,3	21,8	24,1	23,7	23,9 (49,1)
США	13,6	14,5	16,1	17,0	19,2	20,0	19,8 (49,5)
ОЕСД	17,7	18,9	19,6	20,0	22,3	22,2	21,9
Россия ¹	22	14,1	16,9	17,2	21,7	21,9	20 (56,2)

¹ Для 1990 г. – данные по СССР.

² В скобках – процент к расходам госбюджета.

новое индустриальное общество (НИО 2.0). При этом он подчеркивает, что НИО 2.0 основано на знаниях. С тезисом о происходящем переходе к знаниям как основе второй версии нового индустриального общества (НИО 2.0) нельзя не согласиться. Но, строго говоря, этот тезис означает резкое возрастание в структуре продукции материального производства доли применяемых знаний. Я не сомневаюсь в этом возрастании, но какие аргументы можно привести для доказательства этого тезиса? Если изменяется динамика занятости в общественном производстве, в частности, растет число ученых, конструкторов, педагогов, времени обучения и самообразования и т. д., то интересно посмотреть на эту динамику, например, для России. Но сравнивать надо не 1913 г. и даже не 1953 г. с сегодняшним, а, например, 1990, 2000 и 2016 гг. Обратимся к данным российской статистики (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что в России последние полтора десятилетия (а на самом деле с начала 1990-х гг.) имеет место противоположная тенденция: не повышение доли занятых в промышленности, науке и образовании, а ее снижение. А в отраслях, связанных с финансовыми спекуляциями, различными формами торговли и операциями с недвижимостью, происходит мощный рост занятости.

Таблица 2

Среднегодовая численность занятых в экономике РФ в 2000 и 2014 гг.

Отрасль экономики	2000	2014	2014, % к 2000
Всего в экономике	64517	67813	105,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8996	6247	69,4
Рыболовство, рыбоводство	138	139	100,7
Добыча полезных ископаемых	1110	1064	95,9
Обрабатывающие производства	12297	9872	80,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1886	1914	101,5
Строительство	4325	5664	131,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	8806	12695	144,2
Гостиницы и рестораны	948	1272	134,2
Транспорт и связь	5056	5409	107,0
Финансовая деятельность	657	1312	199,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда	4490	5889	131,2
Научные исследования и разработки	1201	895	74,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	3098	3732	120,5
Образование	5979	5520	92,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4408	4496	107,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2313	2513	199,7

Сопоставим эти данные с изменением структуры занятости в советское время и в период 1990–2000 гг. Поскольку состав отраслей в отчетности Роскомстата за этот период отличается от представленного выше, приведем данные о динамике занятости в процентах, а не по абсолютной численности (табл. 3).

Очевидно, что до 1985 г. доля занятых в промышленности и строительстве, в здравоохранении, образовании, науке и научном обслуживании росла. С 1992 г. начались иные тенденции: быстрое снижение доли промышленности и строительства, науки, транспорта в занятости при опережающем росте торговли, финансовой сферы, управления.

Тем самым в России мы имеем картину, обратную той, которую прогнозирует концепция НИО. 2. Это можно объяснить двумя причинами: или наша страна не доросла до уровня, когда начнут действовать современные тренды роста знаниеемкой индустрии, или эти тренды гасятся в результате, во-первых, периода «шоковой терапии» 1990-х гг., а далее – в результате политики правительства. На наш взгляд, достаточно очевидно,

Таблица 3

Изменение структуры занятости в РСФСР и РФ в 1970–2000 гг., %

Отрасль	1970	1985	1990	1991	1992	1995	1998	2000
Промышленность и строительство	41,8	41,7	42,3	41,9	40,6	35,1	30,2	30,4
Сельское хозяйство	19,1	13,9	12,9	13,2	14,0	14,7	13,7	13,0
Лесное хозяйство	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
Транспорт	7,5	8,5	6,6	6,6	6,6	6,6	6,3	6,4
Связь	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,4
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	7,5	8,3	7,8	7,6	7,9	10,1	14,6	14,6
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	3,1	4,1	4,3	4,3	4,1	4,5	5,3	5,2
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	4,7	5,0	5,6	5,8	5,9	6,7	7,0	7,0
Образование	6,6	7,1	7,9	8,1	8,9	9,3	9,3	9,1
Культура и искусство	1,1	1,4	1,7	1,7	1,5	1,7	1,7	1,8
Наука и научное обслуживание	3,3	4,1	3,7	3,7	3,2	2,5	2,0	1,9
Финансы, кредит, страхование	0,4	0,5	0,5	0,6	0,7	1,2	1,1	1,2
Управление	1,7	1,6	2,1	2,1	1,9	2,9	4,4	4,5
Другие отрасли	1,5	2,1	3,1	2,9	3,2	3,0	2,7	3,1

что именно бюджетная научно-техническая политика правительства, проводимая, по сути, с начала 1990-х гг., ведет к сокращению численности занятых в промышленности, прежде всего в обрабатывающем секторе и в науке. Тенденции 2000-х гг. объясняются неспособностью выработать и осуществить стратегию роста и лоббизмом ресурсоэкспортирующих отраслей. Без привлечения к этим фактам внимания широкой общественности указанные негативные тренды изменить вряд ли удастся.

Еще один вопрос возникает в связи с прогнозируемой тенденцией роста значимости общественного производства: нельзя ли хотя бы частично проследить количественное изменение роли знаний в формировании стоимости продукции, измерить долю затрат на приобретение знаний в себестоимости продукции, как измеряют затраты на оплату труда, на электрическую или тепловую энергию? На наш взгляд, можно, если в себестоимости отдельно учитывать не только административные и маркетинговые издержки (как сейчас), но и издержки на приобретение и усвоение знаний (на покупку технологий, патентов, содержание конструкторских бюро, затрат на обучение и т. п.). Это имело бы большую познавательную, практическую и идеологическую ценность. Тут, правда, возникли бы некоторые теоретические проблемы, прежде всего, как определять срок амортизации технологических и иных знаний? Например, предприятие купило патент. На какой срок его стоимость должна переноситься на продукцию? Очевидно, такой срок может быть определен нормативно как средний ожидаемый пе-

риод новизны решений, задаваемых патентами данного типа. В принципе, эти задачи решаемы.

Полагаю, что с тезисом «индустриальное производство должно приобрести (и в ряде случаев – уже приобретает) характер непрерывной инновации» можно согласиться, хотя применительно к России мы говорим о недостаточности темпов инновационного развития.

В дальнейшем автор дает расширительную трактовку понятия «новое индустриальное общество», включая в него фактически и образование, и воспитание. И хотя прямо об этом не сказано, но и медицину, которая поддерживает здоровье человека в процессе его функционирования, как элемента этой НИО 2.0. Его мысль звучит следующим образом: «Эпоха НИО.2 характеризуется тенденцией формирования иной структуры своих основных сфер. В ней доминирующее положение постепенно займут сегменты, в которых создается знаниеемкий продукт, а именно: те, в которых производится данный продукт как таковой, а также те, где создается самое знание и формируется человек, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве» [1]. Если, следуя указанному тезису, включать в «знаниеемкое производство» медицину, образование и иные отрасли воспроизводства человека, то такое производство будет действительно доминирующим в экономике. А если не включать, то, возможно, по-прежнему будет доминировать сфера услуг.

Тезис 7 звучит так: «Основным производственным звеном новой индустриальной экономики становится индустриальный комплекс нового поколения, интегрирующий производство, науку и образование в едином производственном процессе не только на макро-, но и на микроуровне, и включающий в себя собственно производственные предприятия, центры НИОКР/ОКР и образовательные организации с единой инфра- и ультраструктурой; основным способом макрорегистрации производства становится сетевая научно-производственная кооперация».

В своей новой книге С. Д. Бодрунов пишет: «Сетевая структуризация индустрии, идущая на смену вертикально интегрированным структурам...» [2, с. 318]. До последнего времени развитие индустрии шло по пути создания крупных и крупнейших вертикально интегрированных структур, связанных единым управлением и перекрестными отношениями собственности. Эти структуры (вертикальные холдинги) гарантировали обеспечение требуемым сырьем и реализацию готовой продукции в нестабильной рыночной среде по приемлемым ценам. Вопреки традиционной институциональной теории, объясняющей развитие вертикально интегрированных структур снижением транзакционных издержек, на самом деле они для таких структур возрастали, увеличивая как внутренние управленческие издержки, так и издержки на заключение и обеспечение контрактов с большим числом контрагентов [3]. Недостатки жесткой вертикальной структуры холдингов компенсировались окружающим «облаком» средних и мелких самостоятельных фирм, подключаемых при необходимости к производству. В связи с этим целесообразно уточнить: чем новая «сетевая структуризация» будет отличаться от совокупности традиционных вертикально интегрированных структур, окруженных «облаком» независимых фирм, берущих на себя часть инновационных рисков? Какими способами будет обеспечиваться стабильная поставка сырья и комплектующих при распаде вертикально интегрированных структур?

Восьмой тезис посвящен нарастанию роли «активной государственной промышленной политики и долгосрочного инвестиционного государственно-частного

партнерства» как одного из факторов снятия социальных напряжений и своевременной модернизации общественных отношений, а также роли прогнозов и планирования». Как принципиальная тенденция для будущего он не может вызывать возражений. Вопрос в том, насколько он применим к ситуации сегодняшней России. На этот вопрос отвечает девятый тезис, посвященный необходимости изменения ситуации в России. Автор говорит: «Реиндустриализация российской экономики, восстанавливающая в качестве базовой ее компоненты промышленность, а приоритета развития – индустриальное развитие, и новая индустриализация, понимаемая как интенсивное накопление потенциала индустриального развития на основе знаниеинтенсивного производства, на новейшей технологической базе – все это требует изменения установок, государственных решений в сфере экономики, госпрограмм, реорганизации соответствующих институтов и т. д.». Каковы должны быть необходимые изменения в сфере управления, планирования, прогнозирования, «активной промышленной политики, реализующей систему институтов», раскрывает десятый тезис. «Необходимо гарантировать частному бизнесу патернализм государства в отношении *долгосрочных инвестиций в НИОКР и технологическое перевооружение производства*, поддерживающее налогообложение и кредитование реального сектора... При этом такая система должна обеспечивать умеренный уровень социальной дифференциации» [1]. С этими утверждениями нельзя не согласиться, но за кадром остается вопрос: если все это объективно необходимо, то почему это не было сделано за последние 25 лет. Более того, как мы частично показали, тенденция противоположна. Если же обратить особое внимание на количественные параметры социальной дифференциации, то она, как известно, находится на уровне США! В чем причина, как объяснить эти тенденции? Может быть, наши органы власти слишком связаны с экспортом ресурсов, который много проще, чем знаниеемкое производство, и быстрее ведет к частному обогащению?

Возьмем сегодняшнюю ситуацию: три года падения экономики, причем на фоне роста мировой экономики. Кризиса в мире, как известно, нет. Мировая экономика, в целом, устойчиво растет уже седьмой год. Средний темп прироста валового продукта в мире в 2010–2015 гг. – 3,8 % в год, ВВП США – 2,1 %, стран ЕС – 1 %. В Китае темпы роста – 6,9...7,7 % в год [4, 5]. После кризиса мировой экономики в 2008–2009 гг. рост в Китае несколько снизился с уровня 9,9...10 %, тем не менее, это мощный рост самой мощной в мире державы по паритету покупательной способности валюты. Китай успешно перестраивает свою экономику так, чтобы основным мотором роста был внутренний спрос, а не экспорт. Там успешно управляют курсом своей валюты, поддерживают низкий процент за кредит 4...6 % [6, с. 707], государство во все возрастающих масштабах вкладывается в развитие инфраструктуры, науки, образования и поддерживает инновации.

Падение экономики России – сугубо рукотворное. Рестриктивная денежная политика не меняется. Центробанк не намерен отказываться от завышенных ставок за кредит. Руководство страны, видимо, довольно ситуацией, а концепции Министерства экономического развития уповают лишь на повышение цен на нефть и новые газопроводы³. При этом выборы показали, что у нас нет оппозиции, которая могла бы заставить

³ Минэкономики России прогнозирует 20 лет экономического спада. <https://news.mail.ru/economics/27507846/?frommail=1>

изменить экономическую политику – в предвыборных дебатах вопиющий факт трехлетнего падения экономики не нашел отражения. Тогда возникает вопрос: что должна делать экономическая наука, чтобы тезисы о НИО 2.0 начали воплощаться в жизнь? Вот на этот непростой вопрос пока ответа не видно.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты. 10 тезисов / С. Д. Бодрунов // Тезисы к семинару ИНИР (13.11.2016). – СПб., 2016.
2. Бодрунов, С. Д. Грядущее новое индустриальное общество. Перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – 2-е изд. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.
3. Эпштейн, Д. Б. Агрохолдинги – форма вертикальной интеграции / Д. Б. Эпштейн // Экономика сельского хозяйства России. – 2008. – № 9. – С. 60–66.
4. World economic outlook: too slow for too long. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/pdf/text.pdf>. Annex. Tables A1, A4.
5. Акаев, А. Шестой большой цикл Кондратьева в развитии мировой экономики вступает в силу / А. Акаев, А. Кортаев. <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/>
6. Российский статистический ежегодник. – М.: Роскомстат, 2015.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

*В. Б. Сироткин*¹

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ СРЕДА И СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ

Предварительные замечания

В современной экономической литературе обсуждаются и сравниваются принципы и содержание разнообразных моделей: экономики спроса и экономики предложения, неоклассической экономической теории и новой институциональной экономической теории, рыночной и распределительной/иерархической координации коллективных действий. В настоящей статье предпринята попытка показать, с использованием каких инструментов и механизмов формируется/отображается социально-экономическая реальность.

Актуальность работы заключается в следующем. Во-первых, образовательные программы вузов по организационно-экономическим и управленческим дисциплинам требуют существенных изменений, поскольку они опираются на распространенный в западных обществах принцип методологического индивидуализма². Мы не собираемся обсуждать приоритетность данного принципа для стран Запада, но стремимся показать ограниченность его использования при формировании смыслов поведения в нашей стране. Возникает опасная (особенно для просвещения молодых) ситуация двоемыслия/двойного стандарта, когда говорят одно, а делают другое или когда желаемое выдают за существующее.

Во-вторых, огромное число организованных и самостоятельных смысловиков³ и интерпретаторов предлагают удобные объяснения происходящего, задают востребо-

¹ Владислав Борисович Сироткин, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ.

² Методологический индивидуализм – научный подход в общественных науках, утверждающий в центре любой проблемы удовлетворение интересов/ценностей отдельного индивидуума.

³ Смысловики – термин Д. Дондуря, обозначающий тех, кто занят проектированием и производством представлений о происходящем и формированием убеждений населения. Это смыслообразующая сила, которая безостановочно определяет за нас и для нас то, как выглядит окружающий мир.

ванное культурными архетипами большинства понимание событий. Только независимая научная мысль может быть противопоставлена интересам политической конъюнктуры, манипулирующей массовым сознанием большинства. По словам Давида Дондурея, смысловики терпеливо и системно сохраняют у строителей капитализма советский/российский трансисторический тип сознания: подозрение к любым формам негосударственной собственности, частным инициативам и рыночным отношениям; разделение сообщества на своих (земляки, родственники, партнеры неформальных отношений) и чужих (все остальные); враждебное отношение ко всему иностранному.

Бытие человека раскрывается в выразительных символических формах. Объективное бытие есть обобщение понятий, выработанных онтологией.⁴

Выдающийся английский философ, лауреат Нобелевской премии Бертран Рассел (1872–1970), полагал, что, если смешивать философию природы и философию ценностей, то, кроме вреда, ничего не выходит. Последние вопросы задает философия природы, которой нет дела до наших желаний, до добра или зла. Противоположная ситуация возникает, когда люди придают ценность своим желаниям, определяют, что есть зло или благо, оценивают то, что существует реально, и то, что они воображают. Рассел считал, что вера в то, что наши идеалы в конце концов осуществляются во внешнем мире, мотивирует наши действия. Он полагал, что требование, чтобы мир укладывался в схемы согласно нашим идеалам, – это тюрьма, из которой сознание должно освободиться. Конечное «я», движимое желанием самосохранения, ищущее «здесь» и «теперь», возводит тюремные стены вокруг бесконечного начала, выступающего принципом единства мира. Забыв о всеобщем, люди стали полагать, что идеальное благо – объект избирательной веры – не принадлежит действительному миру и поэтому не может быть объектом поклонения. Если личная жизнь поглощает все твои мысли и желания, она становится тюрьмой, из которой страдающему человеку нет выхода – он должен покориться [1].

Известный логик и социолог А. А. Зиновьев (1922–2009) указывал, что современную историческую эпоху характеризуют следующие черты. Во-первых, исторический процесс превратился в проектируемый и управляемый. Доминирующую роль в жизни человека приобретает виртуальность. Эта новая ступень эволюции потребует отказа от старых понятий/значений, сформированных в период Ренессанса, и перехода к новым. Во-вторых, за прогресс в одной из сфер существования приходится платить деградацией в других областях жизни. Реконструкция естественно-исторического развития сопровождается организацией оглушения миллиардов людей: расширяется интеллектуальная сфера производства вымыслов, фантазий (параллельные миры, путешествия во времени и др.). Индустрия СМИ, литература, кинематограф создают слова/понятия, которые нельзя объяснить. Грандиозный объем словоблудия называют информационной революцией. Люди оперируют понятиями (общество, гражданские права, приватизация, демократия и др.), не понимая, что это такое. Тексты теряют реалистический смысл и представляют собой «пустышки», служащие для внешнего употребления.

В-третьих, чем больше людей занимается созданием текстов, тем ниже уровень таких текстов. Интеллектуальная сфера социологии, экономики и политологии и у нас,

⁴ Онтология – учение о бытии.

и на Западе находится на очень низком научном уровне. Все, что представляло раньше сферу частных разговоров, выплеснулось в тексты. Спортсмены, артисты, врачи, кулинары, политики и прочие дилетанты⁵ захватили сферу сочинительства и рекомендуют чушь или банальности. Люди оперируют одними и теми же понятиями ситуационно – смысл понятия определяется контекстом высказывания, категорией текстов. Нет точного определения вещей, позволяющих рассуждать доказательно. А. А. Зиновьев показал, что средством борьбы против информационного террора должна выступить наука, в первую очередь комплексная логика.

Актуальность исследований наиболее распространенных современных взглядов на продукты человеческого языка и сознания достаточно высока, поскольку они дают представление о том, что содержат наши высказывания. Известный австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) в романе «Человек без свойств» (1930–1942) писал, что «... человека можно сделать только из того, что ему говорят о том, что он есть или из того, что с ним делают, если он есть». Для России проблема содержательного уровня текстов по экономике организации и управлению стоит особенно остро. Интеллектуалы применяют иностранные слова для отображения процессов, для которых эти слова не предназначены: демократия, приватизация, прибыль, легитимность, право и др.

Эволюция картин мира

Древнее мифологическое сознание оперировало культурными интуициями, смутными отображениями двух главных чувств – зрения и слуха. Основа мифа – эстетическая интуиция. Позднее великие цивилизации на основе рефлексии⁶ древнего эстетического мифа сформировали философию. Исток традиций – это миф, основанный на интуиции. Появляются интуитивные архетипические структуры – представления о пространстве и времени. Чтобы конкретизировать, соотносить между собой и организовать эти интуиции, необходима рефлексия. Рефлексии можно рассматривать не только в контексте мифа, но и в культурном контексте философии, религии, искусства и науки. В европейской культуре в основу рефлексии был положен рационализм (разумное мышление). Язык древнего мифа оперировал символами/именами, навязанными объекту. Последующие мифы оперировали языком слов. Древние мифы сменил миф о Бого-человеке и философские мифы. Философский миф оперировал понятиями (категориями): бытие, сознание и др. и объяснял мир, подставляя на место мифических образов абстрактные понятия. Человек постепенно привыкает жить в мире абстракций и мыслить этими абстракциями. Чем дольше человек живет в искусственном мире понятий, тем сильнее он отвыкает от жизни в реальном мире.

Выдающийся культуролог и религиовед XX в. Мирчи Элиаде (1907–1986) полагал, что:

1. Господствующая функция мифа состоит в том, чтобы предоставить модели для подражания во время совершения любых значимых действий: таковы правила кор-

⁵ Дилетантизм, дилетантство (от лат. забавляю, услаждаю) – занятие какой-либо областью науки без специальной подготовки при поверхностном знакомстве с предметом.

⁶ Рефлексия (от лат. отражение) – размышление/переосмысление, полное сомнений и противоречий; анализ собственного психологического состояния. Существуют различные типы рефлексий: в рациональном контексте, в бытовом контексте, в литературном смысле, в научном смысле, искусстве (эстетике).

вления, бракосочетания, обучения детей, искусства, науки и мудрости. Миф учит повторять жесты сверхъестественных существ, познавать происхождение вещей через переживания в процессе ритуала, приобщаться к ценностям эпохи и заряжаться энергией. Мифы содержали сумму полезных знаний, и люди традиционных обществ видели в них модель для подражания.

2. Различают священные мифы и светские сказания⁷. Истории нельзя рассказывать, не делая различия между слушателями. Светские истории (отображают мир повседневности) можно рассказывать в любое время, в любом месте. Сакральный миф помогает возвыситься до уровня великих, демонстрирует образцы и придает смысл миру и человеческому существованию. Миф нельзя оценивать с точки зрения морали.

3. Философские построения произошли из мифологии: мысль стремилась познать абсолютное начало и тайну человеческого бытия. Философские истории (от Августина до Гегеля и Маркса) имеют целью раскрыть смысл и направление всемирной истории. Схоластика совмещала откровения с разумом, а веру с познанием. После Крестовых походов центр/культурная гегемония переместилась из Византии в Западную Европу. Гуманизм обошел Византию и другие православные страны. Греки никогда не забывали разорения крестоносцами Константинополя. На Руси специфика культурного процесса была связана со становлением централизованного государства [2]. К 1300-м гг. сотрудничество философии и богословия завершилось.

4. Понятия реальность, истина и смысл появились благодаря сакральному⁸ опыту/осознанию божественного мира абсолютных ценностей, способных придать смысл существованию и направить человека. Тот, кто излагает миф, обязан доказать свое призвание, пройти подготовку у старейшин, выделяться своим воображением, памятью и творческим талантом. Аристократия (рыцарство) в сагах (об аргонавтах, о Зигфриде и др.) открыла, что существование – это проблема и трагедия. Рыцарская мифология XII в. оказала на культуру Европы огромное влияние. В ту эпоху существовала потребность в такого рода переживаниях. Реформация знаменовала конец религии как универсальной системы мировоззрения. Постепенно мифы были вытеснены литературой и наукой [2, 3]. Сегодня то, что когда-то было тайной (структура инициации, пантеон богов и их поведение), разрешено безнаказанно рассказывать любому.

5. Рационалистическая критика и победа логоса над мифом, документа и книги над устной традицией означали расцвет нового типа сознания. Мифологическое мышление не может исчезнуть – оно меняет формы и адаптируется к новым социальным условиям. Христианизация европейских народов оказалась не способной упразднить местные поверья и символы. Потребность в историях и рассказах – это неискоренимая человеческая черта.

Существует гипотеза, что завершающаяся фаза кризиса европейской культуры, начавшаяся в конце XIX в., идет вместе с переоценкой ценностей: переносом ценности из трансцендентного человеческого природе⁹ в имманентное. На основе имманентного

⁷ Известный социолог и философ А. Г. Дугин исследует три группы (схемы) мифов (героические, драматические и мистические) и два режима воображения: дневной (диурн) и ночной (ноктюрн) [6].

⁸ Сакральный – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу.

⁹ Трансцендентное (от лат. переступить) – выходящее за границы сознания и опыта. Противоположное – имманентное – внутренне присущее, пребывающее в самом себе.

появляется только цивилизация¹⁰, но не культура [5]. Прекращается относительно бесконфликтное существование двух миров – мира трансцендентных ценностей (мифос) и мира, где человек оправдывает самого себя (логос). Цивилизация в отличие от культуры наращивает утилитарные ценности и не способна предложить ответа на вопросы о смысле бытия и трагедии человека. Прогресс техники, производства, торговли не был спасительным для человеческих отношений, человек становился все более одиноким и отчужденным. Противоречие имманентного и трансцендентного в ценностях, посредством которых обретается назначение и смысл бытия, полагают причиной кризисных изменений культурной идентичности.

На основе знаков в Европе были созданы система наук (метод Декарта) и система искусств (эстетика). Эти системы оперируют разными языками, и поэтому взаимонепроницаемы. В каждом контексте (экономика, политика и др.) обнаруживают свои законы, логика одного контекста/языка неприменима для другого. Приоритеты в культурном сознании меняются. Сегодня главенствует идея о том, что миф может быть правильно понят только через человека: идея Богочеловека выше идеи космического миропорядка. Рефлексия – зеркало этого нового мира – приводит к проблемам человека, которые отображаются на различающихся между собой языках науки, литературы, религии и др.

Нам представляется, что современная цивилизация включилась в гонку за светскими мифами. Нам предлагают иллюзии, которые постоянно обновляются и охватывают все стороны человеческого существования (образование, хозяйственную деятельность, политику и др.).

В такой быстроменяющейся среде индивидууму сложно сохранять психологическую устойчивость и собственную безопасность.

Можно предположить, что в историческом контексте в сознании человека происходила эволюция:

а) расширялась символическая реальность;

б) сакральные мифы замещались целерациональными светскими образами и символами;

в) усиливалась критическая направленность ментальной деятельности.

Можно допустить, что широкому распространению марксизма, фрейдизма и ницшеанского наследия способствовало не то, какие идеи несли в себе эти учения, а то, что они предлагали «не верить человеку и обществу». Три великих мыслителя, исследующие совершенно различные явления, использовали общий принцип: то, что люди считают наиболее важным, во что они верят, выступает для маскировки чего-то другого, чего люди не хотят признавать в себе. У К. Маркса в качестве сокрытого выступает борьба классов, у З. Фрейда – подсознание, у Ф. Ницше – биологическое дочеловеческое начало. Задачи мышления были коренным образом переориентированы: сознанию нового типа следовало быть подозрительным – предполагать, что всякое утверждение служит для того, чтобы сокрыть истину.

¹⁰ Существует несколько вариантов определения цивилизации. Здесь под цивилизацией понимается материально-технический базис и социальный механизм регулирования совокупности потребительских ценностей.

Реальность и знаковый аппарат сознания

Окружающий нас мир можно структурировать и отображать в виде следующих реальностей:

1. Реальность предметного мира – это самые ранние представления, определяющие самосознание человека; свои и чужие предметы, количество собственных вещей и др. Мир предметов с детства развивает в человеке позитивные качества (дарение, сохранение, накопление). История культуры – это история вещей в нашей психике. Атрибуты этой реальности: тело, протяженность, время и количество.

2. Реальность образно-знаковых систем/символическая реальность – это пространство обозначения предметов и их функционального назначения. Знаковые системы (звук, словарь, понятия) и образы (картины, схемы) вещей потребовались для обучения и передачи опыта. Сегодня мы смотрим на мир через системы знаков (отрицательные и положительные знаки и образы), и знаковая реальность формирует нашу психику. Например, герменевтические и феноменологические подходы, начало которым положил немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976), и лингвистические нововведения австрийского философа и логика Людвиг Витгенштейна (1882–1951) нашли широкое распространение в современной социологии. «Уход в знаки», значения и языковые игры, откуда иногда невозможно вернуться в мир социальных практик, отличает современных постструктуралистов.

3. Реальность нормативного пространства – это область правил и норм, определяющих социально-культурные отношения между людьми. Нормы¹¹ выступают в виде границ социальной жизни, по отношению к которым существует множество поддающихся управлению установок [7]. По мере развития и формирования «второй природы» люди освобождались от врожденных форм отношений и создавали новые нормы и ценности, посредством которых общались друг с другом (зависть, любовь, лживость). Неудовлетворенность человека несоответствием декларируемых (доктринальных) и реальных норм общежития выступала и выступает источником динамики цивилизации.

4. Природные реалии – это пространство естественного мира, из которого произошла жизнь человека. Этот вид реалий не является творением человека. Изучением этого мира занимаются естественные науки, которые ставят себе целью постижение истины – того, что есть и может быть продемонстрировано «здесь и сейчас».

5. Реалии внутреннего/психического пространства личности – это пространство сознания человека, определяющее его жизнь и в значительной степени индивидуальное для каждого. Такое нематериальное пространство пытаются описывать с помощью понятий воля, воображение, свобода выбора и др. Способность отделять факты внешнего мира от интерпретаций, создаваемых сознательным и бессознательным, составляет содержание актуальной для науки «проблемы наблюдателя». Герменевтика¹² и феноменология¹³ отрицают решение гуманитарных проблем на основании

¹¹ Норма (руководящее начало, образец) – установленная мера, узаконенное установление, признанное обязательным.

¹² Герменевтика (от греч. разъясняющий, истолковывающий) – искусство истолкования текстов и принципов их интерпретации.

¹³ Феноменология (от греч. являющееся) – часть психологии, описывающая явления сознания.

объективного подхода (субъект–объект) и обосновывают необходимость учета вовлеченности и переживания субъектом ситуации, частью которой он является. Можно допустить, что создаваемые такой наукой объяснительные схемы направлены не на выяснение истины, а на устранение когнитивного диссонанса в психике человека.

Перечисленные выше реалии перетекают друг в друга (предметы в знаки, знаки в нормы и т. д.) и формируют у людей положительные и отрицательные сущности. Общественные науки стремятся упорядочить перечисленные реальности, помочь человеку ориентироваться в действительном мире, но, на наш взгляд, неудовлетворительно выполняют эту задачу. Известный социолог И. Валлерстайн утверждает, что общественные науки проектируют окружающий нас мир. Под прикрытием термина «научный синтез» в общественных науках укоренился эклектизм – механическое соединение разнородных, часто противоположных понятий, взглядов и принципов. Эклектизм распространен в литературе, СМИ, политике и профанных (обыденных) высказываниях. В науке этот подход приводит к ложным утверждениям и неверным рекомендациям, опираясь на которые мы получаем существенные расхождения между окружающими нас фактами (результатами действий) и нашими ожиданиями.

А. А. Зиновьев утверждал, что сознание включает чувственный аппарат и знаковый аппарат. Чувственный аппарат формирует смутные мысли и образы. С помощью знакового аппарата сознания люди устанавливают соответствия между вещами. Одни вещи выступают как знаки – заместители других вещей. Знаки легко сохраняются, воспроизводятся и передаются от поколения к поколению. С помощью знаков одни люди сообщают другим людям о вещах.

Правила пользования знаками не наследуются. Им обучаются. Знаковый аппарат сознания развил в человечестве три не биологические способности: самоорганизовываться и создавать объединения, изобретать материальную культуру, использовать и накапливать знания. За миллионы лет знаковый аппарат стал играть такую роль в жизни людей, что человечество не может без него обойтись. Законы знаков/языков – общие, и они не зависят от законов вещей. Функция знаков/терминов – обозначить «что-то», указать и ничего больше. Эту функцию выполняет исследователь, т. е. это субъективная функция.

Знаки способны отображать сущности, которых нет (Ангелы, Черты), т. е. отображать фантазии. Знаки и правила их использования создают люди, а не природа. За знаком стоит материальный образ, а может стоять утопия.

Структурные элементы языков – это знаки и высказывания. Знаки – это то, что в природе не существует. От предмета, существующего в реальности, сознание переходит к терминам. Термины/понятия – это знаки, слова. По значению термина, например – капитализм, мы устанавливаем смысл слова, смысл слов должен быть известен до построения фраз.

Высказывания – это фразы/предложения, составленные из терминов. В логике высказывания строят с помощью терминообразующих операторов. Чтобы рассуждать доказательно, требуется однозначное определение – экспликат.

Мы существуем не в природе/реальности, а в виртуальном мире знаков и высказываний. Не вещи определяются словами, а слова предлагают нам продукты фантазии. Люди хотят получить успокаивающие ответы на сложные вопросы. Высказывания строятся не по законам логики (языки – объекты логики), а на уровне чувств. Люди оперируют одним и тем же словом ситуационно, т. е. смысл и значение слова определяется контекстом высказывания и психологией группы, к которой человек принадлежит (например, злодей или жертва).

По мнению представителей западной школы социальной психологии [8]:

1. Мы живем в символическом мире понятий, предназначенных для упорядочения нашего поведения. Упорядочить взгляды на вещи позволяет картина мира – система слов, значений, гипотез и ожиданий. Картины мира организованы с помощью языков – знаковых механизмов. От языка зависит содержание и структура мысли. Язык ограничивает восприятие реальности показателями и категориями.

2. Для согласования действий необходимы опознавание объектов и их классификация. Лингвистический механизм облегчает конструирование картин мира. Значение/понятие конвенционально, если большая часть людей данной культуры разделяет общее представление относительно свойств объекта и его использования. Значение – это то, какими люди согласились считать объекты. С помощью таких понятий люди понимают реальность и формируют шаблоны¹⁴ поведения. Социализация – это продолжающийся всю жизнь процесс научения активному участию в группах; форма адаптации личности. Научение в группе заключается в формировании и закреплении шаблонов поведения. Значимые люди выступают как инструкторы и модели для подражания; они поощрениями и наказаниями ограничивают пути, по которым живет личность. Новый человек, включаясь в группу, вступает в существующее символическое окружение – картину мира, признанную группой, и использует язык/словарь группы для манипулирования значениями.

3. Символическое окружение – продукт коммуникации (способ деятельности по приспособлению друг к другу). Коммуникация в группе определяет картину мира. Люди получают права, только если разделяют общую картину мира. Каждый может иметь права, лишь если желает жить в соответствии со своими обязанностями в группе. Структура личной внутренней определенности вводится группой извне. Каждая организованная социальная группа имеет свой словарь мотивов к действию (денежный, индивидуалистический, политический и др.), которые члены группы установили как желаемые. Словарь группы – это основание для выбора сознательных волевых актов для членов группы. Гибкая координация каждого члена группы основана на самоконтроле (процесс, при котором один интерес возникает, чтобы заблокировать другой) и социальном контроле (приспособлении к требованиям окружения).

4. В изменяющихся обществах представления, которые разделялись большинством, оказываются под сомнением, социальный контроль ослабевает, старые группы разрушаются, а новые создаются. В переходный период – время разногласий по поводу типов поведения и уклонения от существующих норм – происходит принятие новой символической реальности/новой жизни и приспособление к новым условиям окружения. Принятие новой картины мира дает возможность переоценить самого себя. Чем больше у человека картин мира, тем меньше он поработан одним образом жизни.

Нейролингвистическое программирование индивидуального поведения

Познание вещей зависит: а) от позиции, с которой мы смотрим на вещь; б) от символов, с помощью которых себя выражаем. Несовершенное посредничество слов способно исказить знание о вещах. Укажем основные положения нейролингвистического программирования, с использованием которого пытаются изменить убеждения и поведение человека [4]:

¹⁴ Шаблон – степень формализации действий.

1. Язык выступает средством репрезентации и передачи моделей нашего опыта. Сказанные слова обозначают умственный опыт, а написанные слова обозначают сказанные слова. Написанные и сказанные слова (поверхностные структуры) представляют собой преобразованные психические и лингвистические глубинные структуры.

Язык является разновидностью *символической репрезентации* – карты /картины или модели мира; он позволяет обобщать наш опыт и передавать его другим. Человека следует учить правильно пользоваться языком, чтобы предотвращать конфликты, возникающие из путаницы между картой и территорией. Именно нейролингвистические карты/картины в большей мере определяют то, как мы интерпретируем и реагируем на окружающий мир, какой смысл придаем своему опыту и поведению. В действительности нет ничего ни хорошего, ни плохого. Это размышление делает все таковым. Наши поступки определяются, скорее, не самой реальностью, а ее внутренними моделями. Великий физик А. Эйнштейн полагал, что наше мышление создает такие проблемы, которые невозможно решить с помощью мышления того же типа.

2. Определенные слова устанавливают фреймы наших переживаний, выдвигая их различные аспекты (позитивные, негативные и др.) на передний план. Фрейм – это психологическая рамка, включающая общую направленность наших мыслей. Фрейм – это когнитивный контекст (тема), устанавливаемый восприятием того или иного события или переживания. Различают следующие виды фреймов: результата, проблемы, обратной связи, ошибки и др. Фреймы устанавливаются вокруг нашего восприятия ситуации и могут классифицироваться на профессиональные, гендерные, возрастные типы и др. Например, фрейм результата концентрирует и удерживает внимание на цели, последствиях или желаемом состоянии. Фрейм проблемы основное значение придает тому, что нежелательно или неправильно, и причинам негативного состояния.

Рефрейминг (помещение ситуации или переживания в новый фрейм) позволяет иначе интерпретировать те или иные события и находить новые решения. Рефрейминг может заключаться в изменении размеров фрейма (широта и глубина нашего взгляда на ситуацию) или контекста (смысла) фрейма. Например, содержание (поле) изменений фрейма можно переключить на другой результат или проблему – превратить критические замечания в вопросы, из критика превратиться в советчика и др.

Переопределение (замена обобщения или утверждения новыми словами или словосочетаниями) позволяет изменять негативные высказывания на позитивные, исключить часто бесполезные оценки, обвинения, подтексты и ярлыки. Различные типы слов и вербальные паттерны создают и изменяют фреймы для нашего восприятия, расширяя или ограничивая количество возможностей, которые кажутся нам доступными. Слова формируют также восприятие и установки по отношению к собственному поведению и окружающему миру.

3. Значение/смысл сообщения или переживания является функцией внутренних репрезентаций нашего опыта. Значение информации для адресата определяет его реакция на информацию, независимо от намерения, которое было у сообщавшего эту информацию. По своей сути значение/смысл является продуктом наших ценностей и убеждений. Ценности, критерии и убеждения выступают средствами для установления фреймов.

Ценности (идеалы) – это то, что имеет для нас наибольшее значение. Материальным выражением ценностей является набор целей и выборов, которые мы себе задаем (стабильность, безопасность, увеличение доходов, удовольствие, успех, ответственность, творчество, признание). Ценности – это первичный источник мотивации в жизни человека.

Критерий (от греч. – судья) – это стандарты и признаки, на которые мы опираемся при вынесении суждений и принятии решений. Критерии формируют и определяют типы желаемых состояний, к которым мы стремимся. При наличии общих ценностей люди могут совершенно по-разному оценивать степень соответствия конкретной ситуации их критериям.

Для оценки «реальности» того или иного события или переживания человек использует внутренние критерии. Критериальные соответствия тесно связаны с личными картами реальности.

Убеждения/вера – это оценки и суждения, касающиеся нас самих, других людей и окружающего мира. Ценности связаны с переживаниями через убеждения. Инстинктивные убеждения – это продукты глубинных структур мозга, они почти не поддаются воздействию обычной логики или рационального мышления. Это наше убежище – то, во что человек верит.

Убеждения определяют наши ожидания и действия, но люди зачастую об этом не знают. Например, большинство людей не осознают, что они тщеславны и завистливы. Разум с помощью рассуждений помогает инстинкту (интуиции, инсайту) опровергать или подтверждать убеждения. Инстинктивные убеждения могут быть ошибочны, о чем можно судить из их явной несовместимости с другими столь же твердыми убеждениями. Наука утверждает, что интеллект – это источник истинных верований.

Различают ограничивающие убеждения (уже слишком поздно, я не смогу, я жертва и бессилён что-то изменить) и позитивные убеждения. Ограничивающие убеждения и мысли-вирусы создают тупиковые ситуации и самоисполняющиеся пророчества (я приложил все усилия, но ничего не вышло и др.).

Убеждения с лингвистической точки зрения выражены в форме комплексных эквивалентов или утверждений о причинно-следственных отношениях, которые лежат в основе наших рассуждений и объяснений. Комплексный эквивалент подразумевает, что мы говорим друг другу о двух или более переживаниях так, как будто они эквивалентны друг другу (являются одним и тем же). Например, «быть богатым – значит достичь успеха». Наши интерпретации событий и переживаний являются следствием применения множества комплексных эквивалентов. Такой лингвистический процесс способен упрощать и искажать внутренние отношения и взаимосвязи.

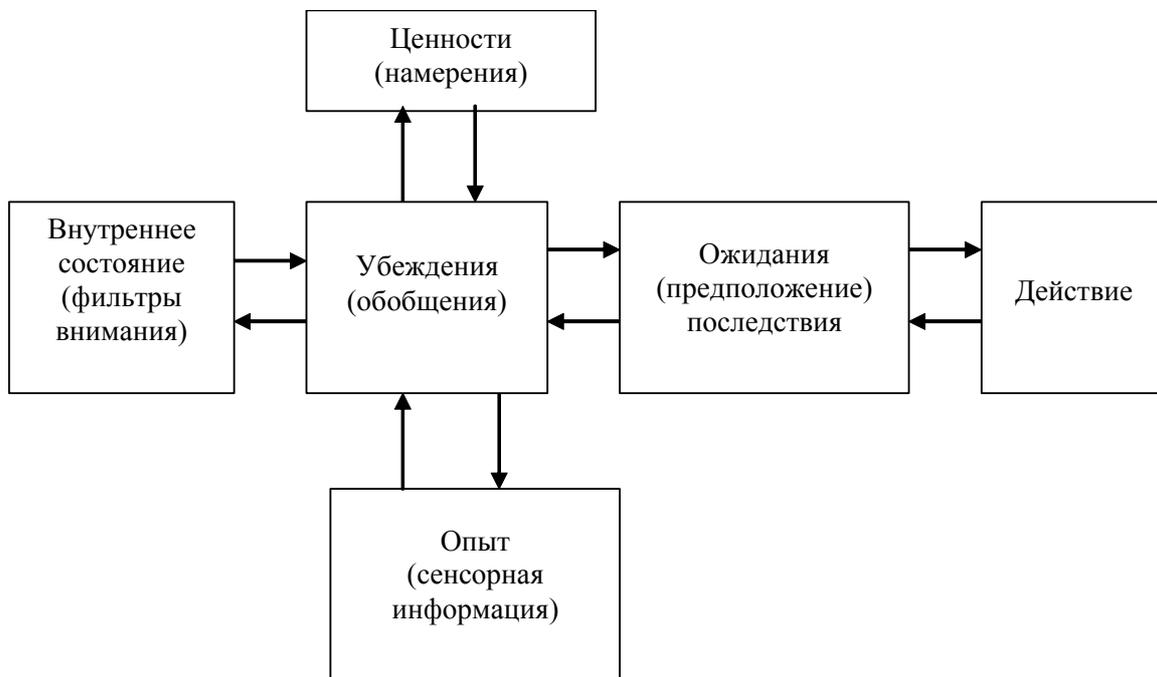
Ожидания – предвкушение какого-либо события или результата. Людям свойственно создавать ожидания и надеяться на то, что реальность будет им соответствовать. Ожидания выступают ментальной картой – мощным фреймом будущих действий (намерений) и их последствий. Ожидаемые последствия выступают в роли картин для большинства других переживаний. Фреймы-ожидания влияют на выводы, которые человек способен извлечь из собственного опыта. Они оказывают сильное влияние на нашу мотивацию. Ожидания могут быть позитивными и негативными. Психологически грамотная пропаганда защищает людей от разочарований, укрепляет их убеждение в том, что заверения правительства справедливы, направляет их ненависть против врагов. Общественные науки успокаивают людей и вселяют в них надежду на лучшее.

Фреймы отображают структуры, определяющие индивидуальное поведение. Коллективное поведение исследуют общественные науки, которые используют другие понятия и логику другого класса. В экономических моделях исследователи пытаются устанавливать связь между зависимыми переменными (экономический рост, объем инвестирования, промышленный выпуск и др.) и независимыми (ресурсы, технологии, институты, новые идеи и др.). Объяснительные логики в таких моделях

сменяют одна другую: кейнсианство, монетаризм, рациональное поведение, институционализм и др.

В нейролингвистическом программировании индивидуального поведения используют логику взаимосвязи понятий, представленных на рисунке [4]. В неоклассической экономике для обоснования действия индивидов используют другую логику взаимосвязей понятий, в которой место «ценностей» занимают «цели», а место «убеждений» – «желания». В такой схеме цели должны соответствовать желаниям больших групп людей, а действие возникает: а) из желания достигнуть цели; б) мотивации. Общественные науки пытаются обосновать пути достижения желаемой цели. Самое интересное здесь – вопрос организации (а не первичной субстанции) и доказательство того, что одни действия, а не другие являются средством достижения желанной для всех цели.

В США превосходство экономистов среди представителей других социальных наук объясняется тем, что дисциплина выработала строгий язык, описывающий строгие понятия в простых и абстрактных терминах. Рассуждения по аксиоматическим правилам позволили экономистам объяснять явления на основе формальных уравнений и однозначно заданных причинно-следственных связей. Противоположностью аксиоматического подхода выступают рассуждения по аналогии (на примерах, игнорируемых современными экономистами). После Второй мировой войны в США усилия экономистов были направлены на математизацию языка дисциплин, чтобы приблизить экономическую теорию к чистой науке, подражая физикам. Рационально-формалистический язык экономики рассматривается как свидетельство высоких стандартов научности, но существенно упрощает описание реальности. Теоретическая точность це-

Взаимосвязь понятий, создающих фреймы

нятся экономистами выше, чем соответствие реальному миру. После 1990-х гг. направление академических усилий стало перемещаться к прагматизму – смещение в сторону школ бизнеса. Вместе с тем, благодаря особому языку, в США сохраняется доминирующее положение экономики среди других наук [9]. Язык экономистов – неформальный институт (правила игры), сформированный ядром группы, – выступает защитным барьером от проникновения в профессиональное сообщество инородных убеждений и предотвращает его распад.

Заключение

Господствующее определяющее – картина мира в сознании, определяющая поведение людей, – выступает предметом ожесточенной борьбы групп интересов, претендующих на власть.

Каждая профессиональная среда вырабатывает собственную знаковую систему (понятия и правила употребления слов), используя которую пытаются отображать реальный мир. Легитимность действующей знаковой системы определяется членами профессионального сообщества и ослабляется при переходе к новой форме отображения реальности. Например, физики считают допустимой как корпускулярную, так и волновую модели атома. Можно предположить, что участники профессиональной среды формируют свое собственное отображение реальности, которое отличается от моделей, распространенных в других отраслях.

В окружающем мире может происходить то, что органы чувств человека не воспринимают, а существующий знаковый аппарат индивида не способен отобразить или отображает в соответствии с собственными правилами. В современном мире, где никто не несет ответственности за произнесенные слова, возникает множество групп интересов (молодежь и этнические меньшинства, СМИ и др.), каждая из которых формирует и развивает свой язык. Каждый такой виртуальный мир знаков и символов проникает в существующую реальность и замещает ее собственной картиной.

Знаковый аппарат работает по собственным правилам. Он может оказывать влияние на представления отображаемого. Отрасли гуманитарных и общественных наук (культурология, политология, экономика и др.) герметичны, так как каждая пользуется своим языком (понятия, логика). Можно сказать, что каждая отрасль наук называет реальностью не то, что так называют другие.

Утверждения и рассуждения в области социально-экономической теории и практик содержат большое количество неопределенностей. Язык как знаковая система (референт), преобразующая обозначенное в обозначающее, эволюционирует по своим законам. Каждое новое понятие, возникающее в профессиональной области, усиливает неопределенность отображаемого этим понятием, поэтому не следует стремиться множить число трактовок существующих понятий ради псевдонаучной новизны и называть новыми именами то, что уже давно было названо.

Список литературы

1. *Рассел, Б.* Почему я не христианин: Избранные атеистические произведения / Б. Рассел; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989.
2. *Элиаде, М.* История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации / М. Элиаде; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2015.
3. *Элиаде, М.* Аспекты мифа / М. Элиаде; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2014.
4. *Дилтс, Р.* Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб.: Питер, 2001.

5. *Извенко, А. И.* Конфликт современной культуры и цивилизации (опыт Англии) / А. И. Извенко; Институт социальной педагогики и психологии. – М., 2002.
6. *Дугин, А. Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2010.
7. *Гиденс, Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гиденс. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005.
8. *Шибутами, Т.* Социальная психология / Т. Шибутами; пер. с англ. – М., 1960.
9. *Фуркад, М.* Превосходство экономистов / М. Фуркад, Э. Ольтон, Я. Альган // Вопросы экономики. – 2015. – №7.

Н. П. Макаркин¹

О ДВУХ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В мае 2016 г. на заседании президиума Экономического совета при Президенте РФ В. В. Путин предложил в течение одного-полутора лет провести серию дискуссий по проблемам развития социальной сферы, технологического обновления национальной экономики, улучшения делового климата и совершенствования государственного управления с участием представителей различных подходов. Он подчеркнул, что «...любые идеи и инициативы должны выдвигаться вместе с практическими механизмами их реализации, которые будем рассматривать и которые в будущем должны лечь в основу программных документов органов государственной власти» [1].

В центре дискуссий находятся Концепция Минэкономразвития РФ, разрабатываемого «Стратегию-2030», и оппозиционные концепции, одну из которых отстаивают председатель совета фонда «Центр стратегических разработок» и заместитель председателя Экономического совета при Президенте РФ А. Л. Кудрин [2, 3], другую – советник Президента РФ С. Ю. Глазьев, представивший программу реформ экономики Столыпинского клуба [4, 5]. Привлекают внимание и другие концепции модернизации экономической политики, в частности, доклад Института развития РАН и Института нового индустриального развития (ИНИР) [6]. Принять участие в дискуссии могут члены Парламента, руководители регионов, представители бизнес-сообщества и научно-образовательной сферы. Расширение круга участников позволяет аккумулировать все наиболее конструктивные предложения, которые могут лечь в основу разрабатываемой стратегии развития страны. Многие предложения широко известны и обсуждались представителями научного сообщества, органов федеральной и региональной власти (например, [7–10]). Они должны стать идейной «подпиткой» разрабатываемой стратегии экономического и технологического подъема России.

Важно, чтобы новые программные документы не повторили судьбу своих предшественников. Напомним, что не утвержденным и не реализованным оказался разработанный в 2000 г. проект «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2010 года», который предусматривал завершение в 2007 г. перехода к развитию экономики за счет инновационных факторов. Вместо этого с 2000 по 2007 г. произошел спад инновационной активности в ведущих отраслях экономики: добыче полезных ископаемых, обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, снизился с 10,6 до 9,4 % [11].

¹ *Николай Петрович Макаркин*, президент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, заведующий кафедрой экономики и организации производства, д-р экон. наук, профессор.

Спустя восемь лет задача превращения инноваций в ведущий фактор экономического роста перекочевала в «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. в ноябре 2008 г.). В этом документе в очередной раз провозглашалось стремление к созданию экономики лидерства и инноваций. По мнению разработчиков, к 2020 г. доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40...50 %, производительность труда – в 3...5 раз, энергоемкость в среднем должна снизиться в 1,6...1,8 раза, удельный вес России на рынке высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг должен составить 5...10 %. Поэтапный переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста был определен в концепции как ключевая задача. Концепция преобразилась в «Стратегию-2020», которая, по поручению Правительства РФ, была несколько обновлена. Однако она также осталась не принятой и постепенно была забыта.

На упомянутом нами заседании Экономического совета В. В. Путин поставил задачу – наметить ключевые ориентиры экономической политики до 2025 г., которые должны лечь в основу разрабатываемой Минэкономразвития «Стратегии-2030». Подготовка очередного документа, определяющего экономическую политику государства, основывается на положениях и требованиях Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [12]. Установленный законом перечень документов стратегического планирования включает в себя: ежегодное послание президента страны Федеральному собранию, Стратегию социально-экономического развития, Стратегию национальной безопасности и документы в сфере обеспечения национальной безопасности. В июне 2016 г. Правительство РФ, учитывая исключительную значимость для страны решения научных и технологических проблем, поддержало законодательное предложение об отнесении Стратегии научно-технического развития России к документам стратегического планирования. Разумеется, предусмотренный законом перечень документов не должен быть чрезмерным – он призван сконцентрировать внимание и ресурсы на решении ключевых задач по обеспечению социально-экономического и технологического развития, а также национальной безопасности. Однако меняющаяся внешняя и внутренняя обстановка вносит коррективы в состав ранее утвержденных приоритетных направлений государственной политики. На наш взгляд, к числу направлений, которым на государственном уровне должны быть посвящены специальные документы стратегического планирования, относятся повышение качества институциональной среды и существенное снижение коррупции.

На данном этапе в фокусе внимания находятся вопросы, связанные с разработкой стратегии социально-экономического развития, реализация которой призвана воплотить в жизнь новую экономическую политику, ответить на вызовы, стоящие перед страной, освободить ее от сырьевой зависимости, обеспечив подъем промышленности на современной технологической основе. Обновленный экономический курс должен найти отражение в той части документа, посвященного стратегии социально-экономического развития, которая содержит:

- 1) оценку текущей социально-экономической ситуации и степени достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;
- 2) определение целей социально-экономического развития Российской Федерации и целевых показателей на долгосрочный период, а также условий, факторов, ограничений и рисков при их достижении с учетом задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [12].

Оценка текущей ситуации должна основываться на непредвзятом анализе объективных и субъективных факторов, помешавших достижению заявленных целей. Анализ проблем и вызовов, стоящих перед экономикой страны, должен быть дополнен вскрытием причин их возникновения, действий и/или бездействия, превративших их в угрозу для государства. При этом крайне важно, чтобы оценка ситуации осуществлялась независимыми экспертными структурами. Правильный диагноз – единственный путь к успешному противостоянию болезни.

Цели и целевые показатели социально-экономического развития должны: 1 – быть реалистичны и достижимы; 2 – обеспечить сокращение растущего экономического и технологического отставания России от стран-лидеров. Не следует тратить время на бесплодную полемику вокруг стратегической цели – можно позаимствовать прежние варианты, например, приемлема формулировка из «Стратегии-2020»: «Стратегической целью является превращение России в одного из глобальных лидеров мировой экономики» [13]. Усилия по коррекции экономической политики должны быть направлены на выработку конкретных мер, реализация которых обеспечит опережающие темпы экономического роста России.

Взятый руководством страны курс на отказ от действующей экономической модели требует критического отношения к реформаторским предложениям ее создателей и более пристального внимания к позиции их оппонентов. Множество самых противоположных мнений участников дискуссии затрудняет принятие согласованного итогового документа, но в то же время позволяет включить в программу действий аргументированные предложения представителей разных подходов к модернизации хозяйственной политики.

Опыт разработки программ социально-экономического развития страны позволяет утверждать, что в интересах концентрации усилий на решении проблем выхода из кризиса новая программа, в отличие от «Стратегии-2020», не должна претендовать на всеохватность, на рассмотрение вопросов модернизации всех сторон общественной жизни (экономики, политической системы, международных отношений и т. д.). Содержание стратегического документа следует ограничить конкретными мерами государства по кардинальной трансформации социально-экономической политики, что в определенной степени нашло отражение в федеральном законе о стратегическом планировании. Документ должен завершить не свойственные однопартийному правительству дискуссии и споры между руководителями экономического блока по поводу проводимой экономической политики. В нем следует однозначно сформулировать позицию правительства по вопросам, вызывающим разногласия, например, в части использования средств резервного фонда, обеспечения доступности дешевых кредитов, планирования и использования доходов и расходов бюджета, налоговой политики, оплаты труда, пенсионной реформы и т. д.

Чрезвычайно сложная экономическая ситуация требует ускорения работы над проектом стратегии, охватывающей шестилетний период, как это предписано законом № 172-ФЗ, ибо для вывода страны из кризиса, тем более для воплощения замысла ввести Россию в число мировых лидеров по уровню экономического и технологического развития, отведено слишком мало времени. В экспертном сообществе начинают преобладать пессимистические прогнозы в отношении возможности восстановления экономики. Так, три отечественных исследовательских центра (Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС), Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ) и Институт Гайдара) в результате оперативного мониторинга

пришли к выводу о высокой вероятности перехода российской экономики к новой модели существования – долгосрочной стагнации; согласно их сценарию развития ситуации в экономике, выход из кризиса вовсе не означает переход к росту [14].

Чтобы данный прогноз не стал реальностью, следует, не дожидаясь утверждения новой стратегии, вести работу по устранению наиболее очевидных и серьезных препятствий на пути подъема экономики. Сдерживающее влияние многих из них выходит далеко за пределы экономики – их роль в развитии страны столь значима, что на государственном уровне, как было отмечено, им должны быть посвящены целевые документы стратегического планирования. Среди подобных препятствий выделим низкое качество институциональной среды и высокий уровень коррупции. Очевидность их серьезного негативного влияния на развитие общества диктует необходимость включения в состав разрабатываемых документов стратегического планирования стратегии повышения качества институциональной среды и стратегии противодействия коррупции. Успешная реализация этих стратегий без значимых для бюджета инвестиций приведет в действие два важных источника экономического роста.

Повышение эффективности институциональной среды является ключевой задачей государственного управления, ибо, по популярному образному выражению: «Эта та корова, без которой не будет молока». Институциональная среда представляет собой совокупность общественных отношений, которые могут сковывать либо раскрывать возможности развития производительных сил. От качества данных общественных отношений, от того, насколько они сближают индивидуальные, коллективные и общественные интересы, в решающей степени зависит уровень развития экономики, правовой культуры, духовно-нравственной сферы и в целом уровень устойчивости общественно-политической системы. Политика государства в сфере модернизации институциональной среды должна учитывать ее инерционность, невозможность достижения кардинальных и эффективных перемен в краткосрочном периоде. Справедливость сказанного подтверждают исторические примеры. Наиболее яркие из них: опыт китайской трансформации по инициативе Дэн Сяопина и отечественный опыт перестройки М. Горбачева. В первом случае мы видим высокоэффективные результаты, во втором – распад страны, повсеместный упадок экономики, появление очагов военного противостояния. Вот почему кардинальная модернизация институциональной среды как совокупности формальных и неформальных институтов (норм и правил) должна быть взвешенной и поэтапной.

Влияние государства проявляется прежде всего в процессе формирования и соблюдения формальных норм и правил, что обеспечивает функционирование системы стимулирования или принуждения к их исполнению во всех сферах деятельности: в политике, экономике, образовании и т. д. Государство призвано обеспечить равенство всех членов общества перед утвержденными нормами и правилами, начиная от Конституции страны и заканчивая локальными нормативными актами. Утверждение верховенства закона – стержневое направление в работе по улучшению институциональной среды. Однако, придавая большое значение формальным институтам, нельзя недооценивать воздействие неформальных правил и норм на поведение и межличностные отношения. Привычки, традиции и обычаи оказывают огромное влияние на потребности, поступки и предпочтения. Сила их воздействия ощущается не только в быту, но и при принятии решений на государственном уровне [11]. Их высокая общественная значимость отмечалась всегда: еще Цицерон говорил о душах, поработанных обычаями, а М. Монтень – о тирании привычки.

В процессе модернизации институциональной среды необходимо учитывать тип сложившейся политической системы и культурных традиций народов. Политической системе современной России присущ симбиоз авторитарных и демократических характеристик, поэтому ее трансформация должна проводиться государством поэтапно, без революционных перемен, с концентрацией внимания на начальном этапе на вопросах повышения эффективности институтов, имеющих первостепенное значение для утверждения верховенства закона и развития экономики. Отметим, что при подготовке «Стратегии-2020» были созданы две группы экспертов: одна обсуждала и готовила предложения по укреплению рыночных институтов, обеспечению стабильности условий собственности и развития конкуренции, стимулированию малого предпринимательства; другая – по развитию общественных институтов. Многие наработки экспертов могут войти в стратегию повышения качества институциональной среды.

Другой целевой документ должен быть посвящен исключительно актуальной для современной России проблеме – борьбе с коррупцией. Отсутствие видимого прогресса в этой области свидетельствует о недооценке негативного влияния коррупции на развитие общества и личности. Она превращается в норму жизни, иногда нам внушают, что коррупция способствует более быстрому и эффективному решению проблем. И это – вопреки мировому опыту. Как справедливо отмечает С. Роуз-Аккерман: «...ученые, стремясь осмыслить сбои, повсеместно наблюдаемые в экономическом развитии, всякий раз обнаруживают, что во всем виновата коррупция, равно как слабость и произвол питающих ее государственных структур» [15].

Коррупция является основным сдерживающим фактором роста морального и профессионального уровня работников органов государственной власти, ибо главным критерием отбора кандидатов на работу в этой сфере становится не квалификация, а преданность начальству. Отсюда – малоэффективность формируемых кадровых резервов; чиновничество часто воспроизводит себе подобных, только в худшем варианте.

Коррупция поражает всю систему общественных институтов; она не только сдерживает экономический и технологический прогресс, но и негативно отражается на социальном, политическом и духовно-нравственном развитии. Коррупция в любой стране способствует росту удельного веса «серой» и теневой экономики, что искажает реальные масштабы и структуру общественного производства, ведет к росту издержек предприятий, а следовательно – цен на продукцию, повышению уровня инфляции и снижению уровня жизни населения. По оценкам экспертов, в строительстве 30 % издержек приходится на коррупционную составляющую.

В коррумпированной среде невозможно добиться оптимального распределения бюджетных средств с учетом общественных потребностей. Коррумпированное чиновничество направляет финансовые ресурсы в первую очередь в те отрасли, где выше уровень «откатов» и взяток. Вот почему в коррумпированных странах, как правило, относительно ниже расходы на образование, здравоохранение и культуру.

Коррупция ведет к снижению конкуренции в экономике и увеличению монополизма со всеми вытекающими негативными последствиями: ростом цен, снижением инновационной активности и т. д. Она усиливает социальное неравенство, так как коррупционные потоки, перемещаясь по вертикали и горизонтали, преимущественно движутся снизу вверх, делая бедных еще беднее, а богатых – еще богаче. Если в 1995 г. в России децильный коэффициент был равен 13,5, то в 2012 г. он достиг 16,4.

Коррупция и неуверенность в российских активах являются главными причинами оттока капитала. За 2009–2013 гг. чистый отток капитала из России составил свыше 285 млрд долларов, и только за 2014 г. он достиг 150 млрд долларов.

Высокий уровень коррупции представляет реальную угрозу безопасности любой страны. Падает авторитет власти, растет социальная напряженность, что в итоге разрушает политический режим, каким бы сильным, устойчивым и жестким он ни казался. Так было всегда, и так происходит в современном мире.

В последние годы руководство России демонстрирует политическое намерение бороться с коррупцией, усилив внимание к созданию качественной нормативной базы. Антикоррупционное законодательство включает в себя принятый в декабре 2008 г. базовый закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и законы, предусматривающие изменение почти 30 законодательных актов РФ, что обуславливает соответствующие корректировки в законах и других правовых актах субъектов РФ. Существуют многочисленные антикоррупционные отраслевые стратегии, концепции, программы и нормативные акты. В апреле 2010 г. указом Президента РФ была утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции; разрабатываются и реализуются соответствующие двухгодичные национальные планы. 1 апреля 2016 г. подписан Указ Президента РФ № 147 «О национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы», в котором предусмотрено создание, функционирование и развитие специализированного информационно-методического ресурса по вопросам реализации требований о противодействии коррупции, прописан широкий круг мероприятий антикоррупционной направленности.

К этому следует добавить участие России в международных конвенциях и организациях по борьбе с коррупцией, которое обязывает учитывать требования нормативно-правовых актов, регулирующих меры по борьбе с коррупцией на международном уровне. В 2000 г. Россия стала членом рабочей группы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по проблеме подкупа при заключении международных коммерческих сделок, в 2003 г. ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции. В 2007 г. наша страна вступила в члены международной организации «Группа государств по борьбе с коррупцией» (ГРЕКО) и ратифицировала Конвенцию Совета Европы по уголовной ответственности за коррупцию.

Обширная нормативная база должна быть дополнена реальными практически действиями по борьбе с этим злом, чтобы опровергнуть высказанное около 2 000 лет назад утверждение римского историка Тацита о том, что, чем больше в государстве коррупции, тем больше законов. К сожалению, сохраняющийся в стране высокий уровень коррупции свидетельствует о низкой эффективности принимаемых мер, которые часто носят имитационный характер. К таковым можно отнести попытки решить проблему с помощью многотысячной акции «Стоп, коррупция»; реализуемых в коллективах предприятий и организаций комиссий и мероприятий по борьбе с коррупцией и клятвы государственных служащих свято соблюдать Конституцию страны. Ставка на одни моральные устои не искоренит коррупцию. Полностью одолеть ее еще не удалось ни одной стране мира. Даже в наиболее благополучных по индексу восприятия коррупции государствах его значение никогда не превышало 9,5 при десятибалльной системе оценки.

В течение всей истории человечества велась и ведется борьба с коррупцией. Богатый опыт ее проведения подробно описан в научной литературе и публицистике

[15–18]. Ознакомление с источниками убеждает нас в том, что низкий уровень коррупции характерен прежде всего для стран с устоявшимися демократическими традициями и активным гражданским обществом. В десятку наименее коррумпированных стран входят Дания, Новая Зеландия, Финляндия, Швеция, Канада, Нидерланды и т. д., где исторически сложились эффективно функционирующие общественные институты, обеспечивающие независимость ветвей власти, судов, средств массовой информации и т. п. Тем не менее, 3-е место в ряду наиболее благоприятных по индексу восприятия коррупции стран занимает Сингапур – государство с авторитарным политическим режимом, ставшее независимым лишь в 1965 г. Этот пример убедительно показывает, что борьба с коррупцией может быть успешной и в стране, где нет богатого исторического опыта становления демократии. Сингапур, некогда входивший в пятерку самых коррумпированных стран, за короткий исторический период перешел в тройку наименее коррумпированных. Другим примером успешной борьбы с коррупцией является Таиланд, где политический режим характеризуется как неустойчивая демократия с элементами авторитаризма. Нельзя назвать демократическим и режим в Китае, где уровень коррупции среди чиновничества значительно ниже, чем в России.

Политика российского государства в этой области должна строиться с учетом отмеченной ранее амбивалентности политической системы современной России, которая предопределяет два главных тесно взаимосвязанных и взаимодополняющих направления.

Первое направление предусматривает максимальное использование руководством страны потенциала авторитарного лидерства для морально-нравственного очищения высшего эшелона руководителей федерального, регионального и отраслевого уровней. Оно послужит импульсом для антикоррупционного процесса. В данном случае было бы полезно использование сингапурского опыта, что потребует воли, объективности и мужества, так как очищение по справедливости, по заслугам не пощадит и тех, кто ранее относился к касте «неприкасаемых». Решиться на такой шаг трудно, но необходимо, и чем быстрее, тем лучше для страны. Интересы Отечества должны быть выше личных. Проведенные в последние два-три года аресты губернаторов, вице-губернаторов, заместителей федеральных министров, мэров городов не только способствовали очищению чиновничьей среды, но и отрезвляюще подействовали на любителей нажиться за счет бюджета. Улучшая таким образом качество чиновников, мы повышаем эффективность государственного управления. В целях укрепления правовой базы по борьбе с коррупцией необходимо ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН против коррупции. В ней признается в качестве уголовно наказуемого деяния незаконное обогащение, под которым понимается значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его официальные доходы [19].

Средства массовой информации приводят многочисленные примеры расточительного отношения федеральных чиновников к расходованию бюджетных средств, когда региональные руководители на глазах у населения за счет бюджетов субъектов РФ успешно развивают семейный бизнес, закрывая глаза на правонарушения своих приближенных. В связи с этим целесообразно ввести запрет для первых лиц субъектов РФ, руководителей муниципалитетов и их ближайших родственников на построение бизнеса на подотчетной территории и учитывать это при регистрации кандидатов, желающих баллотироваться на соответствующие должности.

Второе направление непосредственно связано с успешной и последовательной реализацией задач по совершенствованию институциональной среды в обществе,

что дает возможность гражданам активно участвовать в противодействии коррупции. Во всех странах, где ведется последовательная и успешная борьба с коррупцией, большое значение придается взаимодействию государственных и общественных институтов.

В заключение отметим, что разработку не декларативных, а действенных и последовательно реализуемых стратегий повышения качества институциональной среды и противодействия коррупции следует рассматривать не только как использование двух стратегически важнейших источников экономического роста, но и как ключевое условие воплощения в жизнь программ социально-экономического развития страны, успешного решения задачи повышения уровня политической культуры и духовно-нравственного состояния общества в целом.

Список литературы

1. Стенограмма заседания президиума Экономического совета 25 мая 2016 г. Москва, Кремль. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/51996>.
2. Кудрин, А. Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025 г.): тез. докл. на заседании президиума Экономического совета 25 мая 2016 г. URL: <http://akudrin.ru/news/tezisy-doklada-alekseya-kudrina-ob-istochnikah-ekonomicheskogo-rosta-v-perspektive-do-2025-g-predstavlen-nogo-na-zasedanii-prezidiuma-ekonomicheskogo-soveta-25-maya-2016-goda>.
3. Кудрин, А. Новая модель роста для российской экономики / А. Кудрин, Е. Гурвич // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 4–37. URL: <http://akudrin.ru/uploads/attachments/file/12/kudrin.pdf>.
4. Столыпинский клуб. Экономика роста: докл. – М.: Октябрь, 2015. URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf.
5. Глазьев, С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития / С. Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2015. – № 5. – С. 3–63. URL: <http://www.glazev.ru/upload/iblock/797/79731df31c8d8e5ca59f491ec43d5191.pdf>.
6. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски: докл. / Институт развития РАН; Институт нового индустриального развития (ИНИР) // Реиндустриализация: возможности и ограничения: сб. материалов Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – М., 2013. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d477365af5651386f7.pdf>.
7. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4 (46). – С. 9–23. URL: <http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2015/02/2014-4-42.pdf>.
8. Бодрунов, С. Д. Стратегия экономического развития России: цель – достижение технологического лидерства / С. Д. Бодрунов // Труды Вольного экономического общества России. – Т. 197. – 2016. – С. 54–61. URL: http://www.veorus.ru/upload/iblock/6cd/197_veor.pdf.
9. Аганбегян, А. Г. Как России выйти из удручающей социально-экономической ситуации и развиваться опережающими темпами? / А. Г. Аганбегян // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3 (45). – С. 21–24. URL: <http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2015/10/2015-3-45.pdf>.
10. Ершов, М. Какая экономическая политика нужна России в условиях санкций? / М. Ершов // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 37–54. URL: http://www.ershovm.ru/files/publications_document_176.pdf.

11. *Макаркин, Н. П.* Об условиях инновационного развития / Н. П. Макаркин. – М.: Экономика, 2013.
12. Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>.
13. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.
14. Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. URL: <http://www.ranepa.ru/useniyyu-issledov/strategii-i-doklady-2/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii>.
15. *Роуз-Аккерман, С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман; пер. с англ. О. А. Алякринского. – 2-е изд. – М.: Логос, 2010.
16. *Иванов, А. М.* Коррупция и борьба с ней в странах Азиатско-Тихоокеанского региона / А. М. Иванов, А. Г. Корчагин. – М.: Юрист, 2001.
17. *Монтанелли, Д.* Италия – операция «Чистые руки» / Д. Монтанелли, М. Черви, А. Ди Пьетро. – М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 1999.
18. *Андрианов, В. Д.* Коррупция как глобальная проблема: история и современность / В. Д. Андрианов. – М.: Экономика, 2011.
19. Конвенция ООН против коррупции URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвенция_ООН_против_коррупции.

Д. Б. Джабборов¹

ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ: РЫНОЧНЫЕ И ПОСТРЫНОЧНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Социально-экономическое развитие является важнейшим элементом общественного прогресса, улучшения благосостояния каждого человека и уровня жизни всех людей.

В современной экономике все большую роль играет сфера креативного труда². Под последним понимается не просто производительная деятельность, для которой необходим большой объем знаний³, а такой труд, в процессе которого требуется постоянное созидание, творческая деятельность. Этот вид деятельности захватывает все новые сферы экономики, распространяясь не только в науке, образовании, культуре, но и в сфере материального производства. Оценка эффективности такой деятельности весьма затруднительна.

В рыночной экономике одним из основных показателей экономического роста является ВВП на душу населения. Считается: чем выше этот показатель, тем выше уровень жизни в стране. Однако этот индикатор не всегда точно отражает прогресс в уровне жизни людей, в частности, из-за недоучета социальных показателей (образования, здравоохранения, неравенства в обществе).

Учитывается лишь экономический рост – социально-экономическое развитие во внимание не принимается. Зачастую снижение ВВП можно соотнести с общественным развитием. К примеру, уменьшение количества людей, пользующихся частным автомобильным транспортом, и увеличение количества людей, пользующихся общественным транспортом или велосипедом, может привести к уменьшению ВВП из-за снижения производства автомобилей, количества потребляемого топлива, уменьшения расходов на здравоохранение (люди, передвигающиеся на велосипедах, здоровее). Есть обратные примеры. Так, коммерциализация здравоохранения может способствовать обогащению владельцев здравоохранительных и страховых учреждений и росту ВВП, что приведет к росту социальной дифференциации и ухудшению здравоохранения.

Проблема в том, что ВВП – это в большей степени количественный показатель, и его исключительное использование ведет к неоднозначному результату. Кроме того, ВВП не учитывает расслоение общества, что недопустимо в современных реалиях.

¹ Далер Бахтиерович Джабборов, ведущий научный сотрудник ИНИР им. С. Ю. Витте, аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

² Термин «креативный труд» или «креативное производство» родился в процессе диалога с профессором А. В. Бузгалиным.

³ См., например: Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России. 2015. № 4. С. 16.

Конечно, можно назвать примеры прямой зависимости между ростом ВВП и социально-экономическим развитием, отчасти поэтому рыночная экономика измеряется этим показателем. В последнее время набирает популярность показатель ВВП, скорректированный на паритет покупательной способности (ППС) в разных странах, который является более объективным при проведении сравнительного межстранового анализа.

Но социально-экономическое развитие не ограничивается ростом ВВП. Такой показатель, как индекс человеческого развития (ИЧР), более полно отражает социально-экономическое развитие общества. При расчете этого показателя используются индекс ожидаемой продолжительности жизни, индекс образования и ВВП по ППС. Согласно исследованию комиссии под руководством нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и А. Сена [8], которая занималась вопросами качества различных экономических показателей, все большую роль в современной экономике играет благосостояние людей (здоровье, образование, досуг и т. д.). Как пишет доцент ЭФ МГУ им. М. В. Ломоносова И. М. Теняков: «Главный, на наш взгляд, вывод Комиссии заключается в необходимости смещения акцентов в системе макропоказателей: перехода от показателей, ориентированных на экономическое производство, к показателям, нацеленным на измерение благосостояния людей в контексте устойчивого развития» [3, с. 265–274].

Однако этот показатель не полностью отражает ситуацию в экономике. В частности, ИЧР не учитывает: 1 – качество образования (формальное и реальное получение высшего образования будет считаться одинаковым); 2 – расслоение общества (наличие нескольких очень богатых людей может сдвинуть этот показатель вверх даже при наличии огромного количества бедных).

Существуют и другие недостатки. При этом отметим, что при подсчете данного показателя осуществляется попытка учесть некоторые другие факторы (помимо исключительно фактора произведенных товаров и услуг).

Критерии развития при выборе того или иного подхода различны. ВВП как индикатор был оправдан, пока в обществе преобладало материальное производство, например в Европе, где в 1970 г. доля индустриального производства была почти такой же, как и доля сферы услуг в ВВП (43 и 46,7 % соответственно [7, р. 45]), но к 2008 г. это соотношение составляло уже 27,9 к 69,9 %. Труд не был креатоемким и относительно легко можно было определить текущее экономическое состояние и наличие (или отсутствие) экономического роста. С развитием и расширением сферы услуг оценка ее доли на рынке и определение качества нематериальных благ стали проблематичными для объективности показателя ВВП. Кроме того, в экономике выросла доля креативного труда, дать количественную оценку которого еще сложнее.

Если для работы на заводе в индустриальном секторе лишь в редких случаях необходимо образование выше среднего, то для работы в секторах, которые становятся доминирующими (сфера IT, наука и пр.), где высока доля креативного труда, необходимы высокий уровень образования, способность и умение созидать.

Данные, приведенные в книге Ричарда Флориды «Креативные классы: люди, которые меняют будущее» [6], показывают, что доля работников креативной сферы в экономике значительно выросла за эти 100 лет (см. таблицу и рисунок). Разделение по классам происходит в соответствии со статистикой департамента труда США. Креативный класс состоит из двух подклассов: суперкреативного ядра и креативных профессионалов.

Суперкреативное ядро: профессии в области программирования и математики; в области архитектуры и инженерного дела; в области естественных и социальных наук;

в области образования, воспитания и библиотечного дела; в области искусства, дизайна, развлечений, спорта, СМИ.

Креативные профессионалы: управленческие профессии; профессии в области бизнеса и финансов; в области права; в области здравоохранения (врачи и технические специалисты); руководящие профессии, связанные с продажами и управлением продажами.

Состав различных классов в экономике США (1900–2015 гг.)

Год	Креативные профессионалы	Суперкреативное ядро	Рабочий класс	Обслуживающий класс	Сельское хозяйство	Креативный класс (КрПр+ СупЯдр)
1900	7,6	2,4	35,8	16,7	37,5	10
1920	8,7	3	40,2	21,1	27	11,7
1940	10,2	4	39,8	28,6	17,4	14,2
1960	12,5	5,4	37,7	33,3	6,1	17,9
1980	10,5	8,2	31,7	46,2	2,8	18,7
1999	18,4	11,7	26,1	43,4	0,4	30,1
2015*	18,15	13,06	24,56	43,9	0,33	31,21

* Данные для 2015 г. составлены автором на основании [4].

Процент занятых в различных отраслях экономики (данные для 2015 г. составлены автором на основании [4])

Рабочий класс: профессии в области строительства и добычи полезных ископаемых; в области монтажных работ, технического обслуживания и ремонта; производственные профессии; профессии в области транспорта и перевозок.

Обслуживающий класс: профессии в области здравоохранения (младший медицинский персонал); связанные с производством продовольственных товаров и общественным питанием; связанные с уборкой и уходом за улицами и помещениями; связанные с медицинским уходом и персональным сервисом; рядовые профессии, связанные с продажами; вспомогательные профессии, связанные с конторской и административной работой; профессии в области социального обеспечения и общественных служб; профессии, связанные с охранной деятельностью.

Сельское хозяйство: фермерские профессии и профессии, связанные с рыболовством и лесоводством.

Статистические данные наглядно показывают процессы, происходящие в развитых странах. В США в сфере креативного производства занята почти треть трудящихся. Представители данного сектора вышли на второе место по численности занятых в экономике, обогнав работников материального производства на рубеже XX–XXI вв. Сфера креативного труда становится самостоятельной производительной силой, которая может потянуть за собой и промышленность, и сельское хозяйство.

Кроме того, в тех сферах деятельности, где раньше не требовался высокий уровень образования и деятельность была по большей части механической (индустриальный сектор и сельское хозяйство), сегодня труд также становится в большей степени интеллектуальным. Производительность труда значительно выросла (по сравнению с серединой прошлого века) в связи с роботизацией и компьютеризацией производства: сегодня для производства такого же объема продукции (или даже большего) нужно меньше людей, но с более высокой квалификацией. Помимо этого, человеку необходимо постоянно обновлять знания в связи с внедрением новых технологий.

Профессор С. Д. Бодрунов пишет о новом индустриальном производстве, которое должно заменить классическую индустриальную систему: «Возрастание роли знаниеемких технологий, соответствующих им ресурсов и результатов производства, необходимость ускорения темпа их развития и совершенствования вносят изменения в макроструктуру экономики. На смену «классической» индустриальной системе с абсолютным доминированием промышленного производства и «обществу услуг», в котором отрасли сервиса вытесняют материальное производство, приходит новая индустриальная экономика второго поколения. В ней доминирующее положение должны занять отрасли, в которых производится знаниеемкий продукт как таковой, а также те, где создаются само знание и человек, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве» [1, с. 19].

Возникает вопрос: каким образом должна функционировать экономика, чтобы соответствовать этим реалиям? В такой системе образование, наука и другие сферы, способствующие развитию человеческих качеств, должны находиться в авангарде общественного прогресса и быть локомотивом развития общества, а не побочным эффектом увеличения ВВП.

Нацеленность исключительно на производство материальных благ делает человека рабом этих благ, «забирая» у человека самого человека. В то же время о материальном производстве нельзя забывать. Развитие креативной сферы экономики, науки, образования способствует созданию новых технологий, увеличению производительности труда – переходу материального производства на новый уровень. Как пишут

профессора А. В. Бузгалин и А. И. Колганов: «... превращение науки в непосредственную производительную силу, и мы получим важнейшую тенденцию развития массовой творческой деятельности (педагогической, инженерной, научной и т. п.).

Эти сдвиги ныне принято не замечать, между тем именно здесь (в эпоху НТР) наметилась основная граница, указывающая на генезис материальных предпосылок перехода «по ту сторону собственно материального производства». Именно в этот момент у человечества появился шанс движения к новому качеству производительных сил – обществу массовой общедоступной творческой деятельности, созидающей прежде всего мир культуры, креатосферы» [2].

Рыночная модель ведения хозяйства в какой-то мере способствовала образованию такого широкого класса креативных работников, но эффективность функционирования креативного труда в ее рамках остается под вопросом. Стихийное образование таких явлений, как «викиномика», «краудсорсинг», «копилефт», «опен соурс» и т. д., показывает, что современная экономическая система кардинально отличается от экономики XX в., в связи с чем необходимы иные методы ее регулирования и координации: «Вследствие глубоких изменений в технологии, демографии, бизнесе, экономике и мире в целом мы вступаем в новую эру, когда степень участия людей в экономике велика, как никогда раньше. Такая более высокая степень участия достигла очередной стадии, при которой новые формы массового сотрудничества меняют процессы изобретения, производства, продвижения и дистрибьюции товара на всём глобальном рынке. Такие изменения предоставляют любой компании или человеку, вовлечённому в процесс, большие перспективные возможности» [5, с. 12].

Технологии, которые дала рыночная экономика, в первую очередь информационные (компьютер, интернет и т. д.), позволяют обществу обходиться без рыночных механизмов координации и путем самоорганизации и кооперации создавать и распространять блага более эффективно, чем это делает рынок.

Креатоемкий труд все шире распространяется в современном мире не только в традиционных сферах творческого труда (образование, наука, культура). Он становится очень важной составляющей материального производства, поскольку во многих сферах экономики труд стал намного сложнее, и, чтобы работать эффективно, необходимо иметь высокий уровень образования.

Государство должно способствовать развитию таких процессов, которые в перспективе могут привести к снятию части функций с государственного аппарата. Необходимо совместить две, казалось бы, противоположные вещи: свободу, которую в современном мире олицетворяет рынок, и ответственность, которую олицетворяет государство. Обычно выбирают либо одно, либо другое, либо то, что называют смешанной экономикой (как в Китае или Скандинавских странах), считая это чем-то кардинально новым, но это не так. Подобные экономические модели являются тупиковыми и не способны дать новый мощный импульс.

Решить задачу можно с помощью свободного самоуправления, основанного не на максимизации частных выгод, а на стремлении максимизировать благо общественное.

Креатоемкое содержание труда как фактора интенсификации производственного процесса предполагает развитие форм и институтов, которые впоследствии приводят к общественному регулированию экономического развития (низовой демократии), ориентированному на прогресс человеческих качеств. К таким элементам относятся самоуправление, самоорганизация, общественный контроль за использованием средств

производства, кооперации, развитие народных предприятий. Ростки такого самоуправления наблюдаются уже сегодня, особенно отчетливо в сфере информационных технологий и креативной экономики. Для совершения нового рывка, осуществления большего прогресса нужно развивать именно эти элементы экономической координации.

Противоречия товарного производства, проявляющиеся при переходе к знание-интенсивному общественному производству, и рыночной экономики ведут к тому, что для развития общественно-экономической системы необходим переход к развитию общественных благ на производстве, а также наличие свободного доступа к ним, в отсутствие которых невозможно массовое развитие креативных способностей человека и дальнейшее эффективное развитие экономики и общества.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №. 4. – С. 9–23.
2. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: в 2 т. / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» ge-loaded). – Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912 с.
3. Теняков, И. М. Совершенствование системы макроэкономических показателей как условие повышения качества оценки благосостояния общества/ И. М. Теняков // Социальные и правовые проблемы экономического развития. – М.: Университетская книга, 2012. – Т. 2.
4. Статистика Департамента труда США за май 2015 г. http://www.bls.gov/oes/current/oes_nat.htm
5. Тапскотт, Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все / Д. Тапскотт, Э. Вильямс; пер. с англ. – 2009. – 344 с.
6. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2005. – Т. 430.
7. Structural Change in the World Economy: Main Features and Trends//Working Paper 24/2009, United Nations Industrial Development Organization. https://www.unido.org/fileadmin/user_media/Publications/Pub_free/Structural_change_in_the_world_economy.pdf
8. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, 2009. http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/dossiers_web/stiglitz/doc-commission/RAPPORT_anglais.pdf

*Л. А. Гамидуллаева*¹

О ПОСТРОЕНИИ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ РОССИИ

Россия находится в процессе поиска оптимальной стратегии экономического развития страны. Инерционное благополучие, определяемое конъюнктурой мировых цен на сырьевые товары, не позволяет обеспечить национальную безопасность страны. Вступление России в ВТО и события новейшей истории многократно повысили риски и неопределенность перспектив развития экономики. Эскалация геополитической напряженности, объективно детерминированная структурными сдвигами, сопровождающими смену технологических укладов, усиливается низкой эффективностью функционирования экономической системы России. Наряду с грамотными политическими решениями крайне необходима новая экономическая политика, нацеленная на укрепление экономики, развитие которой должно происходить по инновационному сценарию (с этим согласно большинство исследователей). Геополитический кризис и санкционное давление на Россию вскрыли многочисленные проблемы, усугубившиеся падением цены на нефть, а также экстренным разворачиванием политики импортозамещения и модернизации экономики.

Последний год показал, что для решения проблемы управления инновационной системой существующих подходов, инструментов и механизмов, не учитывающих особенности современного кризиса и экономическое поведение ведущих акторов экономической системы, явно недостаточно. Антимонопольное регулирование и конкуренция исчерпали себя, появились новые вызовы, требующие принципиально иного методологического подхода к анализу и научному осмыслению принципов и механизмов управления инновационной системой на макро-, мезо- и микроуровнях.

На наш взгляд, принципиально важно осознать, что внедрение модели инновационной системы, успешно зарекомендовавшей себя в рамках иных социально-экономических систем, не приводит к желаемым результатам, так как существующая институциональная среда не готова к восприятию и адаптации внедряемых принципов и механизмов управления. Существующие теории, концепции и подходы к построению и развитию инновационной системы не позволяют решить данную проблему и обеспечить управляемость инновационных процессов и прогнозируемость результатов управленческих решений в данной сфере.

Инновационная деятельность должна быть встроена, имманентно присутствовать в экономическом механизме всех хозяйствующих субъектов и осуществляться беспрепятственно. Поэтому принципиальным моментом становится определение ключевых внутренних мотивов для воспроизводства инноваций в экономической системе,

¹ *Лейла Айваровна Гамидуллаева*, научный сотрудник Пензенского государственного университета, канд. экон. наук, доцент.

эффективное управление которыми будет способствовать их распространению и саморазвитию инновационной системы в целом.

Настоящее исследование разрабатывалось на стыке проблем, что обусловило необходимость изучения обширного перечня трудов, в рамках которых проводился анализ вопросов, связанных с развитием инновационных систем. Концепция инновационной системы впервые была представлена в 1980–1990-х гг. Р. Нельсоном [36], Б.-А. Лундваллом [35] и К. Фриманом [32]. Фриман первым ввел понятие «национальная инновационная система», под которым он предлагает понимать «...сеть институтов в государственном и частном секторе, которые, взаимодействуя, иницируют, импортируют, модифицируют и распространяют новые технологии» [32].

В концепции инновационной системы упор делается на комплексную сеть связей и взаимодействий различных акторов при производстве, распространении и использовании знаний. Подход инновационных систем позволяет проанализировать важнейшую категорию – инновационную активность – в более широком аспекте, фокусируясь не только на результатах – самих инновациях, но также на процессах, ведущих к ним, и разнообразии акторов, вовлеченных в создание этих инноваций. Подход инновационных систем основан на осознании и концептуализации того, что инновационный процесс является нелинейным и включает различных акторов со своими интересами, задействованных в коэволюционных процессах.

Основные достижения и подходы зарубежной и российской экономической науки, отражающие современное состояние исследований по данной проблеме, разработаны в рамках следующих направлений:

- теоретические и методологические вопросы функционирования и развития национальных и региональных инновационных систем [3, 5, 6, 8, 9, 10, 30, 35, 36, 43 и др.];
- вопросы разработки национальной инновационной стратегии, исследование инноваций как фактора устойчивого роста и повышения конкурентоспособности страны [16, 20, 22 и др.];
- теория и методология кластеризации экономики, научное обоснование механизмов кластеризации [25, 34 и др.];
- рассмотрение экономических закономерностей инновационного развития в рамках институционального подхода [16, 17, 20, 21, 25, 35, 37, 43 и др.].

Несмотря на растущий интерес научного сообщества к проблеме эффективности инновационного развития, остается открытым вопрос: почему внедрение модели инновационной системы, успешно зарекомендовавшей себя в практике управления рядом государств, приводит к негативным результатам в рамках конкретной социально-экономической системы? Кроме того, отсутствует система управления и прогнозирования инновационного развития, позволяющая разрабатывать эффективную стратегию инновационного развития конкретного государства. В России на построение инновационной системы на протяжении длительного времени расходуются значительные бюджетные средства, однако за последний год отчетливо проявились негативные результаты, что связано с внешнеэкономической и политической ситуацией.

Основные результаты исследования. Приходится констатировать, что антимонопольное регулирование и конкуренция, действовавшие в индустриальной экономике, исчерпали себя, появились новые вызовы, требующие совершенно иных подходов к управлению. В России, как и в других схожих макроэкономических системах, необходимо вмешательство государства в экономику и инновационные процессы в качестве генератора стимулов к инновациям, которые не способны обеспечить ни рынок,

ни слабо развитая институциональная среда. Как отмечает О. Г. Голиченко: «... в экономике, многие институты которой давно уже морально устарели, нельзя создавать современной национальной системы» [8].

В экономически развитых странах положительные последствия инноваций имеют место при обеспечении экономического развития субъектов рынка, когда собственники предприятий сталкиваются с выбором между реинвестированием прибыли и распределением дивидендов из прибыли. С одной стороны, это обуславливает инвестиционную привлекательность в краткосрочном периоде, а с другой – обеспечивает основу расширенного воспроизводства экономической системы.

Одним из общепризнанных показателей эффективности инновационной деятельности является инновационная активность предприятий (см. таблицу). Как видим, инновационная активность России за последние годы не испытывала ни взлетов, ни падений. По этому показателю российская экономика заметно уступает не только ведущим индустриальным странам (Германия – 70 %, Канада – 65 %, Бельгия – 60 %, Ирландия, Дания и Финляндия – 55...57 %), но и большинству государств Центральной и Восточной Европы с показателем 20...40 %. Заметно проигрывает Россия на международном рынке и по экспорту высокотехнологичных продуктов, где ее доля составля-

Удельный вес организаций (%), осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций по видам экономической деятельности*

Вид деятельности	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9
Добыча полезных ископаемых	7,8	8,4	8,2	7,6	7,5
Обрабатывающие производства	13,0	13,3	13,4	13,3	13,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,4	5,6	5,6	5,3	5,1
Связь	15,6	13,8	13,3	14,2	12,2
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	10,0	9,2	9,4	9,6	8,8
Научные исследования и разработки	–	29,8	30,1	31,0	33,3
Предоставление прочих видов услуг	4,9	4,9	4,0	3,5	3,5

* Составлено по данным Росстата РФ// Раздел «Наука и инновации». URL: <http://www.gks.ru/>

ет 0,25 % [9]. Необходимо выявить причины, обуславливающие подобные негативные экономические последствия, чтобы сформировать вектор управления для политических деятелей. Простое копирование форм, методов и моделей управления инновациями, успешно реализованных за рубежом, продолжающееся на протяжении длительного времени, не приводит к желаемым результатам, что подтверждается статистикой.

Инновационная деятельность ведет к росту нестабильности имеющихся у предприятия связей и отношений и как следствие – к увеличению общих издержек на промежуточных этапах инновационного процесса и низкой инновационной активности экономических агентов. Это связано с высоким уровнем затрат на инновационную деятельность, имеющих преимущественно не трансформационную природу (связанную с преобразованием, изменением исходных ресурсов), а транзакционную (обусловленную, как правило, необходимостью сотрудничества и налаживания контактов). Это происходит потому, что инновационный продукт переносится в новую систему B2B (*business-to-business*), а его реализация, как правило, осуществляется в секторе B2C (*business-to-consumer*), что делает невозможным использование директивных методов управления инновационной системой.

Недостаточная взаимная информированность экономических агентов обуславливает высокие риски ведения бизнеса в России, как следствие, например, неадекватная дороговизна банковских кредитов. При отсутствии доступа к длинным деньгам предприятия вынуждены сужать рамки инвестиционной деятельности, что отнюдь не стимулирует внедрение и реализацию инноваций. Аналогично влияние монополизации – она приводит к тому, что при существующем уровне конкуренции инновационная активность бесполезна для собственников предприятий и осуществляется в большинстве случаев при условии прямого финансирования государством. В результате растет несоответствие между расходами государства на развитие инновационной деятельности и уровнем инновационной активности отечественных предприятий. По уровню бюджетных расходов на исследования и разработки Россия опережает США, Израиль, Японию и Китай², при этом доля организаций, осуществляющих технологические инновации, стабильно снижается (см. таблицу). Российская практика построения инфраструктуры инноваций, где осваивается львиная доля выделяемых бюджетных ресурсов, разработана в соответствии с логикой индустриализации преимущественно с тиражированием производственных и инфраструктурных проектов.

На наш взгляд, важно четко понимать, что без наличия у экономических агентов мотивов для инновационного развития инновационный процесс так и останется точечным явлением при общем снижении конкурентоспособности и замедлении экономического роста.

Невозможно не согласиться с точкой зрения академика РАН Л. И. Абалкина, который считает, что научно-технический прогресс и связанные с ним высокая культура организации производства и труда будут востребованы, если смогут обеспечить предприятию доход, превышающий существующую в настоящее время экономию на оплате труда [1]. Из этого логически вытекает, что общий рост доходов работников, на которые приходится значительная доля затрат предприятия, неизбежен в инновационно-активном предприятии. При этом экономические реалии свидетельствуют, что транс-

² OECD (2013). Maximising the benefits of R&D tax incentives for innovation. OECD Directorate for Science, Technology and Industry.

формация предприятия в инновационно-активное не всегда приводит к росту его экономической эффективности. Изложенное позволяет сделать следующий вывод: собственник предприятия будет мотивирован на внедрение инноваций при условии, что эффективность инновационных проектов превысит размер упущенной выгоды от экономии денежных средств на квалификации и качестве трудовых ресурсов.

Это подтверждает тезис о том, что без создания у субъектов рынка соответствующей мотивации инновационное предложение может не найти достаточного количества потребителей, а инновационное развитие так и останется локальным. Таким образом, принципиальным моментом является определение ключевого внутреннего стимула для воспроизводства инноваций в экономической системе, управление которым обеспечивает распространение инноваций. По нашему убеждению, главным элементом, который целесообразно оптимизировать при проведении макроэкономической политики, является показатель добавленной стоимости и его структура.

Не умаляя значимости политики в области налогообложения, конкуренции и т. д., подчеркнем, что низкие уровни оплаты труда и создаваемой трудом добавленной стоимости определяют невозможность массового распространения инновационной деятельности в рамках конкретной экономической системы. Для роста добавленной стоимости необходимо использование не только потенциала предприятий, но и институциональных факторов развития, которые в экономических условиях России представляются более важными и эффективными, чем другие, например спрос на инновации. Чтобы отдельные предприятия активно включались в инновационный процесс системы, необходимо создание соответствующих институтов на микроуровне. При этом государство может повлиять на данный процесс лишь косвенно. Инициатива должна исходить от собственников и менеджеров предприятий, стремящихся оставаться конкурентоспособными в условиях инновационной экономики. На наш взгляд, развитие и совершенствование институтов на мезо- и макроуровнях инновационной системы должно привести к институционализации инновационной деятельности на микроуровне экономической системы.

Выявление ключевых барьеров на пути к инновационному развитию в России. Рассматривая добавленную стоимость в качестве объекта оптимизации, обратимся для начала к ее структуре, где, как правило, выделяют прибыль и заработную плату, предназначенные для распределения между менеджерами и наемными рабочими, которые являются источником ее создания на предприятии. Следовательно, максимизировать величину добавленной стоимости можно посредством увеличения прибыли и заработной платы. В свою очередь, рост прибыли от инновационной деятельности может быть обеспечен за счет снижения транзакционных издержек инновационного характера, а соответственно, повышения доходов труда или посредством увеличения доли добавленной стоимости, создаваемой интеллектуальным капиталом, через его мотивирование на инновационную деятельность.

Из сказанного следует, что основными барьерами во внутренней среде являются высокие транзакционные издержки инновационного характера, а также низкая мотивация персонала предприятия на инновационную деятельность. Уточним, что под минимизацией транзакционных издержек мы понимаем не снижение их до нуля, а оптимизацию в пределах нормы, так как они объективно необходимы для функционирования экономических систем. Стабильный инновационный рост российской экономики можно обеспечить при достижении оптимального уровня транзакционных издержек как необходимого условия инновационного развития в отдельных регионах и в стране в целом.

В рамках транзакционного подхода инновационная деятельность экономических субъектов – это совокупность трансакций, выполняемых для достижения временного преимущества над конкурентами. Мы согласны с мнением большинства критиков неинституционализма, равно как и институционализма в целом, в том, что главной проблемой данной теории остается расплывчатость терминов и определений. На данный момент нет общепринятого определения транзакционных издержек, которыми представители данных теорий активно оперируют в своих выводах и рекомендациях для политического руководства. Как следствие – проблема оценки, поскольку нельзя измерить то, что не имеет однозначного определения.

Исследователи данного направления убеждены в необходимости вынесения содержания транзакционных издержек за рамки производственного процесса, исключительно в сферу обмена (издержки они делят строго на трансформационные и транзакционные). Соглашаясь с тем, что данные издержки прежде всего являются издержками взаимодействия, мы утверждаем, что они могут возникнуть и на дорыночном этапе, на стадии производства (являясь при этом частью трансформационных издержек) и потребления. В таком случае они будут представлять собой издержки взаимодействия, например в результате интеграции и кооперации, которые очень важны в инновационных процессах.

По мнению А. Шаститко [21], рост транзакционных издержек совместим «с повышением эффективности и экономическим ростом». Снижение уровня транзакционных издержек на мезоуровне гипотетически будет обеспечивать увеличение спроса на транзакционные услуги и, как следствие, рост общих транзакционных затрат на мезоуровне, обусловленный повышением сложности экономической системы за счет углубления процессов кооперации, разделения труда и т. п.

Согласно синергетическому подходу, повышение экономической сложности предполагает рост разнообразия видов взаимодействия, который происходит циклично, являясь «необходимым условием для долгосрочного экономического развития» [19]. С нарастанием сложности системы повышается сложность согласования функционирования ее элементов, а как следствие растет величина транзакционных затрат.

Таким образом, рост транзакционных издержек в экономической системе отражает усложнение процессов экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов и экономических агентов. При этом предполагается, что институты будут снижать не общие транзакционные издержки, а удельные – на осуществление отдельных трансакций. Отсюда следует, что транзакционные издержки – это объективный индикатор развития экономической системы. Логика взаимосвязи между транзакционными издержками и институтами представлена на рис. 1.

Управление инновационной системой в структурном плане должно, на наш взгляд, включать три основных аспекта: 1) управление инновационным потенциалом (институциональный контекст инновационной среды регионов); 2) управление инновационным процессом (четырьмя подсистемами: производством знаний, механизмами их передачи, освоения и коммерциализацией инноваций); 3) управление инновационным развитием (с использованием способности инновационной системы к самоорганизации и саморазвитию) (рис. 2).

Методологические проблемы и решения в исследовании инновационной системы. Инновационное развитие связано с различными аспектами экономики и общества в целом, поэтому для его исследования необходимо применять ряд методологических подходов, что позволит максимально использовать потенциал получаемых теоретических выводов и практических рекомендаций при управлении инновационной системой.

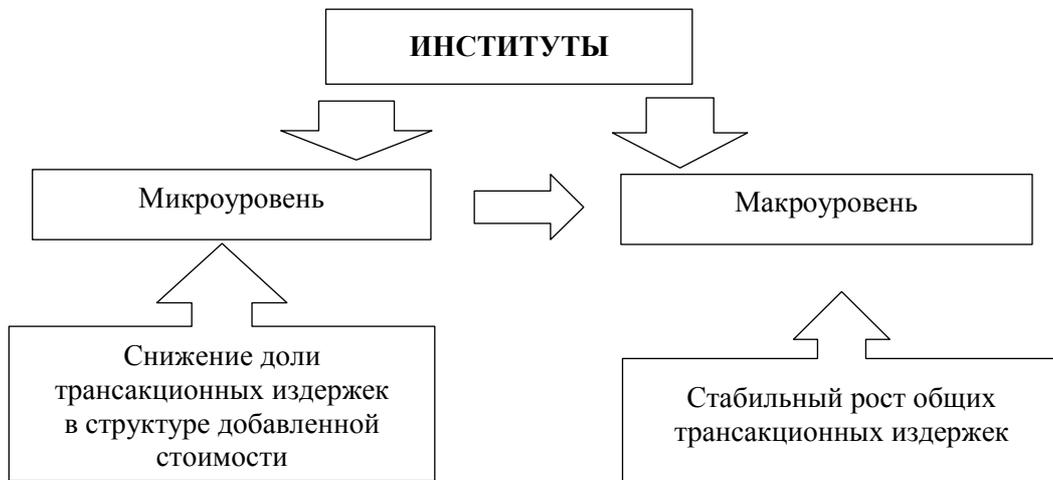

Рис. 1. Взаимосвязь транзакционных издержек и институтов на микро- и макроуровнях инновационной системы

В качестве исходного примем следующий тезис: на макроуровне создаются условия для микроуровня в инновационной системе, а микроуровень генерирует инновации, требуемые для развития инновационной системы в целом. Отсюда следует необходимость объединения «макроподхода», при котором экономический агент рассматривается как «полый» компонент, рефлекторно реагирующий на изменения внешней среды, и «микроподхода», при котором он выступает как сложный многосубъектный и многоуровневый организм. Включение в анализ микроуровня исследования, т. е. внутренних мотивов предприятий как основных акторов инновационной системы, обуславливает необходимость использования частнонаучной методологии – неинституционального подхода, дающего возможность институционализировать процессы инновационного развития на микро- и мезоуровнях, как условие создания базовых стимулов к генерации инноваций. Неинституциональный подход позволит включить микроуровень исследования в теорию инновационной системы и сузить предмет исследования до рассмотрения его через призму категорий неинституционализма – институтов и транзакционных издержек.

Использование системного подхода позволит правильно структурировать и устанавливать взаимосвязи между элементами и факторами развития, а также выявлять «узкие места» в развитии инновационной системы. Синергетический подход даст возможность учесть динамический аспект развития инновационной системы: нарастание сложности, неопределенности и другие неотъемлемые атрибуты инновационной деятельности.

Предпочтительным при исследовании инновационной системы мы считаем использование неинституционального системно-синергетического методологического подхода, который является конструктивным инструментарием, позволяющим описывать и моделировать управление инновационным развитием регионов.

С учетом изложенного полагаем, что концепция управления инновационной деятельностью должна формироваться с использованием неинституционального, системного и синергетического подходов и быть направленной на создание механизмов

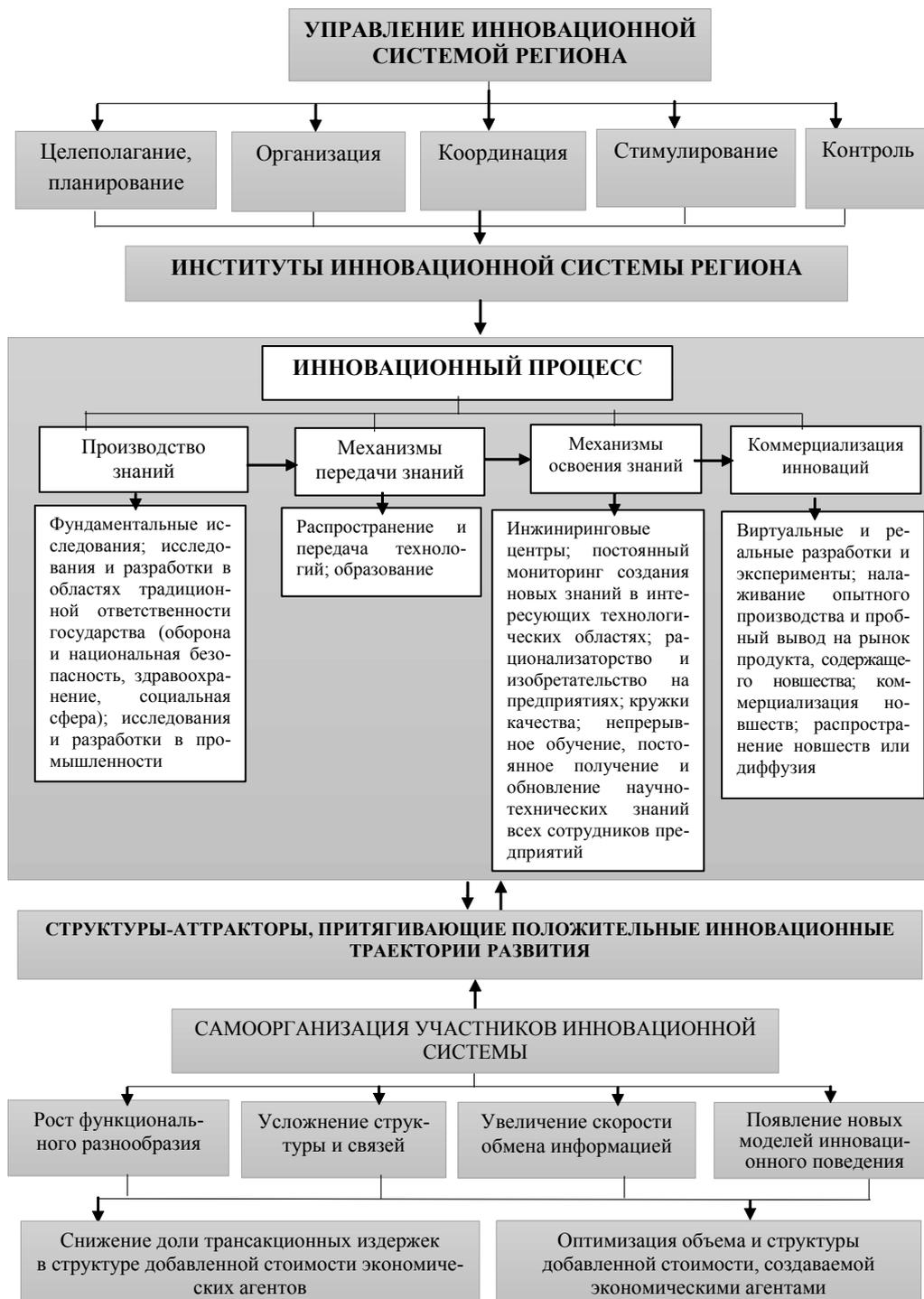

Рис. 2. Модель управления инновационной системой региона на основе механизмов регулирования и самоорганизации

для устранения барьеров во внутренней среде инновационной деятельности предприятий. К барьерам мы относим высокие транзакционные издержки инновационного характера, а также низкую мотивацию персонала предприятий на инновационную деятельность. Поэтому в качестве главных элементов, которые целесообразно оптимизировать при проведении инновационной политики, необходимо рассматривать объем и структуру добавленной стоимости предприятия.

Управление инновационным развитием должно быть встроено в управляемую систему, чтобы механизмы управления согласовывались с механизмами и закономерностями самоорганизации и самоуправления. Участники инновационного процесса должны беспрепятственно взаимодействовать, осуществлять совместные проекты реализации инноваций. Поэтому управление инновационной системой должно быть направлено на разработку и реализацию стратегии, обеспечивающей формирование структур-аттракторов, притягивающих инновационные траектории развития и определяющих основные направления развития и стимулирования взаимодействия участников инновационной деятельности. В качестве последних могут выступать институты инновационной среды, обладающие наибольшим потенциалом по снижению транзакционных издержек инновационной деятельности и оптимизации объема и структуры добавленной стоимости, генерируемой экономическими агентами.

Перспективы исследований. В качестве *гипотезы для будущих исследований* предлагаем следующую: существует двусторонняя зависимость между уровнями транзакционных издержек, добавленной стоимости и инновационной активности, которая имеет качественно и количественно определенные границы оптимальности – за пределами последних происходит снижение эффективности функционирования экономической системы. Стабильный инновационный экономический рост российской экономики может быть обеспечен посредством достижения оптимального уровня транзакционных издержек, являющегося необходимым условием инновационного развития в рамках отдельных регионов и страны в целом.

Заключение

Двойственная природа инноваций, проявляющаяся в росте нестабильности и неопределенности связей и отношений, имеющихся у инновационного предприятия, и, как следствие, росте транзакционных издержек деятельности на промежуточных этапах инновационного процесса, приводит к низкому уровню инновационной активности экономических агентов в условиях российской экономики.

Увеличение доли добавленной стоимости в структуре общего дохода должно мотивировать собственников и наемных работников предприятий на внедрение инноваций. Такое увеличение достижимо при налаживании взаимодействия и сотрудничества основных участников инновационной системы, накоплении ими опыта осуществления совместных проектов, что происходит, как правило, когерентно с ростом доверия населения (как межличностного, так и к властным структурам).

Концептуальной задачей государства становится формирование благоприятной институциональной среды для развития таких процессов посредством создания механизмов снижения транзакционных издержек инновационной деятельности. Реализация этой задачи должна основываться на интеграции подходов (неоинституционального, системного и синергетического), представляющих в совокупности действенный механизм управления инновационными системами регионов и прогнозирования их развития. В управлении инновационными системами необходимо использовать их способность

к самоорганизации и саморазвитию. Тогда ключевым моментом становится выявление структур-аттракторов (в качестве которых могут выступать институты инновационной среды, обладающие наибольшим потенциалом по снижению трансакционных издержек экономических агентов и оптимизации создаваемой ими добавленной стоимости), которые должны притягивать инновационные траектории развития региона.

Список литературы

1. *Абалкин, Л. И.* Логика экономического роста / Л. И. Абалкин. – М.: Институт экономики РАН, 2002. – 228 с.
2. *Аронова, С. А.* Институционализация взаимосвязи уровня занятости, доходов населения и научно-технических изменений: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / С. А. Аронова. – СПб., 2008. – 41 с.
3. *Васин, В. А.* Национальная инновационная система: предпосылки и механизмы функционирования / В. А. Васин, Л. Э. Миндели. – М.: ЦИСН, 2002. – 363 с.
4. *Васин, С. М.* Лимит самоорганизации социально-экономической системы – граница перехода к трансформации общества / С. М. Васин // Труды Вольного экономического общества России. – 2012. – № 4 (160). – С. 165–172.
5. *Гамидуллаева, Л. А.* Проблемы и перспективы модернизации экономики России / Л. А. Гамидуллаева // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11–9. – С. 2010–2015.
6. *Гапоненко, Н. В.* Национальная инновационная система России: проблемы формирования и механизмы государственного регулирования / Н. В. Гапоненко. – М.: РИЭПП, 2002.
7. *Глазьев, С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.
8. *Голиченко, О. Г.* Основные факторы развития национальной инновационной системы / О. Г. Голиченко; Центральный экономико-математический институт РАН. – М.: Наука, 2011. – 603 с.
9. *Гохберг, Л. М.* Российский инновационный индекс / Л. М. Гохберг. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2011. – 84 с.
10. *Гохберг, Л. М.* Национальная инновационная система / Л. М. Гохберг // Вопросы экономики. – 2003. – № 3. – С. 26–44.
11. *Гранберг, А. Г.* Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.
12. *Гэлбрейт, Дж. К.* Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М., 1973.
13. *Дятлов, С. А.* Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование / С. А. Дятлов. – СПб.: Астерион, 2008.
14. *Иванова, Н.* Национальные инновационные системы / Н. Иванова // Вопросы экономики. – 2001. – № 7. – С. 59–71.
15. *Иншаков, О. В.* Рутинная и новация: институциональный, организационный и эволюционный аспекты взаимодействия / О. В. Иншаков, Е. А. Степочкина. – Волгоград: ВолГУ, 2003.
16. *Ицковиц, Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Г. Ицковиц. – Томск: ТУСУР, 2010. – 238 с.
17. *Клейнер, Г. Б.* Эволюция экономических институтов в России / Г. Б. Клейнер. – М.: ЦЭМИ РАН, 2003.
18. *Мэнсфилд, Э.* Экономика научно-технического прогресса / Э. Мэнсфилд. – М.: Прогресс, 1970. – 171 с.
19. *Савиотти, П. П.* Разнообразие, рост и спрос / П. П. Савиотти // Рост потребления и фактор разнообразия: новейшие исследования западных и российских эволюционистов. – М.: Дело, 2007.
20. *Татаркин, А. И.* Инновационное управление технологическим развитием промышленности региона / А. И. Татаркин. – Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 2009.

21. Шаститко, А. Трансакционные издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) / А. Шаститко // Вопросы экономики. – 1997. – № 7.
22. Archibugi, D. The Technological Specialization of Advanced Countries / D. Archibugi, M. Pianta. – Kluwer, Dordrecht, 1992.
23. Carlsson, B. Innovation Systems: Analytical and Methodological Issue / B. Carlsson, S. Jacobsson, M. Holmen, A. Rickne // Research Policy. – 2002. – V. 31. – P. 233–45.
24. Carlsson, B. On the nature, function and composition of technological systems / B. Carlsson, R. Stankiewicz // Journal of Evolutionary Economics. – 1991. – V. 1. I. 2. – P. 93–118.
25. Commons, J. R. Institutional Economics / J. R. Commons. – New York, 1934.
26. Cooke, P. Regional innovation systems, clusters, and the knowledge economy / P. Cooke // Industrial and Corporate Change. – 2001. – V. 10. I. 4. – P. 945–974.
27. Cooke, P. The Associational Economy / P. Cooke, K. Morgan. – Oxford: Oxford University Press, 1998.
28. Coriat, B. Organizations, Firms and Institutions in the Generation of Innovation / B. Coriat, O. Weinstein // Research Policy. – 2002. – V. 31. – P. 273–290.
29. Dahmen, E. Entrepreneurial Activity and the Development of Swedish Industry 1919–1939 / E. Dahmen. – Stockholm, 1950.
30. Edquist, C. Systems of Innovation – A Critical Review of The State of the Art. in J. Fagerberg, D. Mowery and R. Nelson Handbook of Innovation / C. Edquist. – Oxford: Oxford University Press, 2004.
31. Feldman, V. P. Innovation in Cities: Science based Diversity, Specialization and Localized Competition / V. P. Feldman, D. B. Audretsch // European Economic Review. – 1999. – V. 43. – P. 409–429.
32. Freeman, C. The National System of Innovation in Historical Perspective / C. Freeman // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – V. 19. – P. 5–24.
33. Hamel, G. Leading the Revolution / G. Hamel. – Harvard Business School Press, 2002.
34. Leamer, E. E. Sources of international Corporative Advantage: Theory and Evidence / E. E. Leamer. – Cambridge, MIT Press, 1984.
35. Lundvall, B. A. National System of Innovation. Towards the Theory of Innovation and Interactive Learning / B. A. Lundvall. – London: Pinter Publishers, 1992. – 388 p.
36. Nelson, R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis / R. Nelson. – New York: Oxford University Press, 1993.
37. Nill, J. Evolutionary approaches for sustainable innovation policies / J. Nill, R. Kemp // Research Policy. – 2009. – V. 38. – P. 668–680.
38. Schumpeter, J. A. Capitalism, Socialism and Democracy / J. A. Schumpeter. – New York: Harper & Row, 1942.
39. Shinn, T. The Triple Helix and New Production of Knowledge Prepackaged Thinking in Science and Technology / T. Shinn // Social Studies of Science. – 2002. – V. 32. – P. 599–614.
40. Soulie, D. Filieres de Production et Integration Vertical / D. Soulie // Annales des Mines. – 1989. – Janvier. – P. 21–28.
41. Tolonado, J. A. Propos des Filieres Industrielles / J. A. Tolonado // Revue d'Economie Industrielle. – 1978. – V. 6. I. 4. – P. 149–158.
42. Vasin, S. M. Methodical Approach and Tools to Improve the Efficiency of Managing of the Innovation Potential in the Context of Economic Globalization / S. M. Vasin, L. A. Gamidullaeva // Review of European Studies. – 2015. – № 3. – P. 124–139.
43. Vasin, S. M. Development a Basic Model of the Innovation System / S. M. Vasin, L. A. Gamidullaeva // Review of European Studies. – 2015. – Vol. 7. – № 11. – P. 175–183.
44. Veblen, T. The Leisure Class Theory / T. Veblen. – M.: Progress Publishers, 1984. – 367 p.

И. А. Балюк¹

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОЛГОВОЙ РЫНОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Формирование международного долгового рынка в современном его понимании началось на рубеже 1950–1960-х гг. К тому моменту в результате реализации «плана Маршалла» в европейских банках накопилось около 9 млрд долларов [1, с. 11]; уже функционировал краткосрочный межбанковский евродолларовый рынок и существовала потребность в средне- и долгосрочных долговых инструментах. Процесс формирования международного долгового рынка в Европе отчасти был ускорен решением руководства США ввести в 1963 г. новый налог – Interest Equalization Tax (налог, уравнивающий процентные ставки), призванный укрепить платежный баланс страны за счет предотвращения оттока капитала. Введение нового налога в США существенно повысило стоимость фондирования для эмитентов-нерезидентов, и они были вынуждены искать альтернативный источник долгового финансирования. В результате Европа стала более дешевым источником капитала для европейских компаний и банков.

За время своего развития международный долговой рынок существенно трансформировался. Сегодня – это очень сложный высокоразвитый механизм, обслуживающий финансовые потребности правительств, международных организаций и корпоративных эмитентов во всем мире. Он перешагнул географические границы отдельных стран, преодолел национальную ограниченность долгового инструментария и создал условия для свободного трансграничного перемещения капитала и интеграции экономик различных стран, соединив разрозненные национальные рынки и стимулировав процесс реформирования и интеграции финансовых рынков.

Современный международный долговой рынок не имеет четко очерченных границ и отличается многообразием используемых финансовых инструментов, классификация которых затруднена, поскольку взаимопроникновение и тесная взаимосвязь различных сегментов мирового финансового рынка способствуют размыванию межсекторальных границ. По нашим расчетам, основанным на данных Банка международных расчетов и Всемирного банка, за последние 20 лет совокупный объем международного долгового рынка (включая непогашенные долговые обязательства на эмиссионном и неэмиссионном сегментах) увеличился на порядок, составив в 2015 г. приблизительно 38...40 % совокупного объема мирового внешнего долга [2, 3].

В процессе глобализации операций на различных финансовых рынках и упрощения процедуры уступки кредиторами прав требования по долговым обязательствам усложнилась идентификация внутренних и внешних долговых обязательств различных стран. Деление долга какой-либо страны на внешний и внутренний носит доста-

¹ *Игорь Алексеевич Балюк*, доцент департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ, канд. экон. наук.

точно условный характер, поскольку в структуре долга растет удельный вес рыночных инструментов долгового финансирования в виде разнообразных долговых ценных бумаг, свободно обращающихся на рынке [4, с. 725]. В результате стирания четких границ между разными видами долговых обязательств происходит постепенное объединение категорий «внутренний долг» и «внешний долг» и формирование новой категории под названием «совокупный долг», представляющей собой консолидированные долговые обязательства конкретного субъекта рынка.

Формирование внешнего долга происходит за счет использования рыночных и нерыночных инструментов внешних заимствований, а также на основе транс- и внутриграницного факторов. В разных странах соотношение между рыночным и нерыночным сегментами внешнего долга, а также между транс- и внутриграницными факторами в структуре совокупного внешнего долга и по отдельным видам заемщиков существенно различается.

Нами проведен анализ статистических данных Всемирного банка и Банка международных расчетов, касающихся величины внешнего долга отдельных стран за последние 15 лет и удельного веса в нем находящихся в обращении международных ценных бумаг, выпущенных резидентами этих стран. Сделан вывод о том, что среди десяти стран мира, лидирующих по величине совокупного внешнего долга, для Великобритании, Нидерландов, Ирландии, Италии, Испании, отчасти для Германии (до 2008 г.) и Франции (до 2012 г.) формирование внешнего долга находилось под сильным влиянием трансграничного фактора. Национальные заемщики активно выходили за пределы страны своей регистрации для привлечения необходимых денежных ресурсов (в первую очередь за счет выпуска международных долговых ценных бумаг, номинированных в основном в долларах и евро).

Для Люксембурга, Японии и особенно США формирование совокупного внешнего долга осуществлялось в основном за счет внутриграницного фактора. Что касается России, то в формировании внешнего долга на протяжении последних 20 лет международный долговой рынок играет главную роль. По нашим оценкам, за счет трансграничного фактора обеспечивалось 75...80 % роста совокупного внешнего долга страны.

В структуре международного долгового рынка в последние годы несколько уменьшилась доля международных долговых ценных бумаг и возрос удельный вес синдицированных кредитов [5, с. 1], хотя с середины 1990-х гг. до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. темпы роста эмиссионного сегмента были значительно выше, чем неэмиссионного.

В посткризисный период усилилась роль внутриграницного фактора в формировании внешнего долга. Национальные заемщики в силу разных причин менее охотно выходят на международный долговой рынок, предпочитая выпускать долговые обязательства на внутреннем рынке, номинированные в местной валюте. В этой ситуации инвесторы-нерезиденты стали более активно работать на локальных долговых рынках. Таким образом, если до кризиса национальные заемщики в поисках потенциальных инвесторов выходили на международный долговой рынок, то последние несколько лет наблюдается иная картина: иностранные инвесторы в поисках перспективных направлений портфельных инвестиций сами приходят к заемщикам на локальные долговые рынки, покупая долговые обязательства, номинированные преимущественно в местной валюте.

На наш взгляд, в последние несколько лет на фоне усиливающейся интернационализации регулирования международного долгового рынка происходит определенная

деинтернационализация его функционирования. Это проявляется в уменьшении объемов нетто-эмиссий международных долговых ценных бумаг, переключении части эмитентов и инвесторов на внутренние долговые рынки, увеличении доли национальных валют в совокупном объеме непогашенных международных долговых ценных бумаг (8 % в 2011–2012 гг. против 6 % в 1999 г.).²

В структуре внешнего долга определенная доля (различная в разных странах) приходится на суверенные долговые обязательства. В большинстве стран доминируют долгосрочные долговые обязательства, а в структуре последних – долговые ценные бумаги.

Доминирование долговых ценных бумаг в структуре суверенного внешнего долга отражает современную тенденцию развития международного долгового рынка, связанную с уменьшением удельного веса различных видов кредитов как низколиквидных инструментов долгового финансирования и соответствующим ростом доли суверенных долговых ценных бумаг, которые могут свободно обращаться на международном фондовом рынке. По нашим оценкам, в начале 2016 г. в совокупном объеме международного долгового рынка (по непогашенным обязательствам) около 3/4 составили эмиссионные долговые инструменты и 1/4 – неэмиссионные [6, с. 155].

На основе проведенного анализа динамики, основных тенденций и особенностей современного состояния эмиссионного сегмента международного долгового рынка можно сделать следующие краткие выводы. Если с середины 1990-х гг. до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. эмитенты из развитых стран стабильно поддерживали свой удельный вес и доминирующее положение, то с 2010 по 2014 г. эмитенты из развивающихся стран существенно увеличили свою долю в совокупной стоимости находящихся в обращении международных долговых ценных бумаг. В посткризисный период инвесторы на международном рынке долговых ценных бумаг наряду с долговыми обязательствами финансовых организаций развивающихся стран покупали долговые обязательства нефинансовых организаций развитых стран. В меньшем объеме они вкладывали деньги в нефинансовые организации развивающихся стран. Самым рискованным и нежелательным вложением для инвесторов стали международные долговые ценные бумаги финансового сектора развитых стран. Отметим также возрастание интереса международных инвесторов к суверенным долговым ценным бумагам развивающихся стран и нежелание покупать долговые обязательства правительств развитых стран, оказавшихся под гнетом долгового бремени в результате мирового кризиса.

До 2008 г. на фоне значительного доминирования инструментов с фиксированной ставкой происходило постепенное уменьшение их доли за счет роста удельного веса международных долговых ценных бумаг с плавающей ставкой. Данная тенденция отражала готовность участников долгового рынка принимать на себя существующие уровни кредитного риска в условиях относительно стабильного развития мировой экономики. Однако в 2009 г. удельный вес международных долговых ценных бумаг с фиксированной ставкой резко повысился, а с 2010 г. они стали основным долговым инструментом в условиях нестабильной рыночной конъюнктуры.

С точки зрения динамики и структуры выпуска международных долговых ценных бумаг по видам основных валют отметим существенный рост евро как по стоимостному

² Рассчитано автором на основе данных BIS Quarterly Review за соответствующие годы.
URL: <http://www.bis.org>.

объему, так и по доле среди всех видов валют. В докризисные годы международные инвесторы охотно покупали долговые ценные бумаги, номинированные в новой валюте. Однако мировой финансово-экономический кризис подорвал доверие к евро, и они предпочли вкладывать деньги в покупку международных долговых ценных бумаг, номинированных в долларах США.

Анализ данных (основанных на месте регистрации эмитентов) по динамике и структуре находящихся в обращении международных долговых ценных бумаг по национальной принадлежности эмитентов позволяет сделать вывод о том, что часть эмитентов международных долговых ценных бумаг из развитых (и еще больше из развивающихся) стран регистрируются в офшорных юрисдикциях, увеличивая долю последних на международном долговом рынке. Таким образом эмитенты стремятся использовать офшорные юрисдикции для оптимизации величины своих расходов при выпуске международных долговых ценных бумаг.

В структуре находящихся в обращении международных долговых ценных бумаг доминируют средне- и долгосрочные инструменты, доля которых в докризисный период постепенно возрастала. В 1996–2014 гг. удельный вес краткосрочных долговых ценных бумаг уменьшился почти в два раза³.

В целом, динамика развития международного рынка долговых ценных бумаг отражает общие тенденции развития мировой экономики: поступательный стабильный рост объемов до кризиса 2008–2009 гг., резкое сокращение объема нетто-эмиссий в 2010–2011 гг. и неустойчивая стабилизация (больше похожая на стагнацию) в 2012–2015 гг.

В последние годы в связи с регулярным появлением инновационных инструментов на рынке международных долговых ценных бумаг и постоянным усложнением его инфраструктуры существенно возросла роль профессиональных посредников между эмитентами и инвесторами в лице банков, трастовых, юридических и консалтинговых компаний, брокерских фирм и др. Особое место в иерархии институтов-посредников занимают банки – организаторы эмиссий международных долговых ценных бумаг. Это своеобразный клуб крупнейших банков мира, которые захватили, поделили и контролируют международный долговой рынок. При этом, с одной стороны, они конкурируют друг с другом на рынке из-за выгодного эмитента; с другой – часто блокируются для реализации эмиссий крупных клиентов.

В настоящее время на десять крупнейших банков мира приходится почти 60 % совокупного объема комиссионных за организацию эмиссий международных долговых ценных бумаг [7, с. 9]. Можно сказать, что эмиссионный сегмент международного долгового рынка монополизирован немногочисленной группой крупнейших транснациональных банков мира; аналогичная картина наблюдается в неэмиссионном сегменте.

Анализ динамики, основных тенденций и особенностей современного состояния неэмиссионного сегмента показывает, что с точки зрения удельного веса в структуре привлекаемых синдицированных кредитов доминируют заемщики из развитых стран. Однако, если в 1994–2006 гг. их доля была в среднем в 11 раз больше доли заемщиков из развивающихся стран [8, с. 64], то в 2007–2012 гг. разрыв сократился до 4,5 раза [9, с. А110]. В 1996–2012 гг. рост международных синдицированных кредитов, привле-

³ Рассчитано автором на основе данных BIS Quarterly Review за соответствующие годы.

каемых странами-членами БРИКС, в четыре с лишним раза опередил рост объемов синдицированных кредитов мировой пятерки стран-лидеров.⁴ И хотя за рассматриваемый период объем привлеченных десяткой стран-лидеров международных синдицированных кредитов вырос почти в два раза, их удельный вес в совокупном объеме таких кредитов уменьшился почти на 10 %. Это свидетельствует о снижении степени концентрации международного рынка синдицированных кредитов. Наряду с этим отметим усиление его диверсификации за счет более активного участия заемщиков из развивающихся стран (прежде всего из Китая и России). Лидерство США на данном рынке сохраняется (хотя их доля в совокупном объеме в 1996–2012 гг. уменьшилась на 14,5 %), однако имела место тенденция выравнивания долей других девяти стран-лидеров, к тому же возросли объемы привлекаемых синдицированных кредитов со стороны более широкого круга стран.

После существенного спада во время мирового кризиса (на 50 %) международный рынок синдицированных кредитов довольно быстро восстановил прежние объемы финансирования, а в 2011 г. докризисный уровень был даже превышен. Банки-кредиторы стали охотнее принимать на себя кредитные риски в стремлении получить более высокий доход. Возросшая готовность кредиторов предоставлять свои денежные ресурсы привела к снижению стоимости синдицированных кредитов для заемщиков различных типов, увеличению среднего размера сделки и удлинению сроков погашения кредитов.

Анализ современного международного долгового рынка приводит к выводу о значительном повышении роли институциональных инвесторов на его эмиссионном сегменте. Существенный рост (в 3,5...4 раза) за последние 15...20 лет совокупной величины активов под управлением институциональных инвесторов [10, с. 79], а также заметное повышение их удельного веса на мировом рынке долговых ценных бумаг свидетельствуют о перераспределении ролей между основными участниками инвестиционного процесса. Значение банков в качестве традиционных портфельных инвесторов снижается, а роль различных небанковских финансовых институтов возрастает (около 90 % своих совокупных активов институциональные инвесторы вкладывают в покупку ценных бумаг). Причем в структуре институциональных инвесторов следует отметить увеличение удельного веса предприятий коллективных инвестиций, т. е. постепенно возрастает роль частного (розничного) инвестирования.

По нашим расчетам, в 2003–2015 гг. совокупный объем международного долгового рынка возрастал в среднем на 10,4 % в год. Примерно такими же темпами (в среднем на 10,3 % в год) рос совокупный объем мирового внешнего долга. В 2015 г. он достиг ориентировочно 73...74 трлн долларов, что составило 100 % совокупного объема мирового ВВП.⁵ Для сравнения: в 2003 г. соотношение «мировой внешний долг/мировой ВВП» находилось на уровне 85 %. Опережающие темпы роста мирового внешнего долга обострили проблему глобальной внешней задолженности.

Отметим, что распределение совокупного мирового внешнего долга крайне неравномерно, его отличает высокая степень концентрации. На десятку стран-лидеров в 2015 г. приходилось около 87 % совокупного мирового внешнего долга, а на первую

⁴ Рассчитано автором на основе данных BIS Quarterly Review за соответствующие годы.

⁵ Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <http://www.databank.worldbank.org> (дата обращения: 25.07.2016).

пятерку – 2/3.⁶ Развитые страны пытаются регулировать рост внешнего долга за счет установления определенных лимитов, но большинством стран эти требования не соблюдаются.

Новой тенденцией на протяжении последних десяти лет являются высокие темпы роста совокупного внешнего долга развивающихся стран, хотя его удельный вес составляет менее 10 % общемировой внешней задолженности. Анализ внешнедолговой статистики показывает, что в развивающихся странах (в отличие от развитых) значительна доля государственного (а не корпоративного) внешнего долга при наличии долга местных органов власти. Для них также характерна достаточно высокая степень концентрации внешнего долга (на 10 стран-лидеров приходится около 2/3 совокупного внешнего долга развивающихся стран).⁷

Как представляется, быстрый рост внешнедолговой нагрузки многих стран (в первую очередь промышленно развитых) создает реальную угрозу для стабильного развития мировой экономики и вызывает серьезные опасения в связи с возможностью нового витка мирового финансово-экономического кризиса. В нынешних условиях многие страны не имеют реальной возможности для погашения своих долговых обязательств и вынуждены занимать еще больше для обслуживания существующего объема задолженности.

В связи с проблемой глобализации и ростом внешней задолженности, которая в значительной степени была связана с либерализацией функционирования мирового финансового рынка в 1990-е гг. и в начале XXI в., различные страны и группы стран усиливают регулирование внешних заимствований на национальном и международном уровнях. Национальные регуляторы разных стран начали активнее взаимодействовать в целях формирования единого международного подхода к осуществлению финансового надзора. Изменения в области регулирования международного долгового рынка в первую очередь направлены на усиление прозрачности финансовых операций и повышение рыночной эффективности.

Для России международный долговой рынок имеет очень важное значение, поскольку основная часть текущего внешнего долга страны сформирована за счет трансграничного фактора с использованием преимущественно рыночных инструментов. С середины 1990-х гг. вслед за дебютным размещением Россией суверенных еврооблигаций российские банки, компании и местные правительства начали активное освоение международного долгового рынка, рассматривая его в качестве источника относительно недорогих долгосрочных денежных ресурсов. За 20 лет различные российские заемщики достаточно прочно закрепились на международном долговом рынке и научились использовать основные инструменты международных заимствований.

Существенная корректировка политики внешних заимствований России (включая заемщиков всех типов) произошла в 2014 г. в связи с напряженной геополитической ситуацией в мире (в частности, с обострением ситуации на Украине). Стало понятно, что на ближайшие несколько лет центр тяжести долговой политики страны переме-

⁶ Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <http://www.databank.worldbank.org> (дата обращения: 25.07.2016).

⁷ Там же.

ститися на внутренний рынок, а решение текущих финансово-экономических проблем будет осуществляться преимущественно за счет внутренних источников.

С учетом основных показателей внешнедолговой устойчивости Россия имеет значительный потенциал для осуществления внешних заимствований. Текущая величина совокупного внешнего долга России в соотношении с ВВП страны (около 30 %) намного меньше, чем в развитых странах. В начале 2016 г. коэффициент «международные резервы/совокупный внешний долг» был равен 74,4 %, ⁸ что существенно превышает аналогичный показатель стран, лидирующих по величине внешнего долга. В то же время в связи с сокращением ВВП и уменьшением экспортной выручки в 2015 г. ключевые показатели внешнедолговой устойчивости страны несколько ухудшились, несмотря на общее снижение в течение 2015 г. уровня совокупного внешнего долга России на 13,5 %. ⁹

В середине 2015 г. государственный внешний долг России был равен примерно 2 % ВВП (36 млрд долларов), что намного меньше, чем у ведущих должников мира (в США, например, государственный внешний долг составил примерно 36 % ВВП (6,2 трлн долларов)). ¹⁰ Структура российского суверенного внешнего долга соответствует современным тенденциям развития международного рынка суверенных внешних долгов. Речь идет об абсолютном доминировании долгосрочных долговых обязательств и высоком удельном весе долговых ценных бумаг.

Следует, однако, учитывать, что величина реальной внешнедолговой государственной нагрузки заметно превышает формальный показатель суверенного внешнего долга за счет внешнедолговых обязательств российских квазисуверенных заемщиков в лице компаний и банков, находящихся под контролем государства. Очевидно, что при возникновении у заемщиков данного типа проблем с обслуживанием и погашением внешнего долга государство окажет им финансовую помощь. Если учесть, что на квазисуверенных заемщиков приходится около 60 % совокупного внешнего корпоративного долга страны (примерно 16...17 % российского ВВП), то размер государственных внешнедолговых обязательств увеличивается до 18...19 % ВВП.

В целом, очень высокий удельный вес корпоративного внешнего долга (92 % в середине 2016 г.) – главная проблема России в области внешнедолгового финансирования (в развитых странах доля корпоративного сектора в структуре внешнего долга составляет в среднем 60...65 %). При отсутствии возможности гарантированного рефинансирования долговых обязательств в иностранной валюте за счет внешних источников банки и компании вынуждены искать альтернативу на внутреннем рынке, усиливая давление на национальную российскую валюту и способствуя возникновению кризисных ситуаций в финансово-экономической сфере.

Вероятно, в ближайшее время международный долговой рынок постепенно станет более доступным для России, хотя стоимость финансирования останется более высокой, чем до введения санкций, несмотря на текущую высокую ликвидность рынка

⁸ Рассчитано автором на основе данных ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения 14.07.2016).

⁹ Там же.

¹⁰ Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt> (дата обращения: 09.07.2016).

и низкий средний уровень процентных ставок. Совокупный объем заимствований будет расти, но пока еще (в условиях пролонгированного действия введенных ранее санкций) не сможет достичь уровня 2013 г.

Что касается выпуска российских суверенных еврооблигаций, нам представляется, что в ближайшее время этот вопрос будет тесно связан с текущей политической конъюнктурой. Если у России будет больше точек соприкосновения с США и странами ЕС, могут сложиться условия для возвращения России как суверенного заемщика на международный долговой рынок. Однако нельзя исключать и другой возможный сценарий: при обострении отношений с Россией политическое руководство США, стран ЕС и других стран-союзников будет всячески препятствовать получению правительством РФ денежных средств на международном долговом рынке на приемлемых условиях.

Отчасти это произошло во время размещения Россией суверенных еврооблигаций в мае 2016 г. Основными покупателями еврооблигаций стали не крупнейшие институциональные инвесторы и банки из США и Европы, а российские и азиатские инвесторы, а главным организатором размещения выступил «ВТБ Капитал», а не крупный международный инвестиционный банк. Эту сделку, на наш взгляд, следует считать «прошупыванием» международного долгового рынка, поскольку с 2013 г. Россия не размещала суверенные еврооблигации. Если до конца 2016 г. будет размещен еще один транш российских суверенных еврооблигаций, тогда можно считать, что текущие условия финансирования на международном долговом рынке устраивают правительство страны.

Если ситуация на международном долговом рынке будет неблагоприятной для России, то правительству придется искать способы мобилизации денежных средств на внутреннем финансовом рынке. В результате могут ухудшиться условия внутренних заимствований для российских корпоративных заемщиков.

Российским банкам и компаниям, имеющим доступ на международный долговой рынок, важно использовать плюсы международного долгового финансирования с точки зрения сроков и объемов финансирования, а также стоимости денежных средств. С учетом текущей относительно благоприятной конъюнктуры на международном долговом рынке (наличие большого количества временно свободных денежных средств у международных инвесторов, их растущая готовность принять на себя риски заемщиков из развивающихся стран в надежде на более высокие доходы, чем от заемщиков из развитых стран) российским банкам и компаниям следует постараться использовать данный источник финансирования.

Что касается банков и компаний, попавших ранее в санкционный список, то они, вероятно, будут искать альтернативные внешние источники финансирования (прежде всего в Восточной Азии, а также в арабских странах). Кроме того, можно ожидать увеличения количества частных размещений корпоративных долговых ценных бумаг среди институциональных инвесторов, которым не запрещено работать с российскими эмитентами.

Список литературы

1. *Johnston, R. B. Economics of the Euro-Market: History, Theory and Policy.* Palgrave Macmillan / R. B. Johnston. – 1982. – December.
2. *BIS Quarterly Review.* – 2015. – March.

3. World Development Indicators. World Bank Data. URL: http://databank.worldbank.org/data/views/reports/ReportWidgetCustom.aspx?Report_Name=Table-1-SDDS-new&Id=4f2f0c86 (дата обращения: 28.07.2016).

4. Рубцов, Б. Б. Современные фондовые рынки: учеб. пособие для вузов / Б. Б. Рубцов. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

5. Thomson Reuters. Global Syndicated Loans Review. Full Year 2015. URL: [http://share.thomsonreuters.com/general/PR/Loan-4Q15-\(E\).pdf](http://share.thomsonreuters.com/general/PR/Loan-4Q15-(E).pdf) (дата обращения: 04.08.2016).

6. BIS Statistical Bulletin. – 2016. – June.

7. Thomson Reuters. Debt Capital Markets. Full Year 2014. URL: http://dmi.thomsonreuters.com/Content/Files/4Q2014_Global_Debt_Capital_Markets_Review.pdf (дата обращения: 25.07.2016).

8. BIS Quarterly Review. – 1999. – August.

9. BIS Quarterly Review. – 2013. – September.

10. Global Financial Stability Report. – 2014. – April. International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/External/Pubs/FT/GFSR/2014/01/pdf/text.pdf> (дата обращения: 01.08.2016).

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

Л. А. Гузикова¹, А. М. Колесников²

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РОССИЙСКОГО МАЛОГО БИЗНЕСА

Малый бизнес – неотъемлемая часть современной рыночной экономики. Для него в большей мере, чем для крупного бизнеса, характерны контакты с обществом, что обусловлено его массовостью, преимущественной ориентированностью на непосредственные нужды населения и большей пространственной рассредоточенностью.

В разных странах характеристики малого бизнеса варьируют в широких пределах. Это касается как параметров, на основании которых хозяйствующие субъекты включаются в категорию малого бизнеса, так и социальной значимости и роли малого бизнеса, его целевой ориентации, сфер деятельности и экономических результатов. В целом, состояние малого бизнеса является отражением состояния экономики и общества в конкретной стране в конкретный период.

Мы считаем, что при исследовании российского малого бизнеса как социально-экономического явления необходимо принимать во внимание неоднородность социально-экономического развития регионов.

Настоящее исследование базируется на источниках трех видов:

- 1) теоретические научные работы современных авторов, посвященные социологическим и экономическим аспектам бизнеса;
- 2) данные опросов предпринимателей, проводившихся в России с различными целями в 2006–2014 гг.;
- 3) данные государственной статистики, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат) www.gks.ru и в сборнике материалов «Малый и средний бизнес в России», опубликованном Росстатом в декабре 2015 г.

¹ Людмила Александровна Гузикова, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого, д-р экон. наук.

² Александр Михайлович Колесников, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого, д-р экон. наук.

Начиная с 2010 г. Росстат ежегодно публикует показатели деятельности малого и среднего бизнеса, полученные в результате опросов. В 2016 г. Росстат планирует подвести итоги тотального статистического наблюдения за деятельностью малого и среднего бизнеса в 2015 г. Его результаты позволят уточнить данные по этому сегменту бизнеса, которые в настоящее время формируются главным образом на выборочной основе. Первые результаты предполагается опубликовать на сайте Росстата в 2017 г.

Методологию исследования составляют логический анализ, позволяющий сформировать представление о ситуации в целом, а также теоретические модели, методы статистического анализа структуры и динамики сложных объектов и процессов.

Социальный портрет российского предпринимателя. Малый бизнес в России начал появляться в 1980-е гг. В рамках традиционных экономических структур самостоятельные производственные единицы для реализации предпринимательских инициатив не создавались, хотя такие структуры были обязательным условием развития малого бизнеса. В конце 1980-х гг. благодаря изменениям в политической, социальной и экономической жизни страны люди с предпринимательскими способностями получили возможность вести бизнес на легальной основе. Были созданы первые кооперативы, союз предпринимателей, бизнес-ассоциации; основан союз советских менеджеров.

Ни за рубежом, ни в России к настоящему времени нет общепризнанной экономической теории предпринимательства, потребность в которой очень велика. Принято выделять три волны, соответствующие процессу развития теоретических взглядов на предпринимательство и отражающие его этапы [1].

Первая волна зародилась в XVIII в. и связана с осознанием риска как фактора предпринимательской деятельности. Вторая волна связана с инновациями, которые рассматриваются как основная отличительная черта предпринимательства. Основателем этого теоретического направления был Й. Шумпетер. Третья волна акцентирует внимание на особых личных качествах предпринимателя и на роли предпринимательства как регулирующего начала в экономической системе.

Современную стадию развития теории предпринимательства можно охарактеризовать как четвертую волну, главным содержанием которой является выделение административного аспекта и, как следствие, признание необходимости перехода к многоуровневому анализу проблем бизнеса [2].

Авторы согласны с А. В. Кругловым [3, с. 68], который утверждает, что «... бизнес в России представляет собой совершенно уникальное явление», и что, занимаясь бизнесом, российские и зарубежные предприниматели решают совершенно разные задачи.

Исследователи, например П. А. Гурьянов [4], отмечают, что модель предпринимательской культуры, которая стала формироваться в России в конце 1980-х гг. сильно отличается от традиционной модели, сложившейся в начале XX в. и в значительной мере опирающейся на православную этику, для которой характерны:

- отсутствие принципа богатства ради богатства;
- признание праведности богатства, нажитого трудом;
- озабоченность общественной пользой предпринимательства и признание ее необходимости;
- благотворительность как главное условие спасения души;
- высокий уровень доверия и честности в бизнес-среде [5, с. 510].

Результаты опроса российских предпринимателей показывают, что современная мотивация к участию в бизнесе существенно отличается от традиционной (табл. 1). Преобладает мотивация, связанная с семейными индивидуальными материальными интересами, в то время как мотивирующая роль факторов престижа и общественной выгоды незначительна.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Что больше всего привлекает Вас в Вашей работе?» [6, с. 112]**

Мотивирующий фактор	%
Высокий доход	56,9
Возможность проявлять инициативу	27,7
Интересная работа	16,8
Возможность передачи дела по наследству	58,1
Надежное рабочее место	5,3
Возможность чего-то достичь	24,5
Возможность сделать карьеру, престижная должность	3,9
Возможность сотрудничать с высококвалифицированными коллегами	2,6
Возможность приносить пользу обществу, участвовать в развитии экономики	7,9
Возможность видеть конкретные результаты своего труда	48,6

По имеющимся данным, 80 % предпринимателей – мужчины и только 20 % – женщины. Средний возраст предпринимателей – 30...45 лет. Большинство из них имеют образование, ясно понимают свои цели и пути их достижения, осознают имеющиеся риски [7]. Более половины предпринимателей совмещают роли собственника (совладельца) бизнеса и менеджера. Для большинства из них собственный бизнес – основное занятие. Однако есть среди них и такие, кто сохраняет за собой рабочие места в государственных структурах как страховку.

Согласно данным Глобального монитора предпринимательства, в 2013 г. в России 9,1 % респондентов назвали себя предпринимателями (в 2012 г. – 6,3 %), в том числе 5,8 % указали, что являются начинающими бизнесменами. Более трети опрошенных владельцев бизнеса признали, что они вынуждены заниматься предпринимательством, так как не имеют иных возможностей получения доходов, т. е. являются в определенной мере «предпринимателями поневоле». Доля вынужденных предпринимателей в России традиционно выше, чем в других странах с аналогичной структурой экономики [8].

Не менее 14,5 % опрошенных были заняты в теневом бизнесе [8]. Высокую долю теневого бизнеса можно объяснить тем, что в период низкого экономического роста и в условиях спада люди стремятся найти дополнительные источники дохода и более охотно принимают дополнительные риски, включая риск конфликта с законом.

Экономические результаты малого бизнеса. Критерии отнесения предприятий к категории малого бизнеса, действовавшие в России до 2015 г., показаны в табл. 2. С 2015 г. был изменен критерий максимального размера выручки. Новый лимит составил 120 млн рублей для микропредприятий и 800 млн рублей для малых предприятий [9]. Данное изменение затруднит в будущем сопоставление данных о малом бизнесе в динамике.

Критерии малого бизнеса*

Категория малого бизнеса	Число работников	Размер годовой выручки	Критерий независимости учредителей
Микропредприятие	< 15 чел.	< 60 млн р.	Доля Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных, общественных и религиозных организаций в капитале предприятия – не более 25 %; доля иностранных юридических лиц и/или юридических лиц, не являющихся субъектами малого и среднего бизнеса, – не более 49 %
Малое предприятие	16...100 чел.	< 400 млн р.	

* Составлено авторами на основе [9].

В теории предпринимательства одновременное появление большого количества новых предприятий связывается с возникновением общественной ситуации, когда стечение идеологических, политических и социально-экономических условий вызывает так называемый предпринимательский бум. Существуют три теоретические модели, объясняющие количественный рост и развитие малого бизнеса [10]:

- в модели экономического спада в качестве основного фактора, обеспечивающего рост численности малых предприятий, выступает безработица;
- в модели роста выручки увеличение числа малых предприятий трактуется как реакция на рост спроса на товары и услуги;
- в инновационной модели увеличение числа малых предприятий связывается с возникновением и развитием новых технологий.

В 2010–2014 гг. в России наблюдалась положительная динамика количества малых предприятий. Число малых предприятий (включая микропредприятия) за 5 лет выросло на 28 % – с 1644,3 тысяч в 2010 г. до 2103,8 тысяч в 2014 г. При этом количество микропредприятий выросло на треть и достигло 1868,2 тысяч.

В 2014 г. сегмент малого и среднего бизнеса был представлен преимущественно индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица, численность которых составляла 2,4 миллиона, или 53,3 % от общего числа хозяйствующих субъектов рассматриваемого сегмента. Число микропредприятий составляло 1,9 миллиона (41 %). На малые предприятия приходилось 5,2 % от общего числа хозяйствующих субъектов рассматриваемого сегмента. В то же время численность работников, занятых на микропредприятиях и работающих по найму у индивидуальных предпринимателей, составила 55 % от общего числа работников сектора малого и среднего бизнеса. Посмотрим на экономические показатели малых предприятий (табл. 3). Как видим, заработная плата на малых предприятиях приблизительно в два раза меньше, чем в среднем по экономике, а покупательная способность последней существенно ниже покупательной способности средней зарплаты в развитых странах. Уровень заработной

Таблица 3

Основные экономические показатели малого бизнеса в 2010–2014 гг.*

Показатель	Малые предприятия											
	в целом						микропредприятия					
	2010	2011	2012	2013	2014	2010	2011	2012	2013	2014		
Число предприятий (на конец года), тыс.	1644,3	1836,4	2003,0	2063,1	2103,8	1415,2	1593,8	1760,0	1828,6	1868,2		
Среднее число работников, без внешних совместителей, тыс.	9790,2	10421,9	10755,7	10775,2	10789,5	3320,0	3864,4	4248,9	4322,9	4431,1		
Выручка, млрд р.	18933,8	22610,2	23463,7	24781,6	26392,2	5609,2	7028,3	8347,4	9101,3	9699,3		
Средняя ежегодная зарплата работников, р.	12367	15743	16711	17948	19201	10612	12855	13898	15039	15774		
Выработка на одного работника, млн р.	1,93	2,17	2,18	2,30	2,45	1,69	1,82	1,96	2,11	2,19		
Средняя ежегодная зарплата по экономике, р.	20952	23369	26629	29792	32495	20952	23369	26629	29792	32495		
Отношение средней зарплаты в малом бизнесе к средней зарплате по экономике, %	59,02	67,37	62,76	60,24	59,09	50,65	55,01	52,19	50,48	48,54		

* Табл. 3, 4, а также рис. 1–3 составлены авторами по данным www.gks.ru

платы в малом бизнесе, по нашему мнению, подтверждает, что для значительной части работников и предпринимателей занятость в малом бизнесе является вынужденной и обусловлена недостаточностью рабочих мест в крупном бизнесе (как государственном, так и частном), а главным стимулом к участию в малом бизнесе является угроза безработицы и полной потери дохода. Другой причиной низкой заработной платы в малом бизнесе, показываемой государственной статистикой, является высокая теневая составляющая в его деятельности.

В качестве позитивного результата отметим опережающий рост выручки малого бизнеса по сравнению с ростом числа занятых. За пять лет выручка малых предприятий выросла в 1,31 раза, а число занятых – в 1,10 раза (для микропредприятий соответствующие показатели составили 1,73 и 1,33). Однако, с учетом уровня инфляции, стабильно превышающего на протяжении последних лет 6 %, можно говорить, в лучшем случае, о постоянной выручке, сопровождающейся ростом численности работников. В течение 5-летнего периода средняя численность занятых на малых предприятиях (включая микропредприятия) составила 6 человек, а на микропредприятиях – 3 человека.

По численности малых предприятий в 2014 г. лидируют Центральный и Приволжский ФО, где доли последних составили соответственно 27,3 и 17,5 % от общего числа малых предприятий (включая микропредприятия); на третьем месте – Северо-Западный ФО (доля – 15,8 %); за ним следует Сибирский ФО – 14,4 %. Доли других ФО не превышают 10 % (рис. 1).

По численности занятых в малом бизнесе лидирует Центральный ФО, доля которого составляет 30,6 % от общей численности занятых в сегменте малого бизнеса, включая микропредприятия. На втором месте Приволжский ФО, обеспечивающий занятость 21,4 % от общего числа; на третьем – Сибирский ФО, доля которого составляет 12,6 %. Доли упоминаемых выше федеральных округов в выручке малого бизнеса составила соответственно 36,6; 18,3 и 10,7 %.

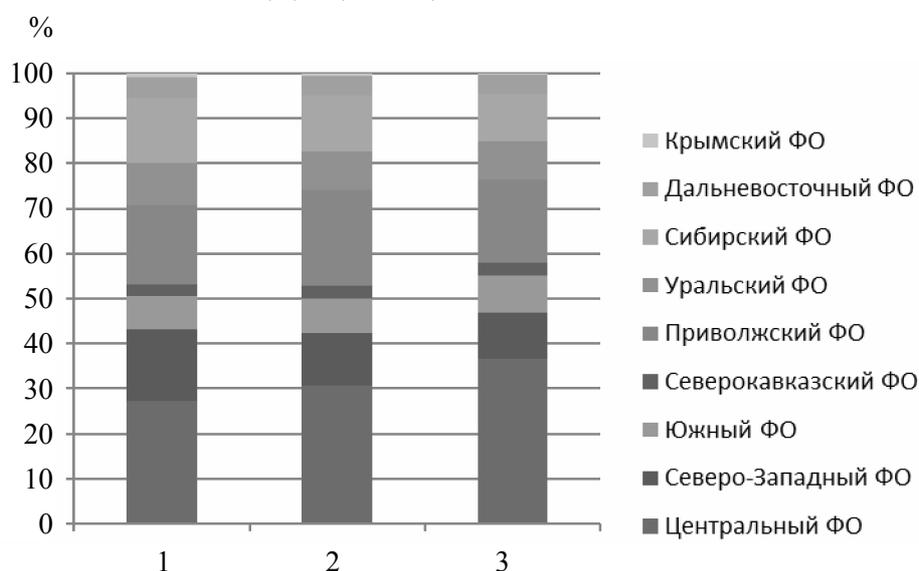

Рис. 1. Региональная структура: численность малых предприятий (1), количество занятых в малом бизнесе (2) и выручка (3)

В отраслевой структуре малого бизнеса в 2014 г. (рис. 2) доля предприятий в сфере торговли и услуг по ремонту и обслуживанию автотранспортных средств и бытовых товаров составляла 38,7 %; операциями с недвижимостью, арендой и услугами в сфере недвижимости занимались 20,3 % предприятий. В целом, малый бизнес в России работает преимущественно как посредник между производителями и покупателями, предпочитая сферы с быстрым оборотом капитала. Существующая отраслевая структура малого бизнеса не позволяет считать его носителем инновационного начала и драйвером инноваций, хотя существуют исключения. Сведение роли малого бизнеса к посредничеству ограничивает потенциал реального сектора экономики [11].

Рис. 2. Отраслевая структура малого бизнеса в 2014 г.

В 2014 г. соотношение числа прибыльных и убыточных малых предприятий, включая микропредприятия, составляло примерно 80:20, т. е. каждое пятое предприятие было убыточным (табл. 4). Подобное соотношение имело место и в предшествующие годы.

Из анализа рис. 3, где представлена динамика отношения сальдированного совокупного финансового результата малого бизнеса (включая микропредприятия) к выручке, т. е. совокупный показатель рентабельности продаж по чистой прибыли видно, что наибольшее значение показателя достигалось в 2013 г. и составило 5,80 % (в 2014 г. – 4,59 %). Аналогичный показатель по экономике без учета субъектов малого предпринимательства составил в 2014 г. 7,3 %, что не позволяет говорить об экономической эффективности деятельности малого бизнеса в целом.

Финансовые результаты малого бизнеса в 2010–2014 гг.

Годы	Число предприятий	В том числе			
		прибыльные предприятия		убыточные предприятия	
		количество	прибыль, млн р.	количество	убыток, млн р.
<i>Микропредприятия</i>					
2010	435 119	347 183	457 694	87 936	216 676
2011	406 206	331 200	369 548	75 006	170 479
2012	500 314	412 360	715 371	87 954	177 090
2013	1 155 668	931 644	1 297 496	224 024	447 613
2014	1 328 352	1 061 436	1 648 981	266 916	749 455
<i>Малые и микропредприятия</i>					
2010	525 399	416 778	868 401	108 621	332 407
2011	495 484	402 641	776 796	92 843	302 628
2012	602 698	496 030	1 256 205	106 668	305 994
2013	1 344 849	1 082 082	2 093 226	262 767	656 174
2014	1 530 294	1 219 954	2 548 634	310 340	1 337 684

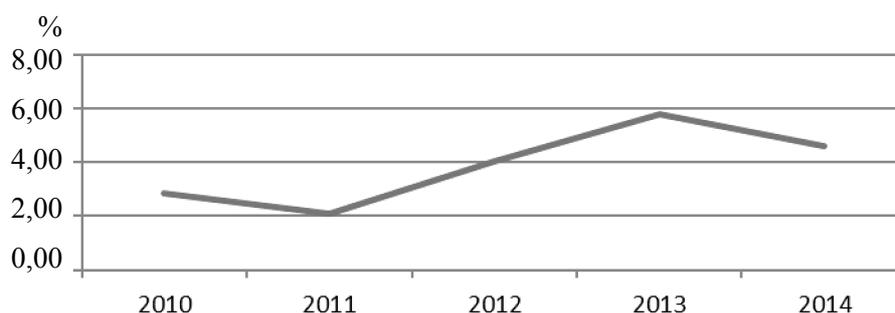

Рис. 3. Динамика отношения чистого финансового результата малого бизнеса к выручке

Отметим, что средняя выручка малых предприятий в 2014 г. составила 17,25 млн рублей, что намного ниже законодательно установленного верхнего предела. Это подтверждает, что масштаб деятельности малых предприятий варьирует в очень широком диапазоне. Предоставленная законодательством возможность наращивать выручку, не теряя статуса малого предприятия, в настоящее время вряд ли способна стимулировать расширение бизнеса для большинства малых предприятий.

В предшествующих исследованиях авторы показали, что малый бизнес в России не выполняет должным образом экономические функции, предписываемые ему экономической теорией. Его вклад в развитие инноваций весьма скромнен, а роль в противостоянии монополизму далека от той, которую он должен играть в соответствии с теорией. Его роль в создании рабочих мест заметна, но не сопровождается существенным вкладом в рост доходов и улучшение показателей эффективности бизнеса в целом.

Включение в анализ данных 2014 г. подтвердило ранее сделанный вывод: сегодня к наиболее явно проявляющимся и востребованным экономическим функциям малого бизнеса в России относятся обеспечение самозанятости населения и удовлетворение спроса на локальных рынках, что особенно важно в условиях импортозамещения [12, 13].

В 2015 г. аудиторская фирма KPMG провела опрос представителей малого и среднего бизнеса в России для выявления проблем, препятствующих развитию этого сегмента бизнеса. В ходе опроса в 82 регионах страны было собрано более 10 тысяч анкет и 578 комментариев, в которых предприниматели в свободной форме описывали свои трудности [14]. Наиболее острой проблемой был назван ограниченный доступ к финансовым ресурсам, что отметили 50 % опрошенных. Также были перечислены трудности получения долгосрочного кредита, высокие процентные ставки и невозможность получить ссуду с отсрочкой погашения. В связи с продолжающимся экономическим спадом финансовые трудности вышли на первый план. Отметим, что представители правительственных кругов видят причину такого положения в высоком уровне инфляции и связывают перспективы улучшения ситуации с установлением контроля над инфляцией и ее снижением до 4...5 % в год.

Плохой бизнес-климат оказался в 2014 г. второй по значимости проблемой малого бизнеса (30 % опрошенных). Эта проблема связана с частыми изменениями законодательства, прежде всего в сфере налогообложения, бюрократическими препятствиями, частыми проверками и недостаточным вниманием местных властей.

В 2015 г. был принят федеральный закон, запрещающий проверки малого бизнеса федеральными и местными органами в период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2018 г., за исключением проверок противопожарной безопасности, охраны окружающей среды, радиационной безопасности, контроля в области соблюдения государственной тайны и использования ядерной энергии [15]. Однако в дальнейшем были приняты изменения в законодательстве, увеличивающие фискальную и нефискальную нагрузку на малый бизнес, устанавливающие новые административные барьеры и ухудшающие тем самым положение малого бизнеса в условиях экономического кризиса [16].

Третьей по значимости проблемой малого бизнеса предприниматели признали низкий уровень подготовки молодых кадров. Среди прочих проблем, существенно осложняющих ведение бизнеса, упоминались сложности с выходом на рынки, поиском поставщиков товаров и услуг, доступом к производственным технологиям, обучению и инфраструктуре. В комментариях предприниматели отмечали высокие налоги и увеличение налоговой нагрузки, конкуренцию, незаконное предпринимательство, рост торговых сетей, использование «административного ресурса», высокую стоимость подключения к энергосетям и высокие тарифы.

По мнению предпринимателей, государство должно поддерживать в первую очередь производство интеллектуальной продукции (разработку средств обработки и передачи информации и вычислительной техники, науку, искусство). Далее следуют производство продукции промышленного назначения и добыча сырья. По мнению экспертов, менее всего нуждаются в поддержке непромышленные отрасли (сектор услуг, торговля и финансовый сектор) [17].

Опрос, проведенный Альфа-банком [18], показал, что владельцы и менеджеры малого бизнеса в настоящее время видят свои главные задачи в поиске и привлечении новых покупателей, повышении прибыльности бизнеса, снижении затрат, выходе на новые сегменты рынка, поиске партнеров и поставщиков. Значительная часть ма-

лых предприятий пересмотрела свои модели продаж и стала уделять больше внимания мерам по улучшению лояльности покупателей, предложению новых товаров и услуг и повышению их качества, а также повышению квалификации персонала. Таким образом, инфляция и ухудшение экономической ситуации стимулируют стремление предпринимателей выжить и укрепить свои позиции на рынке.

ВЫВОДЫ

Текущее состояние малого бизнеса определяется условиями продолжительного общего экономического спада. Ситуация в малом бизнесе характеризуется существенным несоответствием между стремлением большинства предпринимателей к достижению материальных целей, мотивирующих их к участию в бизнесе, и достигнутыми результатами. Значительная часть предпринимателей занимается бизнесом вынужденно, в том числе под угрозой безработицы и полного отсутствия доходов. В целом, ни стремление к личному обогащению, ни вынужденная вовлеченность в предпринимательство не способствуют повышению стабильности и экономическому развитию малого бизнеса, усилению его роли в экономике страны и в инновационном процессе.

В последние годы на фоне определенных административных послаблений увеличивается налоговая нагрузка на малый бизнес, что в условиях общего снижения доходов и преобладания мотивации к обогащению способно вызвать рост теневого, не подконтрольного государству сектора бизнеса.

Увеличение объема выручки для признания предприятия малым бизнесом отвечает интересам небольшого числа предприятий, которые уже относятся к данной категории, и не влияет на положение большинства. При этом изменение критериев приведет к несопоставимости статистических данных в динамике, что негативно скажется на качестве управленческих решений, принимаемых на основе статистического анализа.

Перечень проблем малого бизнеса сформулирован достаточно четко, именно им и следует руководствоваться при принятии политических решений, затрагивающих интересы малого бизнеса. Основной упор должен делаться на региональный уровень с учетом региональных различий и специфики ситуации. Что касается самого малого бизнеса, важным условием его выживания в условиях экономического спада становится понимание нужд и потребностей общества и соответствующее изменение бизнес-моделей и методов работы.

Список литературы

1. Основы предпринимательства: учеб. пособие / В. И. Брунова [и др.]; под ред. В. И. Бруновой; СПбГАСУ. – СПб., 2010. – 106 с.
2. *Рассказова, Н. В.* Концептуальные проблемы теории предпринимательства и смена экономической парадигмы/ Н. В. Рассказова // Известия Пензенского гос. педагог. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2008. – № 11. – С. 68–72.
3. *Круглов, А. В.* Регулирование внешней и внутренней среды предпринимательских структур как основа их устойчивого развития / А. В. Круглов // Известия СПбГУЭФ. – 2004. – № 4.
4. *Гурьянов, П. А.* Социальный образ предпринимателя в России / П. А. Гурьянов // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1632> (дата обращения: 31.05.2016).

5. Румянцев, М. А. Православие и социальная ответственность предпринимательства / М. А. Румянцев // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3.
6. Мотивационная структура российского предпринимателя // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 4.
7. Социально-психологический портрет предпринимателя. Теоретические представления о предпринимательстве и предпринимателях. – 2014. URL: <http://www.psycademy.ru/pages/525/>
8. Едовина, Т. Предпринимательство растет вынужденными темпами / Т. Едовина. – 2014. URL: <http://kommersant.ru/doc/2564149>
9. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ea6f7bb32cdb797dc30aca18be2a215cd0211ad2/
10. Keeble, D. New firm and regional economic development: Experience and impacts in the 1980s / D. Keeble // Cambridge Regional Review. – №1. – P. 19–38.
11. Кетько, Н. В. Проблемы и перспективы развития современного малого бизнеса в России / Н. В. Кетько, Р. Р. Зарафутдинов // Российское предпринимательство. – 2011. – №9, вып. 1(191). – С. 23–28. URL: <http://old.creativeconomy.ru/articles/13161/>
12. Колесников, А. М. Малый бизнес в экономике современной России / А. М. Колесников, В. А. Видякина // Финансовые решения XXI века: теория и практика: сб. науч. тр. 16-й Междунар. науч.-практ. конф. / СПбПУ Петра Великого. – СПб., 2015. – С. 395–400.
13. Антохина, Ю. А. Экономическая роль малого бизнеса в современной России / Ю. А. Антохина, Л. А. Гузикова, В. А. Видякина // Бизнес. Образование. Право: Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2015. – № 4(33). URL: <http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/433/article-433-1468.pdf>
14. Главные проблемы малого бизнеса. – 2015. URL: <http://ibusiness.ru/blog/experience/40108>
15. Федеральный закон от 13.07.2015 №246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182622/
16. Калинин, А. Мало и медленно/ А. Калинин// Российская деловая газета. – 2015. – №993 (14). URL: <http://rg.ru/2015/04/14/dola.html>
17. Голубев, А. В. Социальный портрет современного предпринимателя / А. В. Голубев. – 2003. URL: http://www.maecenas.ru/doc/2003_9_3.html
18. Аникеева, М. Малый бизнес в России выходит на длинную дистанцию / М. Аникеева. – 2015. URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/2647/3344853/>

Н. Г. Яковлева¹

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Начало XXI в. ознаменовалось целым рядом социально-экономических и геополитэкономических противоречий, которые заставляют искать новые пути решения многих «вечных» проблем и одновременно критически переосмысливать опыт прежних, казалось бы, навсегда ушедших в прошлое, практик. Это в полной мере относится к образованию. Казалось бы, в условиях господства неолиберальной модели каждый индивид должен и может сам обеспечить себе высокий уровень образования. Должен – ибо человечество вступило в эпоху господства меритократии [17, с. 111, 112, 122, 407, 427, 435], когда именно интеллект человека, его способности, уровень образования обуславливают успехи в труде и бизнесе; равны (а зачастую и выше) материальным благам, таким, как высокий уровень дохода, собственность на средства и условия производства и др. Может – ибо развитые рыночные механизмы (в том числе интернет-технологии, образовательные кредиты, частичная занятость, возможность заниматься деятельностью в режиме фриланса в любой части планеты и др.) обеспечивают необходимые ресурсы для оплаты образования. «Миф» о необходимости общедоступного и бесплатного образования, вроде бы, развенчан.

Однако практики послекризисного развития (имеется в виду мировой финансово-экономический кризис 2007–2010 гг.) как развитых стран, так и стран, возникших на постсоветском пространстве, показывает, что мифом является, скорее, сформулированная выше неолиберальная утопия, ибо общественная жизнь доказывает: социально-экономическое неравенство является не столько следствием, сколько причиной неравенства в уровне образования. Приведем только два аргумента:

1 – социально-экономическое неравенство – это не просто дифференциация доходов, но еще и неравенство в доступе к ресурсам, в том числе к образованию, причем в исходном пункте – начиная с детского сада и школы, а также неравенство в качестве жизни и культурном социотипе, формирующем (или не формирующем) потребность в образовании у молодого человека;

2 – коммерциализированная, ориентированная на частные формы собственности и экономической организации система образования формирует элитарную модель последнего, когда в качестве правила (безусловно, имеющего исключения) качественное высшее образование получают именно дети представителей высшего среднего класса из стран центра и «элитных» слоев стран периферии.

¹ Наталья Геннадьевна Яковлева, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук, доцент.

Важно, однако, что представители неолиберально-ориентированного направления, считающие приоритетом частную, коммерческую модель образования, и ученые, отдающие предпочтение широкому использованию механизмов общедоступного образования («образования для всех»), едины в том, что эта сфера может и должна играть одну из важнейших ролей в решении проблем перехода к инновационному, устойчивому социально-экономическому развитию любой страны.

Этот контекст ставит перед исследователем, как минимум, два блока проблем: *во-первых*, какое именно развитие и какая именно модель образования может и должна обеспечивать; *во-вторых*, почему и как образование может и должно играть роль драйвера социально-экономического развития?

Практики реформирования образования и экономики: молодой Советский Союз и «молодая» Россия²

Советский Союз, система образования СССР – это уже история, несмотря на то что многие из ныне живущих в современной России получили образование в СССР. В целом, к СССР и всему, что относится к советскому периоду, на протяжении последних десятилетий складывается крайне неоднозначное отношение, которое существенно меняется с течением времени и очень различается у разных представителей нашего общества и интеллектуалов. Это относится и к системе образования, сложившейся в СССР: кто-то ее критикует, называя догматичной, кто-то превозносит, считая идеальной и лучшей в мире.

На наш взгляд, истину следует искать в диалектическом соединении реально противоположных сторон системы общественных отношений в СССР в целом и в сфере образования, в частности. У этих противоречий есть некий вектор, задававший основное направление (мейнстрим) советской системы образования. В контексте нашей статьи наиболее важным аспектом этого вектора будет влияние системы образования на социально-экономическое развитие страны и лежавший в его основании научно-технический прогресс. Для нас первостепенное значение имеют уроки истории, поэтому особенно важно *сравнить две модели и два этапа в развитии отечественного образования: первые 25 лет развития советского образования и первые 25 лет образования постсоветского*. Оба этапа связаны с революционной сменой власти, распадом прежней социально-экономической и политической системы и становлением новой: 1917 г. – Октябрьская социалистическая революция и распад Российской империи; 1991 г. – распад СССР и образование СНГ. В обоих случаях вначале – не просто смена власти, политического и экономического строя, но качественное изменение всех систем, обеспечивающих жизнедеятельность страны, в том числе системы образования.

Посмотрим на основные черты и результаты 25-летнего развития системы образования в послереволюционной России и СССР. На сегодня есть ряд работ, в которых достаточно подробно рассмотрены аспекты реформирования различных уровней образования в интересующий нас период [10, 24]. Начнем с СССР.

В целом, в реформировании образования в данный период прослеживаются четкие цели и стратегический план *по созданию массовой системы образования в молодой*

² Раздел подготовлен на основе доклада на II Международном конгрессе «Производство, наука, образование: преодолеть стагнацию». Москва, 28–29 ноября 2015 г.

социалистической стране, основой которого являлся всеобщий охват обучением населения и создание массовой культуры (образование и культура шли в неразрывной связке – это очень важно!). В начале пути молодой страны образовательная база, на которую опиралась советская власть, разрабатывая стратегию развития страны, была очень слабой, так как население страны в подавляющем большинстве было неграмотным. Именно поэтому, как нам представляется, основным исходным пунктом образовательной политики тех лет стало повышение доступности образования для разных слоев населения и что самое важное – ликвидация безграмотности среди взрослого населения страны, основным импульсом которой стал декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (26 декабря 1919 г.), в котором ставилась задача приобщить к грамотности все население в возрасте от 8 до 50 лет. В стране, где после долгих лет Первой мировой и Гражданской войн неграмотность населения превышала 80 %, буквально за несколько лет (к 1926 г.) удалось добиться решающего перелома: грамотность населения (в возрасте 9...49 лет) достигла 60,9 %. К 1939 г. она достигла 89,7 % [26]. Решались не только проблемы неграмотности, были заложены основы профессионально-технического обучения, подготовки квалифицированных кадров³ и научных работников. Приведем только одну цифру: доля призывников, имеющих высшее и среднее образование, в 1939–1940 гг. составила треть от общего числа.

О. Н. Смолин, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД ВС РФ, в своем выступлении на пленарном заседании Госдумы 22 апреля 2015 г.⁴ четко определил причины того, почему образование периода 1917–1940 гг. стало образованием Победы:

- стратегический, а не бухгалтерский подход к финансированию образования;
- образование для всех – всеобщее, массовое, эгалитарное образование, т. е. образование равных возможностей, причем всех уровней: дошкольное, среднее, профессиональное и высшее;
- фундаментальность образования;
- живая, творческая педагогика;
- патриотическое воспитание.

Несмотря на репрессии, изгнание культурной элиты, засилье идеологических норм, на тот момент это был выигрышный путь, так как он позволил сформировать необходимую критическую массу в образовательном уровне населения страны, без чего был бы невозможным переход к индустриализации страны в ближайшие десятилетия.

С чего же начались и в чем было главное социально-экономическое содержание изменений в системе образования в постсоветской России?

³ Г. И. Ханин определяет результат развития в этот период высшего образования таким образом: «Выпускники вузов конца 1930-х–1940-х годов по естественным специальностям были хорошо подготовлены в профессиональном отношении. Массовое пополнение ими различных сфер экономики и обороны сыграло огромную роль в тех успехах, которые были достигнуты в различных областях жизни в 1940–1950-е годы (успешное и быстрое восстановление экономики, советское экономическое чудо 1950-х годов, огромные успехи в ряде областей науки и техники)» [24].

⁴ Аудиозапись выступления О. Н. Смолина «Образование Победы и победа образования» размещена на официальном сайте О. Н. Смолина. Режим доступа: <http://www.smolin.ru/album/37/>, время обращения 24.04.2016.

Напомним: исходным пунктом для «реформ» (которые позже назовут контрреформами) была система образования, обеспечивавшая не просто поголовную грамотность населения, но и обязательное среднее образование. Все образование (включая высшее) было бесплатным, студенты получали стипендии, работающая молодежь могла закончить бесплатные подготовительные курсы или учиться на вечернем либо заочном отделениях (тоже бесплатно).

Достаточно подробно первые 25 лет жизни (точнее – выживания) системы образования «новой» России на разных ее этапах и в разных ее ракурсах проанализированы в работах О. Н. Смолина [23] и первого постсоветского министра образования Э. Д. Днепровца [15]. Каких-либо четких целей, а соответственно и стратегического плана реформирования системы образования на тот момент не было и, по словам О. Н. Смолина: «...фактически власть пыталась не реформировать образование, но подвергнуть революционной ломке его прежнюю модель, заменив её новой, построенной по искажённым западным образцам» [23, с. 271].

На наш взгляд, главным социально-экономическим изменением в системе образования, обусловленным переходом на рыночно-капиталистическую систему хозяйствования, стал курс на коммерциализацию и «очастничество» образования. Реформы начались с введения платного образования и создания негосударственных вузов, колледжей (так, на западный манер, стали называться средние специальные учебные заведения) и школ. Все эти образовательные организации возникали как частные коммерческие предприятия, как правило, находящиеся в собственности лица, назначившего себя ректором, директором и т. д. (но зачастую не имевшего должного образования, не говоря уже о степенях) и, как правило, на прежде государственной материально-технической базе. Право предоставления образования на платной основе в рамках государственных образовательных стандартов было закреплено Законом РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» (ст. 46).

Особенно быстро в стране началось формирование частных вузов и создание платных отделений (факультетов) в государственных высших образовательных учреждениях. Цифры говорят сами за себя: 1995/96 гг. – 45 (25,3 % от общего числа), 2000/01 – 358 (37 %), 2006/2007 – 430 (39,4 %) [20, с. 82, 83]. В результате резко возросла доля платного высшего образования. По сведениям Счетной палаты РФ, на бесплатной основе в государственных вузах в 1995 г. обучался 91% студентов, а в 2002 г. – всего 56 % [21, с. 58]. К 2013 г. эта доля сократилась и составляла 46 % [22, с. 203].

Это лишь некоторые наиболее очевидные характеристики. Главное различие анализируемых нами двух моделей и двух «двадцатипятилеток» в образовании связано с содержательными процессами. В СССР (при всем бюрократизме и политической ангажированности общественной жизни) образование было ориентировано прежде всего на развитие личностных качеств человека, при этом обучение соединялось с воспитанием, формируя Человека с разносторонними знаниями и интересами, высоким уровнем культуры, патриотизма (хотя и с изрядной долей «зашоренности» вследствие доминирования политико-идеологических штампов и активной пропаганды), и лишь во вторую очередь – на получение профессиональных знаний.

На первый взгляд, парадоксальным, но по сути закономерным результатом коммерциализации образования в постсоветской России стала ориентация образования на продажу услуг, обеспечивающих покупателю получение некоего набора «компетенций», позволяющих профессионально выполнять функции наемного работника и винтика общества потребления (как сказал один из современных российских министров

образования, главное сейчас – взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими [19]).

В результате 25 лет «реформ» в РФ *форма рынка* (а в настоящее время еще и *бюрократическая форма*) стала определять природу образования. Доминирование коммерчески-бюрократической формы в образовании стало одной из важнейших причин еще одного атрибута постсоветской системы образования – *массовой коррупции*. Сработала прямая связь: если рынок и государство ценят не содержание (талант, творческий потенциал, личностные качества), а форму (диплом дорогого вуза и правильно заполненные бюрократические бланки), покупка дипломов и взятки за аккредитацию становятся неизбежными. В этом принципиальное отличие последних 25 лет от 25 лет становления советской системы образования, формировавшей его новое содержание.

Сравним, что было сделано в сфере образования за 25 лет становления нового общества и экономики в СССР и в РФ.

В СССР:

- создана массовая народная школа;
- осуществлен переход к национальному, гуманитарно- и социально-ориентированному содержанию образования;
- создана система профессионального образования;
- значительно расширилась сеть высших учебных заведений;
- получила развитие система массового женского образования;
- создана система общедоступных культурных, спортивных, технических и общественных организаций для детей, юношества и др.

В целом, за 25 лет (включая 6 лет Гражданской войны) были достигнуты значительные успехи в народном образовании. Так, количество учащихся в СССР к 1937 г. (по сравнению с предвоенным 1914 г.) выросло в 3,5 раза, а в средних школах – в 20,2 раза; количество высших учебных заведений увеличилось в 7,7 раза. Для сравнения, за 1991–2015 гг. количество учащихся в России сократилось в 1,3 раза. Федеральный закон от 29.12. 2012 № 273-ФЗ «Об образовании» ликвидировал начальное профессиональное образование (ПТУ) как особый его уровень, создав предпосылки для кризисной ситуации с рабочими кадрами в современной российской экономике. И хотя за эти же годы выросло количество вузов и студентов в них, качество образования во многих из этих организаций снизилось радикально и реальное количество выпускников вузов, получивших (купивших) не только диплом, но и высокий уровень знаний, по сравнению с советским периодом сократилось. Резко упал международный престиж отечественного образования⁵. И все это произошло за те 25 лет, когда во всем мире разворачивалась революция знаний...

Теперь о содержательной стороне дела: в постсоветской системе образования:

- государство отказалось от своей функции – обеспечения обязательного общего образовательного минимума;
- осуществлен переход на болонскую систему, включая ЕГЭ, что привело к еще большей формализации образования;

⁵ Согласно опубликованным официальным оценкам качества систем образования в развитых странах, составленным образовательной организацией Pearson Education, образование в России занимает двадцатое место в мировом рейтинге – сразу после Венгрии и Словакии (Pearson Education; Learningcurve; BBC News).

- переход на ФГОС заменил знания компетенциями;
- проведена приватизация образовательной сферы;
- внедрены система лицензирования образовательной деятельности и государственная аккредитация, породившая невиданные ранее бюрократизацию образования и коррупцию в этой сфере.

Да, советская система образования страдала от идеологического контроля и бюрократизации, но постсоветские «реформы» только усугубили эти недостатки. Реформирование системы образования одновременно с разрушением советского образования разрушило единое образовательное пространство, что еще более бюрократизировало образование. Суммируем некоторые итоги сравнительного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Основные черты первых 25 лет советской и постсоветской систем образования*

СССР	Россия
<i>Какое образование?</i>	
Содержательное	Технологизированное
<i>На ком держится образование?</i>	
Педагог, методист	Администратор
<i>Цель образования</i>	
Образованный Человек	Образованный Потребитель
<i>Социальная среда, на которую направлено образование</i>	
Система образования для широких масс	Система образования для узкого круга, предназначение которого – править
<i>Заказчик образования</i>	
Общество (через государство)	Бизнес (через государство или непосредственно)

* Составлено автором.

Таковы некоторые итоги наших сравнений. Для нас они интересны в контексте поставленного нами вопроса о том, как и какое образование может быть драйвером социально-экономического развития и какого развития?

Образование и экономика: советская и постсоветская модели взаимодействия

Итак, перед нами стоит вопрос: *какое влияние оказали эти столь различные системы образования на социально-экономическое развитие страны и лежащий в его основе научно-технический прогресс?*

Приведем некоторые сопоставления. За первые 25 лет существования СССР в стране:

- *ВВП значительно увеличился.* По общему объему ВВП и производству промышленной продукции СССР в середине 1930-х гг. вышел на первое место в Европе и на второе место в мире, уступив только США и значительно превзойдя Германию, Великобританию, Францию [16].

- *Основные экономические показатели развития страны.* Под руководством Госплана СССР была успешно реализована масштабная программа индустриализации СССР, за две пятилетки превратившей страну из преимущественно аграрной в ведущую индустриальную державу. В ходе первой пятилетки (1928–1932) было построено 1500 крупных предприятий. К 1932 г. были созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение, сельхозмашиностроение, самолетостроение, моторостроение, химическая промышленность, производство мощных турбин и генераторов для электростанций, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, искусственного волокна, удобрений и др. В результате выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937) было введено в действие 4500 крупных государственных промышленных предприятий. Сданы в эксплуатацию новые электростанции, развивалась транспортная инфраструктура. В 1935 г. введена в эксплуатацию первая очередь Московского метрополитена общей протяженностью 11,2 км. Для поддержания роста промышленного и сельскохозяйственного производства, а также в связи с развитием новых индустриальных районов была реализована масштабная программа железнодорожного строительства, введены в действие крупные сооружения водного транспорта. Производительность труда в промышленности выросла на 90 %, что явилось результатом повышения технического уровня, крупных успехов в освоении новой техники (источник: <http://cognitario.livejournal.com/88262.html>).

- *Продолжительность жизни значительно увеличилась.* Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения России в 1896–1897 гг. составляла у мужчин 29,43 года, у женщин – 31,69. По этому показателю Россия заметно отставала от многих европейских стран, особенно от Скандинавии (источник: Прохоров Б. Б. Здоровье россиян за 100 лет. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HEALTH/HEALTH.HTM>). В 1940 г. ожидаемая продолжительность жизни в СССР составляла у мужчин 38,6 года, у женщин – 43,9. В РСФСР ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 37,5 лет, женщин – 41,9 года. К 1950 г. ожидаемая продолжительность жизни в РСФСР заметно увеличилась и составила 54 года у мужчин и 62 года у женщин.

Результаты развития постсоветской России выглядят существенно иначе:

- *ВВП после распада СССР резко уменьшился.* В период 1991–1998 гг. ВВП упал на 42,5 %, в 1999–2007 гг. наблюдался его рост [28, с. 283–297]. Результат первого года экономических реформ (1992 г.): Россия не вошла в число 30 крупнейших по величине ВВП стран (источник: IMF, WEO). Реальный рост ВВП в России начался только в начале XXI в.; он обусловлен, в основном, ростом цен на экспортируемые энергоносители и металлы. Только к 2005 г. Россия обогнала по величине ВВП Нидерланды и вплотную приблизилась к Бразилии, Мексике и Республике Корея [32].

- *Основные экономические показатели развития страны.* Как отмечает Д. Б. Эпштейн: в период 1991–2008 гг. продукция промышленности сократилась на 54,2 %, при этом комплексная отрасль, являющаяся основой эффективного и инновационного

развития, – машиностроение и металлообработка, упала в три раза; легкая промышленность практически перестала существовать, сократившись в девять раз; продукция сельского хозяйства упала в 2,5 раза. К 2007 г. ни промышленность, ни сельское хозяйство не достигли уровня 1990 г. [28, с. 283–297].

• *Продолжительность жизни после распада СССР резко сократилась.* Общая продолжительность жизни в России составляла (лет): в 1991 г. – 69,01, в 1994 г. – 63,98, и только к 2009 г. был достигнут уровень 1991 г. (источник: Демоскоп Weekly – Приложение. Справочник статистических показателей, http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_e0.php).

Безусловно, нельзя забывать, что за достижения СССР было заплачено дорогой ценой: сталинские репрессии, голод в деревне в 1930-е гг., политико-идеологический диктат и многое другое. Точно так же нельзя забывать и том, что в 1990-е гг. население России сократилось, как минимум, на миллион человек из-за резкого падения качества жизни и других последствий трансформаций. Тем важнее сегодня уйти от «негативной конвергенции» – соединения худших черт советской и постсоветской систем образования и извлечь уроки из отечественной истории взаимодействия образования и экономики.

Для этого обратимся к анализу *причин столь различных результатов.* На наш взгляд, они кроются в господствовавших в эти периоды системах социально-экономических отношений. Становление плановых начал и отношений общественного присвоения в первые 25 лет СССР позволило создать ту систему образования, основные достижения которой мы отметили. С другой стороны, бюрократические мутации⁶ породили противоречия и пороки советской системы образования, о которых мы уже писали: бюрократизацию, партийно-государственный контроль и т. п.

«Шоковая терапия» при переходе к постсоветской модели не только не смогла снять пороки советской системы, но и добавила новые. Причины этого – попытки насаждения отношений рынка и капитала методами, соответствующими логике тотальной либерализации и приватизации, общая экономическая модель и экономическая политика рыночного фундаментализма⁷. Отсутствие хотя бы селективного планирования в экономике привело к отсутствию планирования в системе образования. Не было ни четких целей, ни задач реформирования (а сегодня – и восстановления) системы образования.

Предварительный вывод можно сформулировать так: советская модель экономики с ее становящимся планированием и общественным присвоением продуцировала систему активно развивающегося общедоступного образования, ориентированного на формирование не только специалистов для производственной сферы, но и людей с достаточно высоким личностным и социальным потенциалом. Первостепенное внимание уделялось содержательным сторонам образования, что стало важной предпосыл-

⁶ Характеристики мутантного социализма как типа общественной системы, выходящей за рамки капитализма, но не образующей устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму, описаны в книге А. В. Бузгалина [8, с. 89].

⁷ *Гринберг, Р. С.* Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Московского экономического форума / под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014. С. 15–17.

кой научно-технического и социально-экономического прогресса. Обратная сторона этой взаимосвязи – бюрократизация экономики и образования – стала одной из причин вырождения данной модели.

Экономика и образование постсоветской системы оказались подчинены логике рыночного фундаментализма, наследующего пережитки советского бюрократизма. Это привело к торжеству формальных, коммерчески-бюрократических сторон образования, которое не стало стимулом активного научно-технического и социального прогресса, породив, главным образом, массовый слой «офисного планктона» и отток талантливых граждан за рубеж в силу невостребованности их творческого потенциала производственной и социальной сферами постсоветской России.

Этот вывод останется, однако, не более чем обобщением некоторых эмпирических наблюдений, если он не будет подкреплен теоретико-экономическим исследованием места образования в современной экономике и его влияния на социально-экономическое развитие.

Образование: место в современном общественном производстве и экономике (к теории вопроса)

Как мы уже отмечали, образование в экономике 2010-х гг. после кратковременного разочарования в миражах постиндустриального общества и волны нигилизма по отношению ко всем его атрибутам (включая приоритет знаний) вновь становится центром пристального внимания как потенциальный драйвер социально-экономического развития.

Рассмотрим только два существенно различающихся подхода, ставших весьма значимыми в рамках российских дискуссий и имеющих международные аналогии. Мы имеем в виду дискуссию о роли и месте материального производства, в частности индустрии, в экономике начала XXI в. [5, 7, 9, 11, 12, 18, 24, 26, 30]. Эти дискуссии прямо связаны с вопросом о месте и роли образования.

Первая позиция, широко распространенная в современной российской науке, однозначно связывает будущее экономики (в том числе российской) с развитием новой индустриализации на основе вертикально интегрированных производственных комплексов [13, 14]. В рамках этой модели проблемы образования если и упоминаются, то только как элемент формирования названных комплексов, как сфера формирования кадров для новой индустрии.

Вторая теоретическая модель, опирающаяся на анализ значительного эмпирического материала (международных практик, опыта советских научно-производственных объединений, наукоградов, университетов, соединявших фундаментальное и прикладное образование по образцу всемирно известного МФТИ), предполагает гораздо более сложный вариант интеграции производства, науки и образования [2]. Автор этой теории, профессор С. Д. Бодрунов, исходит из того, что в основе новой роли образования в современной экономике лежит качественное изменение природы материального производства, формирование того, что он называет «новым индустриальным обществом второго поколения» (имея в виду диалектическое, идущее по спирали «отрицания отрицания», снятие и «нового индустриального общества» Дж. Гелбрейта, и достижений плюс провалов постиндустриального общества). В НИО.2 одной из определяющих черт материального производства становится его *знаниеемкость* [4].

Следуя логике С. Д. Бодрунова, мы можем сделать вывод, что образование становится едва ли не основной сферой материального производства как такового.

Более того, по Бодрунову, атрибутом НИО.2 является производство, в котором инновации и их ускоряющееся внедрение являются основой развития экономики; тогда – продолжим мы – не только высокий стартовый уровень образования, поставляющего для такого материального производства молодых специалистов, но и их постоянная переквалификация становятся необходимым условием развития экономики. Если же при этом не забывать о закономерном процессе роста потребностей по мере движения человечества из «царства необходимости» в «царство свободы», что справедливо подчеркивает этот автор, то окажется, что *не только профессиональное, но и общегуманитарное, возвышающее человека-потребителя до качества человека-творца образование для всех* (ибо НИО.2 – это модель не для элит, но для большинства) *и через всю жизнь* становится, по меньшей мере, одним из ключевых элементов прогресса экономики и общества.

Гораздо более «радикальна» позиция А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [7, 9] (их взгляды поддерживают О. Н. Смолин и ряд других ученых [23]). Эти авторы на протяжении почти 20 лет последовательно проводят мысль о том, что в экономике конца XX – начала нынешнего века происходят радикальные изменения в структуре общественного производства, и образование становится основным (первым в их классификации) подразделением общественного воспроизводства, создавая главный источник развития современной экономики – человеческий потенциал, творческие качества.

Рассмотрим этот подход подробнее и приведем предлагаемую его авторами структуру общественного воспроизводства (табл. 2).

На наш взгляд, подходы С. Д. Бодрунова, с одной стороны, и А. В. Бузгалина и А. И. Колганова – с другой, могут быть синтезированы, ибо обе стороны утверждают, что образование как «соавтор» знаниеинтенсивного производства, или как первое подразделение общественного производства, или (что, на наш взгляд, наиболее точно) как

Таблица 2

Структура общественного воспроизводства рыночной экономики в условиях генезиса массовой творческой деятельности [9, с. 90]

Реальный (полезный) сектор				Превратный (бесполезный) сектор
Креатосфера		Материальное производство		
Формирование человеческих качеств (образование, искусство, здравоохранение, спорт и т. п. – I подразделение общественного воспроизводства)	Использование человеческих качеств для создания феноменов культуры (НИОКР и другие сферы, создающие новые технологии, произведения искусства и т. п. – II подразделение общественного воспроизводства)	Производство средств производства (III подразделение общественного воспроизводства)	Производство предметов потребления и полезных услуг (IV подразделение общественного воспроизводства)	

и то, и другое, становится важнейшим фактором экономического развития. Таков теоретический вывод, который мы считаем достаточно обоснованным.

* * *

Вернемся от общих проблем взаимосвязи экономики и образования к сравнительному анализу двух моделей взаимодействия этих сфер в советской и постсоветской системах и сравним теоретические результаты исследований наших коллег и наши выводы с этим анализом. Результат такого синтеза достаточно очевиден: *современное социально-экономическое развитие, базирующееся на общественном производстве, основанном на использовании прежде всего творческого потенциала человека, и знаниеинтенсивное материальное производство, в частности, требуют реализации модели «образование для всех и через всю жизнь»*, некоторые черты которого были впервые апробированы в массовом масштабе в СССР. При «очищении» этого опыта от мутаций бюрократизма и «перезагрузке» в соответствии с условиями современной экономики данный опыт можно использовать для формирования новой модели образования, которое станет драйвером социально-экономического развития, ориентированного прежде всего на прогресс личностных качеств человека и гармоничное устойчивое развитие общества.

Что из себя представляет эта модель? Ответ на этот вопрос отчасти дан моими коллегами и автором данной статьи [29, 31]. Но большая теоретическая работа еще впереди, и эта работа уже ведется в рамках общественных сетей (Конгресса работников образования и науки и Образование для всех [33, 34].

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 1 (43). – С. 7–22.
2. Бодрунов, С. Д. Интеграция производства, науки и образования: прошлое, настоящее и будущее / С. Д. Бодрунов // Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 18–19.
3. Бодрунов, С. Д. Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2 (44). – С. 6–17.
4. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2(48). – С. 5–15.
5. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – №2(40). – С. 5–16.
6. Бузгалин, А. В. Развитие креатосферы vs. модернизация: образование как ключевая сфера стратегии опережающего развития / А. В. Бузгалин // По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал фундаментального образования, науки и культуры: материалы конференции. – М.: Культурная революция, 2010.
7. Бузгалин, А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социс. – 2014. – №3. – С. 120–130.
8. Бузгалин, А. В. 10 мифов об СССР / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: Яуза; Эксмо, 2012. – 512 с.

9. Бузгалин, А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социс. – 2014. – №1. – С. 80–94.
10. Быкова, Е. Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты / Е. Ю. Быкова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №1(13). – С. 179–189.
11. Воейков, М. И. Стратегия модернизации российской экономической системы / М. И. Воейков // Экономическое возрождение России. – 2014. – №3(40). – С. 16–24.
12. Гринберг Р. С. Обновление экономической системы: большие проекты как ключ к выходу из стагфляционной ловушки (полемиические заметки в связи с публикацией трех статей по проблемам реиндустриализации) / Р. С. Гринберг // Экономическое возрождение России. – 2014. – №3(40). – С. 11–16.
13. Губанов, С. С. Державный порыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012.
14. Губанов, С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3–27.
15. Днепров, Э. Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки / Э. Д. Днепров. – М.: Мариос, 2011. – 456 с.
16. Жуков, В. История России: учеб. пособие/ В. Жуков, Г. Еськов, В. Павлов. — М.: МГСУ «Союз», 1998.
17. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia – Наука, 1998. – 640 с.
18. Кульков, В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация? / В. М. Кульков // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3. – С. 52–55.
19. Мазурова, Л. Потребитель нынче в дефиците / Л. Мазурова // Литературная газета. – 2007. – 8 авг. – № 32 (6132).
20. Негосударственная высшая школа России: становление, состояние, перспективы развития / В. А. Зернов [и др.]; под общ. ред. В. А. Зернова. – М.: Университетская книга, 2009. – 338 с.
21. О результатах проверки эффективности государственных расходов при реализации мероприятий по развитию российского образования за 2000–2002 годы // Официальные документы в образовании. – 2004. – № 13.
22. Российский статистический ежегодник 2014 года.
23. Смолин, О. Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство / О. Н. Смолин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. – 1120 с.
24. Сорокин, Д. Е. Преобразование экономической системы России / Д. Е. Сорокин // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3. – С. 42–45.
25. Ханин, Г. И. Высшее образование и российское общество / Г. И. Ханин // ЭКО. – 2008. – №7. – С. 75–92; №8. – С. 121–133. Режим доступа: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2008_09/Hanin/
26. Хубиев, К. А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности / К. А. Хубиев // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3. – С. 45–48.
27. Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л. И. Абалкин. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 496 с.
28. Эпштейн, Д. Б. Социализм XXI века: Вопросы теории и оценки опыта СССР / Д. Б. Эпштейн. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 528 с.
29. Яковлева, Н. Г. Политэкономика образования: к постановке проблемы / Н. Г. Яковлева // Экономика образования. – 2015. – №3. – С. 12–17.

30. Яковлева, Н. Г. Промышленная политика современной России: системная интеграция высокотехнологичного материального производства и образования / Н. Г. Яковлева // Проблемы современной экономики. – 2014. – №3. – С. 45–48.

31. Яковлева, Н. Г. Управление образовательным (научным) коллективом: необходимость де бюрократизации (политэкономический аспект) / Н. Г. Яковлева // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – №4. – С. 77–87.

32. Population Reference Bureau, 2006 World Population Data Sheet; WDI, July. 2006.

33. <http://congress-cron.com> – официальный сайт Конгресса работников образования, науки, культуры и инженерных специальностей (КРОН).

34. <http://www.smolin.ru/odv/declaration.htm> – официальный сайт Общероссийского движения «Образование для всех» (ОДВ).

М. А. Рыбачук¹

СИСТЕМНО-СБАЛАНСИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Стратегическое управление, или стратегический менеджмент представляет собой концепцию управления предприятием, которая стремительно набирает популярность в России. Отчасти это происходит благодаря информатизации общества, ускорению научно-технического прогресса и динамичности внешней среды, отчасти в силу других факторов общего характера (политических, экономических, демографических, культурных и пр.), воздействующих на деятельность предприятий. Расширяется спектр целей и задач руководителей в рыночном пространстве свободной конкуренции; растут требования к качеству и эффективности управления предприятиями, поэтому проблема выбора подхода к управлению и построения системы управления, отвечающих вызовам современности, является достаточно актуальной для российских топ-менеджеров.

Экономическая наука (теория) достигла значительных успехов в изучении стратегического управления и подходов к нему [1], в то время как экономическая политика и хозяйственная практика отстают в данном вопросе. В качестве примера для сферы экономической политики отметим несостоятельность и нереалистичность Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. [2], подчеркнутую в критике как ее первоначальной версии [3], так и ее редакции [4]. Или проблемы разработки и реализации стратегических планов и целевых программ регионов, отмеченные в работах [5, 6]. Что касается сферы хозяйственной практики, то существует множество свидетельств консультантов о том, что процесс разработки стратегии и его результаты носят формальный характер. В частности, автор работы [7] отмечает, что в своей профессиональной практике сталкивался с ситуациями, когда в компании уже разработаны две стратегии, а руководство продолжает утверждать, что стратегии нет и ее необходимо разработать, или когда подготовку стратегии поручают молодому специалисту, только пришедшему в компанию.

За рубежом сложилась более богатая традиция применения стратегического управления, вероятно, благодаря более тесной связи между наукой и бизнесом. В первой половине 1960-х гг. появились основополагающие работы для современного стратегического менеджмента [8, 9 и др.], соответственно проблема связи стратегии и текущей деятельности предприятия возникла значительно раньше, как и задача об измерении и оценке процесса реализации стратегии. Вследствие этого уже в начале 1990-х гг. про-

¹ *Максим Александрович Рыбачук*, научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, старший преподаватель Государственного университета «Дубна».

фессорами Гарвардской школы бизнеса Р. Нортоном и Д. Капланом была разработана концепция сбалансированной системы показателей [10], позволяющая оценить цели и стратегию предприятия через систему взаимосвязанных критериев. Акцент в ней по-прежнему делался на оценке финансовых результатов, но с учетом нефинансовых показателей, позволяющих оценить перспективы состояния предприятия.

Для российских предприятий применение стратегического управления и сбалансированной системы показателей – явление достаточно новое, хотя существуют отдельные примеры удачного их внедрения и использования.

На наш взгляд, организация стратегического управления возможна через построение на предприятии системно-сбалансированного управления, опирающегося на положения новой теории экономических систем и отдельные положения теории системной сбалансированности экономики. Данное исследование, выполненное за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02294), посвящено разработке и конкретизации именно этого подхода.

1. Эволюция: от планирования к стратегическому управлению

Рассмотрение изменений в корпоративном планировании в историческом контексте позволит нам разобраться в становлении стратегического управления и определить круг вопросов, проблем и задач, на решение которых оно направлено. Так, в курсе лекций [11] выделяются следующие основные этапы эволюции систем планирования: бюджетирование, долгосрочное планирование, стратегическое планирование и стратегический менеджмент. Более современный взгляд на этапы приведен в учебном пособии [12]: бюджетное планирование (исполнение бюджетов), среднесрочное планирование (прогнозирование параметров), рыночно-ориентированное планирование (стратегический менеджмент) и проектирование будущего (стратегическое мышление). Также необходимо отметить работу [13], где приведена концепция эволюции теории стратегического управления, включающая четыре этапа: доаналитический, становление стратегического управления как новой научной дисциплины, его дальнейшее развитие на собственной основе и формирование динамической теории стратегического управления.

Поясним возникшие расхождения между первым и вторым вариантами цепочек последовательностей. Во втором варианте под среднесрочным понимается долгосрочное планирование, среднесрочным оно названо с позиции сегодняшнего дня. Рыночно-ориентированное планирование включает два этапа из первого варианта – стратегическое планирование и стратегический менеджмент. И хотя временные рамки для последних этапов первого и второго вариантов последовательностей совпадают, проектирование будущего можно считать отличающимся этапом, поскольку автор вкладывает в него иной смысл.

Опираясь на приведенные выше источники, рассмотрим содержание каждого этапа эволюции систем планирования, которые развивались главным образом за рубежом.

Первый этап – бюджетное планирование – охватывает период приблизительно с начала 1900-х до 1950-х гг. Управление предприятием ориентировано на составление, контроль и исполнение утвержденной схемы доходов и расходов (бюджета) на период времени не более года. Отметим, что при использовании бюджетного планирования и внутренние, и внешние условия для предприятия принимаются как неизменные, поэтому данный инструмент может быть полезен только при краткосрочном планировании и имеет внутреннюю направленность.

Второй этап – среднесрочное (долгосрочное) планирование – относится к 1950–1960 гг. Первоначально основной идеей планирования была экстраполяция данных на будущие периоды. Управление строится на основе методов долгосрочного прогнозирования (анализ временных рядов, выделение тенденций и трендов, построение прогнозов и прогнозных моделей). Внешняя среда представляется динамической, и разрабатываемые модели главным образом направлены на прогнозирование ее изменений.

Третий этап – рыночно-ориентированное планирование – получил развитие в период 1960–1980-х гг. Происходит переход от предположения о независимости внешней среды от действий предприятия к предположению, согласно которому предприятие может влиять на рынок и формирование спроса. Анализируются как внутренние, так и внешние возможности предприятия, а не только внешние конкурентные силы. Планирование строится на основе гибких, адаптивных методов, позволяющих учесть изменения рынка и конкуренции. Использование метода экстраполяции вместе с допущением о том, что будущее должно быть лучше прошлого, ставится под сомнение.

Четвертый этап, на наш взгляд, условно можно разделить на две части: стратегический менеджмент и его преобразование в стратегическое мышление. Первая часть датируется примерно с 1980-х по 2000-е гг., вторая – с 2000-х гг. по настоящее время. Поиск управленческих подходов, позволяющих соединить стратегическое планирование и операционную деятельность, выводит управленческие проблемы на передний план. Руководители стали задаваться вопросом о достижении плановых показателей и целей предприятий. Понимание того, что успешная разработка стратегии не гарантирует ее успешного выполнения, повлияло на возникновение стратегического менеджмента. Основой стратегического управления является реализация стратегии, дополненная оценкой и контролем. Стратегические планы, отражающие долгосрочные цели предприятия, связываются с текущими решениями, позволяющими быстро реагировать на изменение внешней среды. Деятельность предприятия имеет внешнюю ориентацию, а процесс управления носит упреждающий и адаптивный характер – при необходимости стратегические цели и направление развития предприятия могут корректироваться для создания или сохранения конкурентных преимуществ.

Стратегическое мышление представляет собой надстройку над стратегическим управлением, это – преобразование корпоративной культуры и корпоративного мышления, переход к управлению изменениями, где основным производительным фактором становятся человеческие ресурсы и талант. Такой подход развивается в концепции «обучающейся организации», предложенной в работах [14–16], основанной на признании ценности знаний, роли организационного обучения, доверии персоналу и информационной открытости. Отдельно отметим концепцию живой компании [17], которая как живой организм существует ради собственного выживания и совершенствования, реализации собственного потенциала, а сотрудники вовлекаются в процесс непрерывного развития компании. При таком подходе получение прибыли является не целью, а средством для выживания и достижения процветания.

2. Реализация стратегии: немного статистики

Как показывает практика, создание стратегии или стратегического плана на предприятии не предопределяет их успешную реализацию и не означает перехода к стратегическому управлению. Для подтверждения этого тезиса приведем результаты статистических исследований разных лет, проводившихся по большей части за рубежом, но являющихся достаточно показательными.

Одно из первых исследований в этой области было выполнено Нортон и Капланом в 1996 г. Согласно его результатам, большая часть опрошенных компаний не использовала формальные системы управления реализацией стратегии. Только у 40 % компаний бюджеты были связаны со стратегией и всего лишь 30 % компаний ставили материальное поощрение менеджеров в зависимости от достижения стратегических целей. При этом большинство компаний отметили, что менее 10 % их сотрудников понимают стратегию, а высшее руководство в 85 % случаев уделяло менее одного часа в месяц на ее обсуждение.

Перечисленные данные, дополненные результатами повторного обследования в 2006 г., изложены в [18]. В данном случае в опросе приняли участие 143 пользователя онлайн-сообщества www.bscol.com, посвященного сбалансированной системе показателей, поэтому полученные результаты могут отличаться от средних значений других предприятий частного и государственного секторов. Так, 46 % респондентов сообщили, что в их компаниях не применяются формальные системы контроля исполнения стратегии, при этом 27 % из них показали результаты выше среднего или выдающиеся по отношению к подобным компаниям, а 57 % декларировали такой же уровень реализации стратегии или ниже. Оставшиеся 16 % сообщили об отсутствии исполнения стратегии на постоянной основе. Другие 54 % респондентов указали, что в их компаниях действуют системы управления стратегией. При этом 70 % добились результатов выше среднего или выдающихся среди подобных компаний, 27 % продемонстрировали такой же уровень или ниже и только 3 % не занимались выполнением стратегии на постоянной основе. Отсюда следует, что наличие формальной системы управления в два-три раза увеличивает вероятность успеха реализации стратегии.

Компания Bridges Business Consultancy Int. Pte. Ltd в 2012 г. провела исследование о реализации стратегии в форме онлайн-опроса, в котором приняли участие представители около 150 компаний 16 различных сфер деятельности из 19 стран (62 % – транснациональные корпорации, 21 % – компании государственного сектора и 17 % – местные компании). Согласно полученным результатам, 80 % компаний хороши в разработке стратегии, 44 % успешны в реализации стратегии, но только 2 % достигли стратегических целей более чем на 80 %. При этом 70 % руководителей уделяют обсуждению стратегии меньше одного дня в месяц, и только у 64 % компаний стратегия связана с исполнением бюджета. Примечательно, что, по оценке руководителей, не более 5 % сотрудников имеют общее представление о стратегии компании, а наибольшее сопротивление ее исполнению, по мнению 56 % респондентов, оказывает менеджмент среднего звена.

В ходе проведения обследования промышленных предприятий Российским экономическим барометром (в 2013 г.) на вопрос о наличии комплексной стратегии как особого документа 34 % респондентов ответили, что такой документ на предприятии есть, 17 % – что ведется его разработка, 41 % – что такого документа нет, а 8 % не дали точного ответа.

Самое недавнее из обнаруженных нами исследований проводилось в 2014 г. консалтинговой фирмой Strategy&, входящей в международную сеть компаний Pricewaterhouse Coopers. В нем приняли участие руководители 501 компании из различных стран и сфер деятельности, с разной численностью сотрудников и выручкой. По результатам исследования, 55 % респондентов считают, что их компании не ориентированы на выполнение стратегии. 42 % руководителей объяснили это тем, что показатели деятельности подразделений не привязаны к выполнению стратегии, некоторые

сотрудники не понимают, а порой и противостоят ее исполнению. Столько же участников отметили, что стратегия требует от них работы по слишком большому количеству взаимопротиворечащих приоритетов. При этом 46 % высказали обеспокоенность тем, что цели стратегии недостаточно высоки, а 39 % – несбалансированностью стратегии, которая не учитывает потенциал компании полностью.

Этот небольшой обзор показывает, что наличие стратегии и последовательная работа по ее выполнению стали необходимым условием успешного функционирования предприятия на рынке. Но у многих предприятий возникают сложности с исполнением стратегии и достижением поставленных в ней целей. Проблемы реализации стратегии и рычаги, влияющие на ее успешное исполнение, подробно рассмотрены в работе [19]. Нельзя не упомянуть о сложности освещения данной тематики, обусловленной разрозненностью исследований и отсутствием панельных опросов.

3. Проблемы организации стратегического управления

В работе [20] выделены четыре основных типа управления, которые представляют собой также стадии его развития: хаотическое, ручное, стратегическое и институциональное. Они различаются субъектом и предметной сферой управления. Российская культура управления постепенно изменяется и в настоящий момент находится на переходном этапе – от ручного управления, когда все решения принимаются одним лицом и критерии оценки меняются в зависимости от выполняемой задачи, к стратегическому управлению, согласно которому решения принимаются на основе выделенных долгосрочных целей и разработанных сценариев развития.

При ручном режиме (системе) управления принятие решений централизовано, жестко привязано к иерархии и, как правило, замкнуто на руководителя самого высокого уровня, что с течением времени и в связи с бюрократизацией системы превращает его в «узкое» место в процессе принятия решений. И хотя во всем мире признаются преимущества децентрализации процесса принятия решений, российские руководители в большинстве своем неохотно идут на делегирование полномочий. Это можно объяснить боязнью утраты чувства собственной важности и значимости, с одной стороны, и отсутствием уверенности в том, что сотрудники выполнят порученную им работу качественно и в срок – с другой. Ручное управление может быть эффективным только на небольших предприятиях, когда руководитель является лидером и воодушевляет коллектив, глубоко вовлечен в оперативную деятельность предприятия и сам контролирует каждый процесс. Парадокс в том, что, как только такой подход начинает приносить плоды, его результативность постепенно снижается. С ростом предприятия расширяются области контроля и функции руководителя, что негативно влияет на скорость и качество принимаемых им управленческих решений, а постоянное участие в решении текущих задач не позволяет мыслить стратегически, заниматься планированием и развитием.

Стратегическое управление олицетворяет переход от аспектного менеджмента к системному и способствует адаптации предприятия к изменяющимся условиям окружающей среды. Принятие решений при таком режиме управления осуществляется на основе заранее разработанного и согласованного со всеми заинтересованными лицами документа – стратегии (стратегического плана), в которой прописаны долгосрочные цели предприятия и направления развития. Несмотря на значительные преимущества перед ручным управлением, организация стратегического управления на предприятии представляет собой трудоемкий процесс, связанный с рядом проблем.

На наш взгляд, ключевой проблемой является отсутствие в современной России теоретико-методологической базы и опыта проведения подобных преобразований на предприятиях. Сегодняшние российские промышленные предприятия в большинстве своем являются наследниками советских времен, где управленческие традиции передаются из поколения в поколение, а персонал (начиная с руководителя) противостоит кардинальным переменам, отстраняется от дополнительной ответственности и стремится к «локальной» оптимизации собственной деятельности, порой во вред долгосрочным планам и целям. Определенную роль в данном случае играет менталитет русского человека.

Внедрение стратегического управления на предприятии должно быть своевременным, поскольку положительные эффекты не всегда превышают сложности, сопутствующие этому процессу. Другими словами – не каждое предприятие способно нести такой «груз». Следование стратегии на небольшом предприятии может негативно сказаться на выполнении внутренних бизнес-процессов из-за введения избыточных ограничений и регламентов. Еще одной причиной отказа от разработки стратегии может быть дефицит финансовых ресурсов или нестабильное финансовое положение предприятия.

Важной проблемой в процессе подготовки (корректировки) стратегии является определение состава лиц, вовлеченных в стратегическое планирование. Здесь возможны две крайности: 1 – учет мнений узкой группы заинтересованных лиц; 2 – включение в процесс планирования всего коллектива предприятия. Более правильной, на наш взгляд, является промежуточная позиция – привлечение к разработке стратегии представителей всех категорий стейкхолдеров, связанных с деятельностью предприятия: собственников, руководства, работников, поставщиков, дилеров, потребителей и др.

На этапе реализации стратегии проявляются ошибки и недочеты, допущенные при ее подготовке, и возникают новые проблемы. Так, неправильно подобранные методы и подходы или необдуманное копирование иностранного опыта в процессе разработки стратегии могут привести к ее провалу. Нередко стратегию формулируют одни лица, например внешние консультанты, а реализацией занимаются другие – сотрудники предприятия, которые не разделяют (или не понимают) цели стратегического планирования. Недостаток интереса к стратегии со стороны персонала, как правило, возникает из-за отсутствия механизма мотивации посредством учета количественных показателей, отражающих вклад каждого работника в достижение поставленных целей. Довольно часто проявляется проблема распределения зон ответственности и полномочий, указанных в должностных инструкциях, когда функции сотрудников в одном организационном подразделении частично совпадают или, наоборот, образуются «белые пятна» – работа, за которую никто не несет ответственности, и она воспринимается персоналом как «лишняя».

С одной стороны, стратегия должна быть открыта, понятна и донесена до каждого работника предприятия, что не всегда происходит. С другой стороны, она должна пронизывать все процессы предприятия (не ограничивая их чрезмерной формализацией), сохранять его внутреннюю целостность и учитывать внешнее многообразие; быть достаточно гибкой для преобразования и перестройки в соответствии с требованиями окружающей среды.

Стратегическое управление должно соединять в себе базовые экономические ресурсы – пространство и время [21], поэтому стратегический подход в некотором смысле является системным. Конечный результат, заложенный в стратегический план, имеет

пространственно-временные координаты – заданные сроки (время) и плановые действия (направленные на изменение пространства) для достижения цели. В связи с этим при организации стратегического управления на предприятии необходимо использовать системный подход, а предметная сфера управления должна рассматриваться как социально-экономическая система с определенными пространственно-временными координатами. Отметим, что существуют и другие подходы, например [22, 23].

4. Новая теория экономических систем: основные положения

Системная экономическая теория [24] или новая теория экономических систем [25] стала результатом развития системной парадигмы в экономических исследованиях. Отличительной особенностью данной концепции является подход к определению системы как целостного образа реальности, обладающего двумя группами размерностных характеристик – пространственной и временной. Следовательно, каждая система может быть идентифицирована в пространственно-временной плоскости через критерий ограниченности по двум уникальным параметрам. При этом возможны всего четыре их комбинации, на основе которых формируется базовая типология экономических систем, включающая объектные, средовые, процессные и проектные системы, принципиально различные по своей природе и свойствам. Объектные системы ограничены в пространстве, но не имеют временных границ. Средовые системы не имеют границ ни в пространстве, ни во времени. Процессные системы не ограничены в пространстве, но локализованы во времени. И, наконец, проектные системы ограничены и в пространстве, и во времени.

Результаты деятельности каждого типа экономических систем проявляются через реализацию базовых общеэкономических функций, выполнение каждой дублируется между двумя типами систем для обеспечения надежности функционирования экономики [26]. Для объектных систем основной функцией является производство, для средовых – потребление, для процессных – распределение и для проектных – обмен. В свою очередь, производство является дополнительной функцией для проектных, потребление – для объектных, распределение – для средовых и обмен – для объектных систем.

Для полноценного существования каждому типу экономических систем требуется необходимое количество ресурсов пространства и времени, которые он может получить только через взаимодействие с системами других типов. Стремление к поддержанию баланса этих ресурсов и реализация базовых общеэкономических функций обуславливают эффект самоорганизации систем четырех базовых типов в кольцевидные структуры вида «объект – среда – процесс – проект – объект», называемые в работе [27] тетрадами. Приведем пример такого комплекса. Предприятие (объектная система) производит продукцию, которая потребляется рынком (средовая система) для дальнейшего распределения через дилерские сети. Далее с помощью логистических процессов (процессная система) продукция распространяется по торговым центрам, где происходит ее обмен на денежные средства, которые возвращаются предприятию и могут быть использованы для воспроизводства израсходованных ресурсов (проектная система), технологической модернизации или других проектов.

Примечательно, что реальная социально-экономическая система может содержать в себе черты всех четырех базовых типов, т. е. в определенной степени быть и объектной, и средовой, и процессной, и проектной системой. Проявление этого свойства было названо эффектом полиморфизма [28] и более детально исследовано в рабо-

те [29] на примере крупного предприятия – оператора сотовой связи. Отметим также, что обычно в экономической системе преобладает одна из указанных черт (подсистем), на основе которой происходят идентификация системы и ее отнесение к одному из базовых типов.

Таким образом, каждая социально-экономическая система может, с одной стороны, рассматриваться как тетрада, а с другой – как холон [30] – целое, имеющее собственную структуру, но при этом представляющее собой часть какой-то большей системы. Иначе говоря, исследуемая система может состоять из набора тетрад более низкого уровня и в то же самое время быть частью тетрады более высокого уровня.

5. Новая теория экономических систем и другие концепции

Представим некоторые модели, концепции и подходы, достаточно популярные в настоящий момент в научном и бизнес-сообществе, и разберем их с позиции новой теории экономических систем. Сначала рассмотрим уже упоминавшуюся концепцию сбалансированной системы показателей [10]. Цель ее создания – не только повышение эффективности реализации стратегии на предприятии, но и согласование краткосрочных и стратегических задач на долгосрочную перспективу. Традиционный подход, ориентированный на достижение исключительно финансовых результатов, дополняется в этой концепции учетом нефинансовых показателей, позволяющих оценивать результативность деятельности предприятия и прогресс в достижении целей через количественные показатели по четырем компонентам: финансы, внутренние бизнес-процессы, обучение и рост (инновации), клиенты (рынок). Соотнесем приведенные компоненты с базовыми типами экономических систем.

Предприятие представляет собой систему объектного типа, эффективность деятельности которой отражают финансы. Внутренние бизнес-процессы предприятия являются оценкой деятельности и качества организации систем процессного типа. Обучение и рост предприятия связаны с его инновационной деятельностью, развитием сотрудников и другими мероприятиями, осуществляемыми в форме проектов, которые характеризуют деятельность систем проектного типа на предприятии. Последняя компонента – клиенты – отражает взаимосвязь предприятия с внешней средой (рынком) и связана с деятельностью систем средового типа. Однако функционирование предприятия связано не только с внешней, но и с его собственной, внутренней средой, которая никак не учитывается в данном подходе. С одной стороны, в окружающей среде присутствует множество факторов, влияющих на предприятие, поэтому нельзя сводить все взаимодействие с рынком только к взаимодействию с клиентами. С другой стороны, предприятие, как правило, не имеет возможности осуществлять прямое регулирование рынка (в отличие от внутренней среды).

Рассмотрим концепцию атомных компаний, описанную в книге «Алхимия корпорации. Как реформировать структуру бизнеса в соответствии с реалиями завтрашнего дня» [31], и наличие у нее связей с новой теорией экономических систем. Согласно этой концепции, в ближайшем будущем на смену корпорациям придут другие организационные формы – цепочки из компаний-атомов шести следующих типов: «умные» компании, сетевые посредники, компании по работе с клиентами, производственные платформы, сервисные платформы и владельцы инвестиционных портфелей, связанные между собой коммуникацией через электронные рынки. «Умные» компании чрезвычайно гибки, имеют небольшой размер и занимаются созданием различных интеллектуальных активов. Направленность на инновации и развитие обус-

ловливает проектный характер их деятельности, поэтому их можно отнести к системам проектного типа.

Сетевые посредники – компании с безупречной репутацией, которые помогают не только подыскать клиентов для продавцов и продавцов для клиентов, но и обеспечивают надежность и прозрачность сделок между ними. Такие компании создают комфортную и доверительную среду для участников сделок и представляют собой системы средового типа. *Компании по работе с клиентами* изучают индивидуальные предпочтения покупателей, выстраивают долгосрочные отношения с ними, стараясь предвосхитить их потребности и нужды. Основной актив таких компаний – клиенто-ориентированная среда, в которой выстраиваются коммуникации и большое внимание уделяется обратной связи. Следовательно, эти компании можно также отнести к средовому типу.

Производственные платформы – самые крупные из компаний-атомов, они являются непосредственными производителями продукции и концентрируются на совершенствовании производства продукции определенного вида. При этом они работают не только для собственных нужд, но и принимают заказы от других компаний. Поскольку производство – основная функция этих компаний, их можно классифицировать как системы объектного типа.

Следующий тип «атомов» – *сервисные платформы*, которые профессионально занимаются выполнением рутинных процессов для других компаний. Аутсорсинг неосновных процессов становится все более популярным, и такие компании, относящиеся к системам процессного типа, становятся все более востребованными.

Последний тип «атомов» – *владелец инвестиционных портфелей*; они предоставляют услуги по управлению активами, контролируют риски и рентабельность для акционеров. Основная задача этих компаний – составление сбалансированных портфелей инвестиций, трансформация и улучшение активов, попадающих к ним в управление, и последующая их перепродажа. Данные «атомы» ближе всего к системам проектного типа, поскольку каждый инвестиционный портфель, созданный компанией, можно рассматривать как отдельный инвестиционный проект.

В какой-то степени использование новой теории экономических систем возможно и в проектном управлении [32]. Для контроля реализации работ используется процессный подход – каждая работа рассматривается как процессная система, у которой отсутствуют пространственные ограничения и известно время завершения. Любой ресурс и его промежуточные состояния, предшествующие его готовности к использованию в проекте, относятся к одному из трех оставшихся типов экономических систем. Например, документы, оборудование, техника, трудовые ресурсы и др. – это системы объектного типа. Обеспечение инфраструктуры – помещение, телефония, интернет и пр. – системы средового типа. Проект договора, план расстановки мебели, инженерный проект и др. – системы проектного типа, которые впоследствии преобразуются в объектные системы. Для успешного управления проектом необходимо учитывать пространственно-временную природу экономических систем, поддерживать их достаточное количество и контролировать качество выполнения в процессе реализации работ по проекту.

Отметим также возможность приложения системной экономической теории к агент-ориентированному моделированию. При симуляции того или иного явления агенты, действия которых подвергаются моделированию, могут быть классифицированы как экономические системы четырех базовых типов. Например, при моделировании

производства какого-либо продукта с легкостью можно выделить четыре типа агентов: производитель – система объектного типа; владелец инфраструктуры – система среднего типа; транспортер (логист) – система процессного типа и новатор (трансформатор) – система проектного типа. При этом характеристики каждого типа экономических систем будут передаваться соответствующему типу агентов.

6. Системно-сбалансированный подход к управлению предприятием

С точки зрения новой теории экономических систем любое предприятие можно представить через взаимодействие организационно-экономических систем, образующих системную структуру данного предприятия. Основным элементом системной структуры предприятия является организационная единица минимального уровня, которая рассматривается как тетрада и состоит из подсистем (частей, системных составляющих) четырех базовых типов. Тетрады, повторяя организационную структуру, объединяются (от нижних уровней иерархии к верхним), тем самым учитывается системное наполнение объекта управления – экономической системы. В зависимости от позиции субъекта управления определяется конечная точка композиции тетрад: отдельное предприятие, группа компаний (холдинг), финансово-промышленная группа.

Для продуктивной работы всех типов экономических систем на предприятии должно поддерживаться состояние сбалансированности системной структуры или системного паритета, при котором в его составе с необходимой интенсивностью функционирует достаточное число экономических систем четырех базовых типов. Различного рода дисбалансы или нарушения системного паритета, возникающие как при недостатке систем и «недовыполнении» ими своих функций, так и при избытке систем и «перевыполнении» ими своих функций, негативно сказываются на деятельности предприятия.

При этом идеальной конфигурацией системной структуры считается ситуация равной выраженности всех системных составляющих. В концептуальном плане ее образ, как и образ тетрады, органично передается квадратом, разделенным на четыре равные квадратные части [33]. Для реальных социально-экономических систем требование равенства системных составляющих не является строгим, поскольку специфика и род деятельности каждой системы влияют на ее системную структуру. Так, например, усиление той или иной системной составляющей может зависеть от типа продукции, производимой экономической системой. Однако в стратегическом плане ни одна из системных составляющих не должна доминировать, а экономическая система должна стремиться к состоянию системной сбалансированности, необходимому для успешной работы, гармоничного и устойчивого развития предприятия.

На основе представленных положений формируется концепция системно-сбалансированного управления – стратегического управления на основе принципов системной сбалансированности. При использовании системно-сбалансированного подхода управление экономической системой, независимо от уровня экономики, к которому она относится, сводится к процессу поддержания сбалансированности системной структуры или системного паритета [34] внутри тетрады верхнего уровня, максимального для данного уровня управления.

Системно-сбалансированный подход является своеобразной системной надстройкой, дополнением к стратегическому управлению, отвечающим за контроль системных составляющих на предприятии. Долгосрочные цели, заложенные в стратегический план, должны быть установлены с учетом влияния на сбалансированность системной структуры

и дополнены количественными индикаторами по достижению (поддержанию) системных пропорций. Руководство предприятия должно на постоянной основе проводить мониторинг и регулировку пропорций системных составляющих, а при реализации стратегических решений учитывать возможные изменения системной сбалансированности внутрифирменных подсистем. В стратегический план должен быть включен специальный раздел «Достижение (поддержание) системной сбалансированности предприятия». В нем следует отразить мероприятия по переходу к сбалансированной системной структуре в случае возникновения диспропорций. Соответственно, экономическая политика вне зависимости от того, в каком виде она существует на предприятии – как документ или как набор принципов, которых придерживается руководство предприятия, – также должна быть скорректирована.

В основе указанных мероприятий лежит методика количественной оценки пропорций системной структуры предприятия, предложенная в работах [35, 36]. Данная методика опирается на предположение, что пропорции внутрифирменных подсистем можно оценить через подсчет количества сотрудников, выступающих представителями систем того или иного типа. Для этого необходимо провести классификацию сотрудников согласно их должностям, например, с помощью экспертной оценки руководителя или документа «Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих» (утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 №37, ред. от 12.02.2014). При классификации в соответствии с упомянутым документом к представителям объектных систем относятся сотрудники, занимающие должности руководителей; средовых систем – занимающие должности других служащих; процессных систем – занимающие должности специалистов; проектных систем – сотрудники, должности которых связаны с развитием и инновационной деятельностью. По результатам классификации необходимо суммировать штатные единицы, предварительно скорректировав значение каждой из них на коэффициент значимости заработной платы, рассчитанный как отношение заработной платы должности к минимальной зарплате (окладу) на предприятии. Информацию, необходимую для расчетов, можно взять из штатного расписания предприятия.

После оценки пропорций необходимо оценить сбалансированность системной структуры с помощью индекса системной сбалансированности, который непосредственно может быть использован в процессе стратегического управления. Пример такой оценки и расчета индекса приведен ниже.

7. Анализ сбалансированности системной структуры предприятия машиностроительной отрасли

Проведем оценку пропорций и сбалансированности системной структуры реальной экономической системы – предприятия Московской области. Организационно-правовая форма предприятия – открытое акционерное общество (ОАО), отраслевая принадлежность – машиностроение. Источником исходных данных для расчетов выступают два внутренних документа – организационная структура и штатное расписание предприятия.

Первоначально организационную структуру предприятия необходимо разделить на крупные блоки согласно зонам ответственности руководителей и выполнить классификацию штатных единиц согласно должностям сотрудников по принадлежности к тому или иному типу экономических подсистем предприятия, скорректировав значение по каждой должности на коэффициент значимости заработной платы по данной долж-

ности. Затем нужно суммировать итоговые значения, отражающие пропорции внутрифирменных подсистем. Для исследуемого предприятия результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Результаты оценки пропорций внутрифирменных подсистем
для предприятия машиностроительной отрасли**

Руководитель	Системная составляющая, ед.			
	объектная	средовая	процессная	проектная
Генеральный директор	260,00	5,50	9,42	0,00
Директор по производству	54,42	190,57	631,00	41,40
Главный бухгалтер	5,50	29,46	0,38	0,00
Финансовый директор	12,00	0,00	67,42	2,75
Коммерческий директор	0,00	250,89	45,11	1,83
Главный инженер	37,92	266,96	188,42	137,57
Начальник управления по качеству	6,00	1,25	105,54	16,92
Директор по развитию	0,00	0,00	0,00	11,71
Директор по безопасности и режиму	0,00	120,5	5,17	0,00
Директор по персоналу и общим вопросам	0,00	0,00	15,29	35,83
Итого	375,84	865,13	1067,75	248,01

Оценки пропорций системной структуры предприятия оказались следующими: объектная системная составляющая – 375,84 ед.; средовая – 865,13 ед.; процессная – 1065,38 ед.; проектная – 248,01 ед. Таким образом, наибольший вес в данной тетраде имеет процессная системная составляющая, а наименьший – проектная.

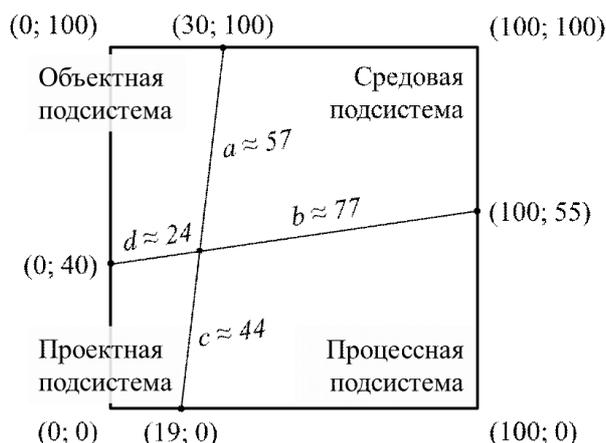
Однако для применения в стратегическом управлении этих данных недостаточно, поэтому требуется реализация следующего этапа: оценка интенсивности связей между подсистемами и расчет индекса системной сбалансированности предприятия. Для этого по парам определим соотношения между системными составляющими (табл. 2) и обозначим искомую интенсивность их взаимодействия через четыре независимых параметра a , b , c , d (a – для пары «объект – среда», b – «среда – процесс», c – «процесс – проект», d – «проект – объект»).

Таблица 2

Соотношения между системными составляющими предприятия по парам

Подсистема	Значение, ед.	Пары			
		a	b	c	d
		Объект – среда, %	Среда – процесс, %	Процесс – проект, %	Проект – объект, %
Объектная	375,84	30	х	х	60
Средовая	865,13	70	45	х	х
Процессная	1065,38	х	55	81	х
Проектная	248,01	х	х	19	40

Для поиска параметров a, b, c, d представим исследуемую тетраду как квадрат, размером 100×100 , расположенный в декартовой системе координат с вершинами $(0; 0), (0; 100), (100; 0)$ и $(100; 100)$. На стороны квадрата нанесем точки, отражающие полученные соотношения между внутрифирменными подсистемами. Соединим прямыми точки, лежащие на противоположных сторонах квадрата, и рассчитаем координаты точки их пересечения. Затем найдем длину искомым отрезков (см. рисунок).

Графическое изображение задачи поиска параметров a, b, c, d и ее решение

На основе полученных значений параметров $a \approx 57, b \approx 77, c \approx 44, d \approx 24$, определяющих интенсивность взаимодействия между частями тетрады, рассчитаем индекс системной сбалансированности по формуле

$$I = 1 / \left(\frac{a}{b} + \frac{b}{a} + \frac{a}{c} + \frac{c}{a} + \frac{a}{d} + \frac{d}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{b} + \frac{b}{d} + \frac{d}{b} + \frac{c}{d} + \frac{d}{c} - 11 \right),$$

предложенной в работе [37]. Значения индекса лежат в пределах $0 < I \leq 1$, при этом, чем ближе значение I к единице, тем более сбалансирована тетрада. Полная сбалансированность тетрады (идеальный случай) достигается при равенстве параметров $a = b = c = d$ и значении $I = 1$. Соответственно, чем ближе значение I к нулю, тем менее сбалансирована тетрада. Для исследуемого предприятия машиностроительной отрасли индекс системной сбалансированности равен $I = 0,24$, что характеризует системную структуру этой тетрады как сбалансированную в низкой степени. Основная причина столь низкого значения индекса – низкий вес проектной системной составляющей и, как следствие, низкая интенсивность ее взаимодействия с другими частями тетрады. Управление развития, которое должно быть ядром проектной подсистемы предприятия, до конца не укомплектовано, в него входят всего три штатные единицы. В настоящий момент руководство предприятия занимается подбором персонала. Наибольшей «мощностью» обладает процессная системная составляющая, что обусловлено спецификой деятельности предприятия, производящего товарную продукцию. Проектная системная составляющая должна уравновешивать процессную системную составляющую, противовесом

повторяемости производственных процессов должна выступать уникальность проектов. В связи с этим основная рекомендация, которую можно дать руководству – принятие решений и проведение в ближайшее время мероприятий, направленных на активизацию инновационного потенциала и проектов развития на предприятии.

Заключение

Стратегическое управление приходит на смену ручному режиму управления и все чаще применяется на российских предприятиях. И хотя внедрение стратегического управления представляет собой трудоемкий процесс, при правильной организации и соблюдении необходимых условий он позволяет добиться успешного функционирования предприятия в долгосрочной перспективе. Теоретико-методологическая база проведения подобных преобразований на предприятиях должна расширяться с использованием зарубежного опыта, адаптированного к российской действительности. Дополнительно отметим необходимость организации панельных исследований о применении стратегии на российских предприятиях для получения актуальной информации.

Одной из основных проблем организации стратегического управления на предприятии является переход от теории к практике, от разработанного документа (стратегии) к действиям – к реализации подготовленного стратегического плана. Решить данную проблему, повысить выполняемость и результативность стратегии, на наш взгляд, можно за счет использования достижений новой теории экономических систем.

Комбинирование и совместное использование стратегического управления и системно-сбалансированного подхода открывает руководству предприятия возможности для комплексного восприятия объекта стратегического планирования и его окружения. Стратегическое управление трансформируется на основе принципов системности и дополняется процессом поддержания сбалансированности системной структуры предприятия. Контроль за «системным» ресурсом и его гармонизация позволят руководству сохранить и укрепить «целостность» предприятия, повысить его устойчивость и эффективность, а предотвращение системных дисбалансов даст возможность избежать негативных явлений, возникающих при невыполнении или перевыполнении внутрифирменными подсистемами своих функций. Применение системного подхода создаст эффекты самоорганизации: стремление к балансу прав и ответственности в коллективе, к созданию эффективных и целостных комплексов на основе долговременных взаимоотношений с партнерами – представителями других базовых типов экономических систем и т. д.

Использование методов оценки пропорций и сбалансированности системной структуры, в свою очередь, дает возможность повысить качество принимаемых стратегических решений. Результаты, полученные с помощью этих методов, позволяют руководству предприятия выполнять мониторинг пропорций системных составляющих и регулировать их, в частности, через проектирование или перестроение организационной структуры, изменения в кадровой политике, количестве сотрудников и размере заработной платы для достижения устойчивого и гармоничного развития предприятия.

Список литературы

1. Клейнер, Г. Б. Стратегия предприятия / Г. Б. Клейнер. – М.: Дело, 2008. – 568 с.
2. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии

России на период до 2020 года: в 2 кн. / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 838 с.

3. Структурная модернизация финансовой системы России: аналит. докл. – Ин-т современного развития. – М., 2010. – 164 с.

4. Полтерович, В. М. Перспективна ли «новая модель роста»? / В. М. Полтерович // Прямые инвестиции. – 2012. – № 5 (121). – С. 18–19.

5. Магданов, П. В. Проблемы стратегического планирования социально-экономического развития региона / П. В. Магданов, В. Ю. Падей // *Ars Administrandi*. – 2011. – № 3. – С. 67–79.

6. Моргунова, Н. В. Проблемы формирования и реализации целевых программ регионального развития / Н. В. Моргунова, Р. Ю. Русанов // Российское предпринимательство. – 2011. – № 5. – Вып. 1 (183). – С. 166–172.

7. Шамгунов, Р. Н. Стратегия и стратегическое управление в российских компаниях / Р. Н. Шамгунов // Справочник экономиста. – 2010. – № 4. – С. 27–31.

8. Chandler, A. D. *Strategy and Structure: Chapters in the History of American Enterprise* / A. D. Chandler. – Boston, MA: MIT Press, 1962. – 463 p.

9. Ansoff, H. I. *Corporate strategy: an analytic approach to business policy for growth and expansion* / H. I. Ansoff. – New York: McGraw Hill, 1965. – 241 p.

10. Kaplan, R. S. *The Balanced Scorecard: Measures that Drive Performance* / R. S. Kaplan, D. P. Norton // *Harvard Business Review*. – 1992. – № 1 (Jan/Feb). – P. 71–79.

11. Маркова, В. Д. Стратегический менеджмент: курс лекций / В. Д. Маркова, С. А. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 288 с.

12. Константинов, Г. Н. Стратегический менеджмент. Концепции: учеб. пособие для слушателей программы МВА, обучающихся по специальностям «Общий и стратегический менеджмент» и «Финансы» / Г. Н. Константинов; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Высшая школа менеджмента. – М.: Бизнес Элайнмент, 2009. – 239 с.

13. Катькало, В. С. Эволюция теории стратегического управления / В. С. Катькало; СПбГУ.– СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2006. – 548 с.

14. Senge, P. *The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization* / P. Senge. – New York: Doubleday, 1990. – 371 p.

15. Pedler, M. *The Learning Company: A Strategy for Sustainable Development* / M. Pedler, J. Burgoyne, T. Boydell. – London: McGraw-Hill, 1991.

16. Easterby-Smith, M. *Organizational Learning and the Learning Organization: Developments in Theory and Practice* / M. Easterby-Smith, L. Araujo, J. Burgoyne (eds.). – London: Sage, 1999.

17. Geus, A. de. *The Living Company: Habits for Survival in a Turbulent Business Environment* / A. de Geus. – Boston: Harvard Business School Press, 1997. – 215 p.

18. Kaplan, R. S. *The execution premium: linking strategy to operations for competitive advantage* / R. S. Kaplan, D. P. Norton. – Boston: Harvard Business Press, 2008. – 336 p.

19. Нилсон, Г. Секреты успешной реализации стратегии / Г. Нилсон, К. Мартин, Э. Пауэрс // Стратегия / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 288 с.

20. Клейнер, Г. Б. Системные принципы современного управления / Г. Б. Клейнер // Управление. – 2013. – №2. – С. 5–14.

21. Рыбачук М. А. Системный подход к стратегическому управлению предприятием / М. А. Рыбачук // Молодая экономика: экономическая наука глазами молодых ученых: материалы науч.-практ. конф. / под ред. Р. Н. Павлова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – С. 108–110.

22. Бабич, О. В. Совершенствование процесса стратегического управления промышленным предприятием / О. В. Бабич // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 9–13.

23. Горохова, А. Е. Совершенствование процесса стратегического управления промышленным предприятием / А. Е. Горохова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6. – № 2–1(22). – С. 102–107.
24. Клейнер, Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории: Ч. I / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 107–123.
25. Клейнер, Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г. Б. Клейнер // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3. – С. 41–58.
26. Клейнер, Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г. Б. Клейнер // Вестник РАН. – 2011. – Т. 81. – № 9. – С. 794–811.
27. Клейнер, Г. Б. Развитие теории экономических систем и её применение в корпоративном и стратегическом управлении/препринт #WP/2010/269 / Г. Б. Клейнер. – М.: ЦЭМИ РАН, 2010.
28. Клейнер, Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории: Ч. II / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики – 2016. – № 1. – С. 117–138.
29. Кобылко, А. А. Оператор связи как социально-экономическая система / А. А. Кобылко // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 38 (437). – С. 37–48.
30. Wilber, K. A Brief History of Everything / K. Wilber. – Boston: Shambhala, 1996. – 342 p.
31. Камрасс, Р. Алхимия корпорации. Как реформировать структуру бизнеса в соответствии с реалиями завтрашнего дня / Р. Камрасс, М. Фарнкомб. – М.: ИД «Секрет фирмы», 2005. – 256 с.
32. Рыбачук, М. А. Связь новой теории экономических систем с другими концепциями / М. А. Рыбачук // Молодая экономика: экономическая наука глазами молодых ученых: материалы науч.-практ. конф. / под ред. Р. Н. Павлова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – С. 124–128.
33. Клейнер, Г. Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 4–27.
34. Рыбачук, М. А. Тетрадоцентричный подход к управлению экономическими системами / М. А. Рыбачук // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2015): материалы Восьмой междунар. конф.: в 2 т. (Москва, 29 сент. – 1 окт. 2015 г.) / Ин-т проблем управления им. В. А. Трапезникова Рос. акад. наук; под общ. ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. – Т. 1: Пленарные доклады, секции 1–4. – М.: ИПР РАН, 2015. – С. 372–373.
35. Рыбачук, М. А. Анализ и измерение пропорций системной структуры организации: пример университета «Дубна» / М. А. Рыбачук // Экономическая наука современной России. – 2014. – №3(66). – С. 130–146.
36. Рыбачук, М. А. Сбалансированность системной структуры как необходимое условие для стратегической устойчивости предприятия / М. А. Рыбачук // Вестник ВГУ. – Серия: Экономика и управление. – 2015. – №1. – С. 140–146.
37. Клейнер, Г. Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России: Ч. 2 / Г. Б. Клейнер // Экономика региона. – 2015. – № 3. – С. 9–17.

Е. Г. Егоров,¹ Т. П. Егорова²

О РАЗРАБОТКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

1. Сущность модернизации и инновационной экономики

В период перехода к рыночной экономике государство и экономическая наука Российской Федерации основное внимание уделяли ускорению социально-экономических преобразований. Поэтому на федеральном уровне идея и политика модернизации национальной экономики появились с большим опозданием.

Так, только в 1999 г. Институтом экономики РАН под руководством академика Л. И. Абалкина была разработана научная стратегия развития России на долгосрочную перспективу – «Россия – 2015: оптимистический сценарий» [1], которая в качестве одного из основных направлений предусматривала модернизацию всех отраслей реального сектора экономики.

В 2000 г. Центром стратегических исследований под руководством Г. Грефа была разработана стратегия «Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу» [2]. Предлагалась политика модернизации экономики, направленная на создание благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата, совершенствование структуры управления государственной собственностью, инновационное развитие экономики, опережающий рост производственной инфраструктуры и т. д.

На основе этих и других научных разработок были определены «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», утвержденные Президентом России 30 марта 2002 г. Пр.-576. Однако Правительство РФ не стало активно разрабатывать и проводить политику модернизации экономики страны и ее регионов, так как в посткризисный период (после 1998–1999 гг.) в результате благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и роста экспортных цен на нефть, газ и т. п. социально-экономическое развитие стабилизировалось: выросли доходы государственного бюджета, в течение почти 10 лет (до очередного мирового кризиса 2008 г.) шел заметный экономический рост. И только «начало мирового экономического кризиса породило два варианта новой социально-

¹ *Егор Григорьевич Егоров*, академик и советник Академии наук Республики Саха (Якутия), академик Международной академии регионального развития и сотрудничества, заслуженный деятель науки РФ и РС (Я), почетный председатель Якутской республиканской организации ВЭО России, д-р экон. наук, профессор.

² *Татьяна Поликарповна Егорова*, ученый секретарь Научно-исследовательского института региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (г. Якутск), канд. экон. наук.

экономической политики. Первый вариант – «...развитие существующей модели роста и ее адаптация к новым вызовам по мере их появления. В этой модели государство остается основным источником роста – и как владелец ключевых финансовых ресурсов, и как нейтрализатор рыночной стихии, и как держатель важнейших институтов, необходимых для роста». Второй вариант предполагает «...усиление частных источников роста, которые должны замещать и постоянно вытеснять государство из предпринимательской сферы» [7, с. 17]. Он считает, что действующая модель роста – это экономика спроса, а структурная модернизация – это экономика предложения, которая рекомендуется для осуществления.

В 2010 г. с учетом первых уроков кризиса 2008–2009 гг. Министерством экономического развития РФ был представлен вариант правительственной стратегии «Инновационная Россия – 2020». В качестве стратегических целей в ней определены: обеспечение высокого уровня благосостояния населения и закрепление геополитической роли страны как одного из глобальных лидеров. Для достижения этих целей необходим переход на инновационную социально ориентированную модель развития экономики. Рассмотрены три варианта инновационной стратегии:

- инерционное импортоориентированное технологическое развитие;
- догоняющее развитие и обеспечение локальной технологической конкурентоспособности;
- достижение лидерства в ведущих научно-технологических секторах.

По результатам сравнительного анализа достоинств и недостатков каждого варианта предложена смешанная стратегия с использованием элементов второго и третьего вариантов [4, с. 97–99].

Одними из первых участников научной дискуссии были ведущие ученые страны. В 2010 г. А. Г. Аганбегян в статье «Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика» проанализировал особенности кризиса 2009 г., каналы его проникновения в Россию, динамику кризиса и пути выхода из него. Им рекомендованы пять путей выхода из кризиса: подавление инфляции, жилищное строительство, импортозамещение, диверсификация экспорта и инновации [5, с. 48–51]. Он утверждает: чтобы внедрять инновации, необходимо обновление материально-технической базы производства и кадров, трудовых ресурсов всех отраслей экономики. Отсюда следует, что сначала нужно проводить модернизацию реального сектора экономики, а затем развивать инновационную экономику.

С. Глазьев в статье «Какая модернизация нужна России?» раскрыл закономерности глобальных технологических сдвигов, согласно которым мировая экономика проходит пятый индустриальный технологический уклад и вступила в шестой – постиндустриальный – уклад, который находится в эмбриональной фазе развития. Однако уже видны ключевые направления его развития: биотехнология, нанотехнология, глобальные информационные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы. По прогнозу автора, в перспективе «...произойдут интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий» [6, с. 8]. В конечном итоге, С. Глазьев предлагает стратегию опережающей модернизации экономики и общества Российской Федерации, в которой имеются определенные заделы шестого технологического уклада в атомной, авиационной, судостроительной, ракетно-космической и электронной отраслях промышленности [6, с. 11]. Основной путь ее реализации – кардинальная активизация инвестиционной и инновационной деятельности.

В. Мау в статье «Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций» [7] связывает начало политики модернизации и инновационного развития с созданием госкорпорации «Роснано». Затем, уже в условиях начавшегося кризиса, в 2009 г. была образована Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России, а в марте 2010 г. – Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям. В. Мау предложил два варианта новой социально-экономической политики. Первый вариант – «...развитие существующей модели роста и ее адаптация к новым вызовам по мере их появления. В этой модели государство остается основным источником роста – и как владелец ключевых финансовых ресурсов, и как нейтрализатор рыночной стихии, и как держатель важнейших институтов, необходимых для роста». Второй вариант предполагает «...усиление частных источников роста, которые должны замещать и постоянно вытеснять государство из предпринимательской сферы» [7, с. 17]. Он считает, что действующая модель роста – это экономика спроса, а структурная модернизация – это экономика предложения, которая рекомендуется для осуществления.

О. Голиченко в статье «Модернизация и реформирование инновационной стратегии России: проблемы и решения» [3], используя положение М. Портера о стадиях развития конкуренции [8] применительно к проблеме инновационного развития, предложил три стадии: ресурсную, инвестиционную и стадию развития на основе национальных нововведений. По мнению автора, на ресурсной стадии все виды национальных производств используют базовые факторы. Ее главные черты: опора на базовые факторы (природные ресурсы и др.); передача иностранных технологий в овеществленной форме; активное использование факторных потребностей внешнего мира; ценовая конкуренция преимущественно за счет факторных издержек и т. п. [3, с. 41].

Российская национальная экономика, в которой доля инновационной продукции составляет около 10 %, находится на первой стадии развития, и появилась острая необходимость перехода ко второй стадии – парадигме, основанной исключительно на имитации известных инноваций. Для нее характерны:

- «...интенсивные инвестиции в квалифицированную рабочую силу, технологии, исследования и разработки;
- передача иностранных технологий в неовещественной и овеществленной формах;
- создание потенциала абсорбции и адаптации технологий;
- конкуренция на основе улучшенных потребительских свойств» [3, с. 43]. В развитых странах эта стадия проходила с 1960-х до начала 1990-х гг. и привела к индустриальному росту и экономическому процветанию.

О. Голиченко на основе анализа развития японской экономики в 1990-х гг. и в 2001–2005 гг. выявил особенности формирования постимитационной национальной инновационной системы, способной создавать «радикально» новые продукты и процессы производства. Переход к следующей стадии развития, основанной на собственных нововведениях, означает:

- «...интенсивные инвестиции в человеческие ресурсы, в науку и технологии;
- создание новых продуктов и технологий;
- развитие внутризвенной, внутрицепной и межцепной диффузии инноваций;
- горизонтальный и вертикальный перелив капитала в цепочках создания добавленной стоимости;
- конкуренция на основе продуктовых и процессорных инноваций;
- перемещение за границу малоэффективных видов деятельности» [3, с. 47–48].

В теоретическом плане весьма интересна статья М. И. Масленникова [9], в которой модернизация и инновационная экономика рассматриваются как экономические категории. Он предлагает понимать под модернизацией «...достаточно длительный и затратный процесс смены господствующего способа производства и хозяйствования на новый, более эффективный и востребованный большей частью общества» [9, с. 26]. Она характеризуется сочетанием двух взаимодополняющих начал: с одной стороны, созидательное разрушение старого способа производства и ликвидация неэффективных методов хозяйствования; с другой – социально-экономическое и общественное развитие новых, более прогрессивных способов производства [9, с. 26]. Поэтому модернизацию в современных условиях можно рассматривать как способ перехода от информационной к инновационной экономике – инновационному технологическому укладу.

На наш взгляд, в последние годы принципиально новую теорию модернизации национальной экономики России разрабатывает Институт нового индустриального развития (ИНИР) под научным руководством доктора экономических наук, профессора С. Д. Бодрунова. Им опубликовано много статей в ведущих журналах [10–13 и др.]. Обоснованно критикуя широко распространенные теории постиндустриального общества, преимущественной экономической основой которого являются «информационная экономика», «экономика знаний» и «экономика услуг», С. Д. Бодрунов предлагает стратегию развития новой индустриальной экономики и нового индустриального общества [10, с. 9–21]. Переход к этой новой экономической модели должен осуществляться путем модернизации и создания нового типа материального производства – знаниеинтенсивного производства. Далее С. Д. Бодрунов утверждает: «Главный тренд предлагаемого нами курса – *реиндустриализация на базе преимущественного развития высоких технологий*, качественного обновления технологической основы материального производства...*главной целью реиндустриализации* или «*новой индустриализации*»...должно стать *восстановление роли и места промышленности в экономике страны в рамках ее структурной перестройки* в качестве базовой компоненты, причем – *на основе нового, передового технологического уклада...*» (курсив С. Д. Бодрунова) [11, с. 7].

2. Формы и приоритеты модернизации инновационной экономики

В экономических изданиях появилось множество публикаций по формам модернизации и инновационного развития российской экономики. В. М. Палтерович «...выдвинул стратегию интерактивной (индустриальной) модернизации, основанную на идее догоняющего развития с широкомасштабным взаимодействием передовых западных технологий, методов организации производства и систем управления...» [4, с. 102]. Реализация индустриальной формы модернизации состоит из следующих последовательных стадий: начальная индустриализация, инициация экспортоориентированного роста, стимулирование ускоренного развития и развитие рынка.

С. Ю. Глазьев разработал форму структурно-технологической модернизации или опережающего развития экономики в условиях глобального кризиса на основе нового технологического уклада, становление и распространение которого будут определять мировое экономическое развитие в ближайшие 20...30 лет. «Становление нового технологического уклада будет сопровождаться интеллектуализацией производства, переходом к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий» [6, с. 8]. Он считает базовыми отраслями технологического уклада науку, образование и здравоохранение.

В. Дасковский [14], В. Логачёв [15], Р. Кучуков [16] предлагают неоиндустриальную модернизацию. «Неоиндустриальная модернизация как преобразовательный феномен есть комплексный процесс структурной перестройки и создания интегрированной экономики, производящей конкурентоспособную продукцию высоких переделов, в том числе науко- и технoемкие готовые изделия и их компоненты... Это возможно при признании базисного положения государственной собственности и государственного сектора экономики, а также использования преимуществ плановых форм и методов государственного регулирования» [14, с. 37]. В. Логачёв утверждает, что «... неоиндустриализация России представляется той целью развития, которая будет способствовать последовательному смягчению антагонизма социально-экономических интересов, что невозможно без активной государственной политики и целенаправленного перехода к плановому типу развития» [15, с. 17]. Основными идеями в неоиндустриальной модернизации являются инновационная реконструкция материально-технической базы экономики, повышение эффективности государственного регулирования и человеческого труда.

Неоиндустриальная модернизация экономики России раскрыта в докладе РАН «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике», краткое содержание которого опубликовано в журнале «Экономист». Авторы доклада подчеркивают, что отрасли экономики страны находятся на различных технологических уровнях. Поэтому задача новой индустриализации – устранить технологическое отставание ряда отраслей и сформировать режим интенсивного обновления капитала, создать значительное количество новых инновационных направлений роста. Для этого предлагают повысить эффективность использования материальных, финансовых и трудовых ресурсов [17, с. 10–11]. Во-первых, увеличить загрузку нового технологического оборудования, введенного в эксплуатацию в 2009–2012 гг. Во-вторых, обеспечить рост производительности труда на 5,5...6,5 % в год. В настоящее время она находится на низком уровне (в 3–4 раза ниже, чем в передовых индустриальных странах). В-третьих, увеличить совокупный спрос (особенно потребительский и инвестиционный) на основе наращивания накопления и инновационной активности. В-четвертых, обеспечить количественный и качественный рост экономического пространства (речь идет об удовлетворении основных потребностей общества (в жилье, товарах длительного пользования, в транспортной и социальной инфраструктуре, в некоторых продуктах питания), а также об освоении и обустройстве огромной российской территории – всех 83 субъектов РФ). В-пятых, в силу высокой нормы сбережения (30 % ВВП) увеличить норму накопления до 25 % против ~ 20 % в 2012 г.

А. Акаев по результатам сравнительного анализа исследований ряда авторов предложил форму интегрированной модернизации, сочетающей прогрессивные элементы нескольких других форм. При этом он также использовал исследования китайского ученого Хэ Чуаньци о трех стадиях (формах) модернизации: первичной – при индустриальной экономике; вторичной – при информационной экономике и третичной интегрированной модернизации, возникающей в результате координированного развития первичной и вторичной форм модернизации [4, с. 113]. По мнению А. Акаева, Россия должна как можно быстрее завершить первичную, индустриальную, модернизацию; обеспечить осуществление вторичной, технологической, модернизации и одновременно приступить к развитию интегрированной инновационно-технологической модернизации прорывного характера до 2025 г. на основе оптимального сочетания собственных и заимствованных технологических инноваций. Это позволит России добиться высоких устойчивых темпов роста экономики – на уровне 7...8 % в год [4, с. 115–116].

Для выявления экономической сущности различных форм модернизации экономики приведем очень четкие определения А. Амосова из статьи «Как преодолеть отставание в развитии»: «Понятия реиндустриализации, инновационной индустриализации и неоиндустриализации отражают различные аспекты современной стадии индустриального развития. В понятии реиндустриализации акцент делается на восстановление индустрии, по тем или иным причинам сокращенной в процессе деиндустриализации. В исследованиях инновационной индустриализации на первый план выходят инновации. Сущность неоиндустриализации заключается в индустриальном развитии нового, техногенного типа. Для экономической философии новое индустриальное развитие можно считать обобщающим понятием» [18, с. 20]. На наш взгляд, с такими трактовками можно согласиться.

В исследованиях российских ученых, на наш взгляд, слабо разработанной остается проблема определения приоритетов модернизации и инновационного развития экономики. Различные авторы относят к приоритетным разные направления.

С. Глазьев, Г. Фетисов разработали методологические подходы к определению приоритетных направлений инновационного развития экономики: «С научно-технической точки зрения приоритеты должны соответствовать перспективным направлениям становления нового технологического уклада» [19, с. 7]. К ним относятся био- и нанотехнологии, глобальные информационные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, авиационная промышленность, атомная промышленность, солнечная энергетика, высокотехнологичная добыча и переработка природного сырья.

«Со структурно-воспроизводственной – приоритетные производства должны выходить начиная с определенного момента на самостоятельную траекторию расширенного воспроизводства, выполняя роль «локомотивов роста» для всей экономики» [19, с. 7]. По этому принципу должны развиваться не только отрасли прорывной технологии, но и все остальные высокотехнологичные отрасли горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, а также сферы услуг, в том числе ЖКХ, образование, здравоохранение, государственное управление.

«С социально-экономической – их реализация должна сопровождаться расширением занятости, повышением реальной зарплаты и квалификации работающего населения, общим ростом общественного благосостояния» [19, с. 7]. В этом плане необходимы создание системы стратегического планирования, обеспечение макроэкономических условий для опережающего роста нового технологического уклада, формирование институтов финансирования проектов производственно-технологических комплексов и сфер потребления их продукции [19, с. 8].

Е. Ясин, Н. Акиндинова, Л. Якобсон, А. Яковлев считают приоритетом «... проведение комплексных институциональных изменений, которые способны пробудить силы, скрытые в человеческой личности и составляющие особенности человеческого капитала, ныне у нас недостаточно используемые» [20, с. 20].

С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин ключевыми ориентирами и приоритетами реализации политики модернизации российской экономики считают «... реиндустриализацию на новой технологической основе ведущих секторов экономики и динамическое наращивание конкурентных преимуществ в отраслях перспективного технологического уклада и постепенный переход экономики на инновационный путь развития» [12, с. 21]. Конкретизируя приоритетные направления реиндустриализации,

они перечисляют фундаментальные исследования, информационно-телекоммуникационные, производственные технологии, новые материалы и химические технологии, транспортные технологии, энергетику и энергосбережение, экологию и рациональное природопользование, индустрию наносистем, оборонно-промышленный комплекс [12, с. 31–32].

3. Факторы и механизмы модернизации и инновационного развития

В создании экономической теории модернизации и инновационного развития национальной экономики России значительное внимание уделяется факторам и механизмам их осуществления. Факторов, определяющих развитие модернизации и инновационных процессов, достаточно много, но структура и значимость их различны и зависят от стадий и форм модернизации.

Для более высокой стадии и инновационно-технологической модернизации характерно действие следующих основных факторов [6, с. 15]:

- научно-технический прогресс, создание и внедрение инновационных технологий;
- высокое качество человеческого потенциала на основе высокого уровня образования, культуры и здоровья населения;
- наличие зрелых производственно-технологических структур, собственных научных школ и уникальной экспериментальной и испытательной базы;
- богатые природные ресурсы, обеспечивающие большую часть внутренних потребностей в сырье и энергоносителях;
- емкий внутренний рынок, обеспечивающий разнообразие жизнедеятельности и потребностей населения;
- активное участие в международном научно-техническом и экономическом сотрудничестве;
- появление компаний со значительными финансовыми и производственными потенциалами, заинтересованных в диверсификации своей деятельности и завоевании монополии на глобальных рынках новых товаров и услуг.

Чтобы привести в действие все эти факторы инновационного развития российской экономики, нужны соответствующие механизмы, институты обновления. Их роль настолько велика, что многие ученые и политики страны предлагают осуществление институциональной реформы как самостоятельной формы институциональной модернизации экономики. По нашему мнению, в России в результате перехода к рыночной экономике осуществлена коренная институциональная модернизация – замена законов, норм и механизмов плановой системы экономики законами, правилами и механизмами рыночной экономики. Поэтому в связи с модернизацией и инновационным развитием должны внедряться адекватные этим процессам институциональные изменения: правовые, экономические, организационные, финансовые и социальные отношения, методы и механизмы.

Среди этих институциональных преобразований, по мнению Е. Ясина и других авторов, существенными являются:

1. «Реализация принципов верховенства права, последовательное обеспечение независимости суда.
2. Перестройка взаимоотношений бизнеса и всего блока правоохранительных органов, что необходимо для укрепления доверия бизнеса к государству.
3. Расширение полномочий местного самоуправления, ... активизация гражданского общества на основе его участия в деятельности органов местной власти.

4. Пенсионная реформа, здравоохранение, образование, рынок жилья – сферы инвестиций населения...

5. Демократизация, обеспечение условий для свободной и эффективной политической конкуренции и периодической смены власти» [20, с. 21].

На наш взгляд, предлагаемые институциональные изменения в экономике России являются слишком общими и не отражают специфику проведения модернизации и инновационного развития экономики.

Для приведения в действие факторов модернизации и инновационного роста экономики С. Глазьев предлагает более конкретные и эффективные механизмы: новую научно-техническую, инновационную, финансовую, информационную, структурную и социальную политику государства [6, с. 15–16]. *Научно-техническая политика* направлена на повышение роли и результативности науки в форме новых знаний, открытий и разработок в области инновационных технологий и институциональных нововведений. *Институциональная политика* заключается в создании новых правовых, экономических, организационных, финансовых, социальных и ценностных структур, способствующих росту инновационной активности бизнеса для осуществления широкомасштабных нововведений. *Структурная организационная политика* должна быть направлена: во-первых, на воссоединение технологически сопряженных производств, «разорванных» в процессе приватизации; во-вторых, на развитие новых наукоемких компаний, доказавших свою конкурентоспособность. *Экономическая политика* призвана использовать новые инструменты и методы стимулирования научно-исследовательских работ, разработки и внедрения технологических и организационных инноваций, рынка новых видов продукции и услуг. *Финансовая политика* включает: создание институтов долгосрочного кредитования развития производства и механизмов проектного финансирования перспективных, но рискованных научно-технических разработок; освобождение инновационной деятельности от налогообложения; венчурное финансирование перспективных нововведений и т. д.

Информационная политика означает формирование открытой и удобной информационной инфраструктуры, обеспечивающей доступ к современным научным знаниям и техническим достижениям, а также системы оценки и выбора приоритетных направлений модернизации и инновационной деятельности.

Социальная политика, ориентированная на стимулирование модернизации и инновационного развития экономики, обеспечивает достижение качественного образования и здравоохранения населения, высокого уровня и качества его жизни в соответствии с мировыми стандартами.

Институт экономики РАН предлагает совершенствование системы экономических институтов применительно к осуществлению инновационно-технологической модернизации экономики страны [17, с. 3–31].

Государство – важнейший экономический институт, и проблема состоит в том, чтобы он стал эффективным. Для выполнения своей основной функции государственная власть должна иметь эффективно работающий аппарат, состоящий из высокопрофессиональных сотрудников с высокими морально-этическими качествами.

Для оптимизации государственного управления научно-техническим и инновационным развитием необходимо создать надведомственный орган, координирующий научную и инновационную политику во всех структурах исполнительной власти. Государство с участием ученых и деловых кругов должно разработать систему стратегического планирования, средне- и долгосрочные программы и индикативные планы [17, с. 12].

Системы прогнозирования и планирования социально-экономического развития страны и ее регионов должны опираться на единую общегосударственную правовую базу и содержать единый организационно-правовой механизм взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровней, органов местного самоуправления и корпоративного управления.

От государства требуется повышение эффективности управления государственной собственностью и государственным сектором экономики. Оно должно добиться повышения коммерческой эффективности приватизации государственных активов не только для текущего пополнения бюджетов, но и для инвестирования инновационных проектов. Авторы считают, что исполнительная государственная власть должна выполнять преимущественно функцию регулятора, а функцию собственника передать принадлежащей государству холдинговой структуре [17, с. 13–15].

В условиях инновационного развития экономики и общества возрастает роль экологической политики государства. В первую очередь необходима более строгая, научно обоснованная «экологизация законодательства»: создание институтов экологического контроля на всех уровнях управления, введение новой системы нормирования воздействия на окружающую среду, соблюдение предельно допустимых значений вредных выбросов, закрепление в российском праве экологических приоритетов инновационной деятельности [17, с. 20]. Экологизация промышленной политики заключается в создании эффективной индустрии рециклинга (вторичной переработки отходов и возвращения их в процесс техногенеза); развитого сектора «зеленой» экономики; рынка торговли квотами на загрязнение окружающей среды и экологического предпринимательства природоохранного назначения; механизма сопоставления экологического ущерба и пользы от хозяйственной деятельности; составления баланса между позитивными и негативными экологическими последствиями экономического роста [17, с. 20–21].

В условиях перехода на инновационный путь социально-экономического развития страны и ее регионов изменяются приоритеты социальной политики государства. Наряду с традиционным приоритетом социальной помощи и поддержки наименее защищенных слоев населения, другими важными приоритетами «...должны стать стимулирование и поддержка способностей человека к совершенствованию своих профессиональных навыков, адаптации к новым требованиям организации производства и образа жизни, его позитивной социализации» [17, с. 21].

В целях сокращения масштабов бедности и социального неравенства нужно обеспечить: повышение прожиточного минимума до уровня реальной стоимости базовой потребительской корзины; введение черты относительной бедности; повышение минимального размера оплаты труда, что должно способствовать ликвидации феномена работающих бедных; содействие занятости всех, кто хочет работать; стимулирование создания новых рабочих мест; введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также налогов на богатство и роскошь, что позволит сократить материальное неравенство граждан одной страны [17, с. 22].

Далее, академики А. Д. Некипелов, В. В. Ивантер и С. Ю. Глазьев предлагают многие другие нововведения в пространственной, налогово-бюджетной, денежно-кредитной и внешнеэкономической политике, которые необходимо учитывать при разработке нормативно-правовых актов для осуществления модернизации и инновационного развития национальной экономики Российской Федерации.

С. Д. Бодрунов в качестве решающих факторов (путей) модернизации и индустриальной экономики обосновывает: восстановление и развитие базы передовых техно-

логических укладов, рост научной базы и инновационных систем, опережающее развитие всех уровней системы образования [11, с. 16], а системную интеграцию производства, науки и образования считает базовыми слагаемыми реализации реиндустриализации [13, с. 19–20].

Важнейшим механизмом модернизации, по его мнению, является активная промышленная политика государства, направленная на поддержку и предоставление преференций преимущественно (селективно) тем эффективным предприятиям, «...которые в средне- и долгосрочной перспективе могут выйти на передовые позиции и сыграть ключевую роль в качестве точек роста, толкающих вперед всю экономику» [11, с. 16].

Краткий анализ теоретических положений о сущности, формах, приоритетах, факторах и механизмах осуществления модернизации и инновационного пути развития национальной экономики России показывает, что, к сожалению, пока еще не создана стройная общепринятая экономическая теория по самой важной проблеме социально-экономического развития страны. Нам думается, что это объясняется двумя объективными причинами:

1. Национальная экономика Российской Федерации в условиях мировых экономических кризисов и сложных международных отношений еще не добилась устойчивого положения и не накопила достаточного интеллектуального и технико-экономического потенциала для качественного роста.

2. Отечественная экономическая наука (как вся российская наука) продолжает существовать в режиме выживания из-за отсутствия необходимых финансовых ресурсов и непродуманной затянувшейся реформы науки – одной из важных отраслей.

В современных условиях отставание теории от практики модернизации и инновационного развития недопустимо, ученые-экономисты должны сосредоточить усилия на ее опережающем развитии.

Список литературы

1. Россия – 2015: оптимистический сценарий/ Л. И. Абалкин [и др.]. – М.: ММВБ, 1999. – 416 с.
2. Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу. – М., 2000. – 156 с.
3. *Голиченко, О.* Модернизация и реформирование инновационной стратегии России: проблемы и решения / О. Голиченко // Вопросы экономики. – 2010. – №8. – С. 41–53.
4. *Акаев, А.* О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года / А. Акаев // Вопросы экономики. – 2012. – №4. – С. 97–116.
5. *Аганбегян, А. Г.* Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика / А. Г. Аганбегян // Эко. – 2010. – №1. – С. 34–60.
6. *Глазьев, С.* Какая модернизация нужна России? / С. Глазьев // Экономист. – 2010. – №8. – С. 4–17.
7. *Мау, В.* Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций/ В. Мау // Вопросы экономики. – 2011. – №2. – С. 4–22.
8. *Портер, М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.
9. *Масленников, М. И.* Теоретико-методические подходы к модернизации и практические возможности ее реализации в России / М. И. Масленников // Журнал экономической теории. – 2012. – №2. – С. 26–35.

10. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4 (46). – С. 9–23.

11. Бодрунов, С. Д. Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2 (44). – С. 6–17.

12. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1 (35). – С. 19–49.

13. Бодрунов, С. Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 1 (43). – С. 7–22.

14. Дасковский, В. О неоиндустриальной модели и стратегии развития экономики / В. Дасковский, В. Киселев // Экономист. – 2013. – №6. – С. 34–49.

15. Логачев, В. Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? / В. Логачев, Д. Кочергин // Экономист. – 2013. – №11. – С. 11–19.

16. Кучуков, Р. Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора / Р. Кучуков // Экономист. – 2013. – №6 – С.16–25.

17. Плышевский, Б. Политика перехода к эффективной экономике / Б. Плышевский // Экономист. – 2014. – №1. – С. 3–31.

18. Амосов, А. Как преодолеть отставание в развитии / А. Амосов // Экономист. – 2013. – №4. – С. 19–26.

19. Глазьев, С. О стратегии устойчивого развития экономики России / С. Глазьев, Г. Фетисов // Экономист. – 2013. – №1(25). – С. 3–13.

20. Ясин, Е. Состоится ли новая модель экономического роста в России? / Е. Ясин, Н. Акиндинова, Л. Яковсон, А. Яковлев // Вопросы экономики. – 2013. – №5. – С. 4–39.

Ён Юнг Мин¹

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ²

После шоковой терапии в 1991 г. развитие российской экономики сопровождалось значительными структурными изменениями. Переход от плановой экономики к рыночному капитализму характеризуется сокращением роли государства в экономике с одновременным ростом роли рыночных механизмов – координации на основе закона спроса и предложения. Доля государственного сектора в экономике и изменение форм государственного регулирования могут считаться одними из самых эффективных барометров, указывающих на степень трансформации экономики на пути к рыночному капитализму. Вопрос состоит в том, как определить роль и значение государства, а также оценить его влияние на национальную экономическую систему.

В России переход от советской плановой экономики к рыночному капитализму формально выражался в приватизации государственного имущества и производственных организаций – государственных предприятий. Действительно, в процессе перехода к капитализму количество государственных предприятий в России быстро сокращалось. Однако, многие исследователи и эксперты, особенно зарубежные, до сих пор классифицируют российскую экономику как государственный капитализм, считая роль государства в экономике очень значительной. Но почему сильное государство или значительная роль государства в российской экономической системе указывается как одна из главных специфических черт российской экономики, несмотря на широкую и радикальную приватизацию? Не сокращалось ли государственное влияние на экономику? Чтобы ответить на эти вопросы, исследуем изменение роли государственных предприятий в российской экономике.

Специфика российской экономики. Для начала выполним анализ исследований российских и зарубежных ученых о специфике российской экономики.

А. В. Бузгалин и А. И. Колганов [1, с. 8–16] считают, что в современной российской экономике доминируют формы рынка, присущие позднему капитализму, но, как правило, в неразвитом и деформированном виде. Кроме того, они утверждают, что в российской экономике присутствуют элементы позднего капитализма – косвенное государственное регулирование и советской системы – директивное централизованное управление.

¹ Ён Юнг Мин, аспирант кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

² Статья подготовлена в рамках аспирантского научного семинара профессора А. В. Бузгалина «Российская экономическая система: содержание, структура, сценарии развития», заседания которого проходили в апреле–июне 2016 г. на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

О. Ю. Бороздина [3] к специфике российской экономики относит переплетение черт олигархического, государственного и «кланового» капитализма. В. Г. Дейнега [4] указывает, что в России позиции госсектора наиболее сильны в отраслях топливно-энергетического и оборонного комплексов, медицинской и микробиологической промышленности, в сфере транспорта и связи. Наименьшее распространение частная форма собственности получила в электроэнергетике и железнодорожном транспорте. Среди зарубежных исследователей J. Cooper [7, с. 55–64] подчеркивает, что доля государства в российской экономике фактически увеличилась с конца 1990-х гг. Так, по данным Европейского банка реконструкции и развития (EBRD), доля государственного сектора в ВВП возросла с 30 % в 1997 г. до 35 % в 2010 г. I. Ablaev [5] говорит о феодальном характере российской экономики, который отмечают и А. В. Бузгалин с А. И. Колгановым [1]. Однако I. Ablaev [5] утверждает, что сочетание базовой феодальной модели с включением в экономическую систему капиталистических моделей развития приводит к эффекту взрывного экономического роста в российской экономике. Кроме того, в России необходимо развивать институт частной собственности, малый и средний бизнес при сохранении существующей модели развития.

W. Sung [9], в отличие от большинства зарубежных исследователей, указывает на позитивный эффект ренационализации крупнейших предприятий в 2000-х гг. По его словам, ренационализация в этот период – не авантюрное решение, основанное на идеологических взглядах, а стратегический выбор на основе понимания положения российской экономики в жестких условиях мирового рынка. При этом он характеризует российскую экономику как государственный капитализм с ярко выраженной сырьевой зависимостью и утверждает, что для стабильного и устойчивого развития экономики необходимо развивать социально-институциональные основы.

Можно сказать, что у российских и зарубежных исследователей существует консенсус по поводу базовых специфических черт российской экономики, к которым относятся:

1 – высокая доля государства в экономике несмотря на массовую приватизацию, что может привести к структурным проблемам, негативно влияющим на социально-экономическое развитие России (неэффективность, коррупция, бюрократизм и др.);

2 – высокая зависимость от сырьевых отраслей, эта проблема также требует неоптимального решения.

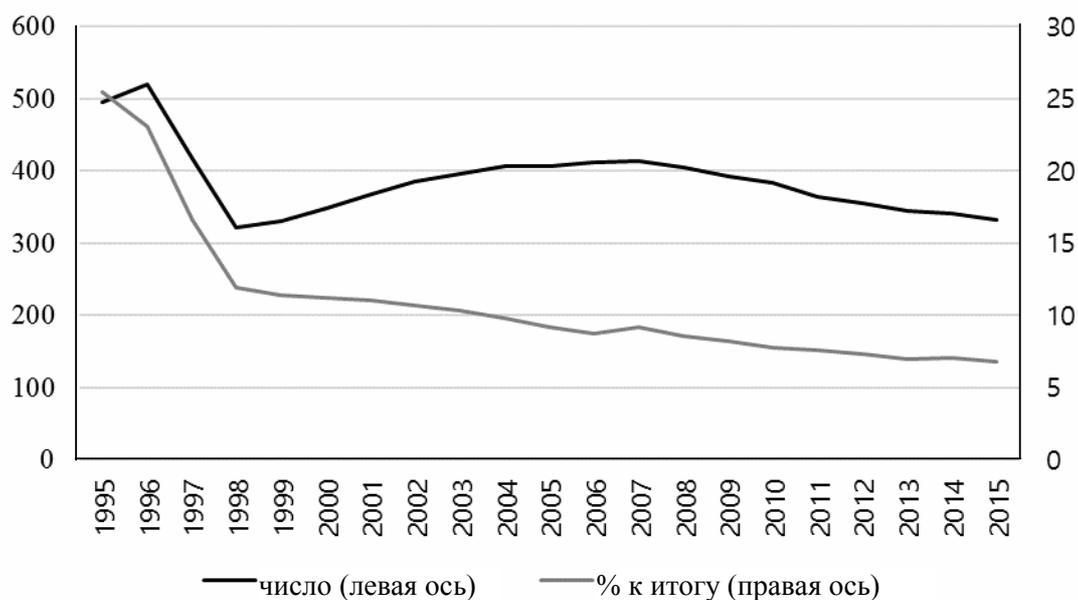
Изменение роли государственных предприятий в российской экономике.

Государственное предприятие определяется как предприятие, основные средства которого находятся в государственной собственности, а руководители назначаются или нанимаются по контракту государственными органами. Если государственное предприятие является бюджетным, то оно финансируется из средств государственного бюджета. Предприятия, находящиеся в непосредственном ведении государственных органов, называются казенными [10]. В России на основе данного универсального определения и федерального закона³ выделяют три вида государственных предприятий. *Первый* – *открытое акционерное общество* (ОАО), в котором государство участвует как главный акционер. Частные инвесторы могут владеть акциями данного предприятия, но право решающего голоса обеспечивается государством посредством большинства акций. Круп-

³ Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №129-ФЗ от 08.08.01.

нейшие российские предприятия (Газпром, Сбербанк, Роснефть) относятся к этому виду государственных предприятий. *Второй вид – унитарное предприятие*, под которым подразумевается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на имущество, закрепленное за ней собственником⁴. В эту категорию включаются федеральные государственные унитарные предприятия (ФГУП), такие как «Почта России» и «Мосфильм», и государственные унитарные предприятия (ГУП), например «Мосгортранс», а также муниципальные унитарные предприятия. *Третий вид – государственная корпорация*, которая считается специфической моделью российского государственного предприятия. Это некоммерческая организация, не имеющая членства, учрежденная Российской Федерацией на основании Федерального закона о ее создании и на основе имущественного вноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций⁵. К предприятиям этого вида относятся «Росатом», «Ростех» и «Роснано». Мы в своей работе рассматриваем все типы перечисленных государственных предприятий. Хотя у них разные структуры собственности, цели и функции, в экономике они играют роль средств государственной интервенции.

Изменение числа государственных предприятий в российской экономике (см. рисунок) можно считать результатом государственной программы массовой приватизации.

Динамика количества государственных предприятий в России
(построено автором по данным Российского статистического ежегодника)

⁴ Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

⁵ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «О некоммерческих организациях».

Главными целями программы в момент ее принятия были формирование широкого слоя частных собственников как экономической основы рыночных отношений и вовлечение в процесс приватизации максимально широких слоев населения [2]. С 1993 по 1995 г. было приватизировано более 74 тысяч государственных и муниципальных унитарных предприятий, после чего (с 1996 по 2002 г.) ежегодно приватизировалось почти 2500 государственных предприятий. В период 2003–2008 гг. имело место незначительное увеличение количества государственных предприятий, но их доля в общем числе предприятий постепенно сокращалась. По данным Росстата, в 2015 г. доля государственных предприятий в общем числе предприятий России составила 6,8 %.

Значительно сократилась и доля государственных предприятий в общей занятости (с 82,6 % в 1990 г. до 27,6 % в 2014 г.), а доля частных предприятий соответственно увеличилась (табл. 1). Уровень занятости на частных предприятиях оставался сравнительно низким [6]. Кроме того, поскольку предприятия со «смешанной российской собственностью» (состоящей из государственных и частных участников) де-факто находятся под контролем государства, фактическая доля государственных предприятий (с точки зрения их количества) составляет более 32 %.

Следует отметить тенденцию сокращения инвестиций госпредприятий в основной капитал (табл. 2).

Можно ли говорить о снижении роли государственных предприятий в российской экономике исходя из уменьшения их количества? Чтобы исследовать качественные аспекты изменения роли государственных предприятий в экономике, проанализируем изменения объема реализации и чистой прибыли государственных предприятий. В качестве объектов анализа приняты 100 крупнейших предприятий, как государственных, так и частных. (Для анализа используем «Рейтинги крупнейших компаний России» с 2005 по 2014 г.).

Доля государственных предприятий среди 100 крупнейших компаний России сравнительно высока (табл. 3). Если за анализируемый период доля госпредприятий

Таблица 1

Среднегодовая численность занятых в экономике по формам собственности

Годы	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100
В том числе по формам собственности:						
государственная, муниципальная	82,6	42,2	37,8	33,5	30,4	27,6
частная	12,5	34,3	46,1	54,3	58,6	61,9
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,8	0,7	0,8	0,6	0,5	0,4
смешанная российская	4	22,2	12,6	7,8	5,7	5,2
иностранная, совместная (российская и иностранная)	0,1	0,6	2,7	3,8	4,8	4,9

Источник: Российский статистический ежегодник.

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал по формам собственности, %

Годы	2005	2010	2014
Российская собственность	80,6	86,2	86,3
государственная	18,8	17,2	13,9
муниципальная	3,8	3,2	2,9
частная	44,9	57	57,9
потребительской кооперации	0,1	0,03	0,02
общественных и религиозных организаций (объединений)	0,1	0,04	0,1
смешанная российская (без иностранного участия)	12,9	7,5	9,7
собственность государственных корпораций	–	1,2	1,7
Иностранная	8,2	5,9	7,3
Совместная (российская и иностранная)	11,2	7,9	6,4

Источник: Российский статистический ежегодник.

Таблица 3

Количество, средний объем реализации и средняя чистая прибыль предприятий в зависимости от формы собственности, млн р.

Год	Форма собственности	Количество	Средний объем реализации		Средняя чистая прибыль	
			р.	Темп роста, %	р.	Прибыльность, %
2005	Государственные	31	149,531	–	18,865	13
2009		33	323,483	54	44,164	14
2015		31	743,797	57	58,798	8
2005	Частные	69	72,549	–	9,237	13
2009		67	164,427	56	12,065	7
2015		69	281,463	42	1,889	1

Источник: Рейтинговое агентство Raex («Эксперт РА») и собственные расчеты автора.

в общем числе предприятий сократились с 9,2 до 6,8 %, то их доля в 100 крупнейших компаниях остается на уровне 30 %. При этом количество частных предприятий увеличилось в этот период с 3499 до 4160 тысяч. Стабильная доля госпредприятий в списке 100 крупнейших компаний (с увеличением размера) указывает на то, что их роль в российской экономике может усиливаться несмотря на сокращение количества.

Такая тенденция подтверждается данными по объему реализации и чистой прибыли госпредприятий (см. табл. 3). Коэффициент соотношения среднего объема реализации госпредприятия и частного составлял 2,0 в 2005 г., а в 2015 г. он увеличился до 2,6. Кроме того, коэффициент отношения средней чистой прибыли госпредприятия к прибыли частного предприятия составлял 2,0 в 2005 г., 3,6 – в 2009 г. и 31,1 – в 2015 г.

Иначе говоря, объемы продаж у госпредприятий более чем в два раза выше, чем у частных предприятий, а величина прибыли выше более чем в три раза.

Заключение

Выполненный анализ позволяет выделить следующие изменения роли госпредприятий в российской экономике:

1. Хотя количественный удельный вес госпредприятий значительно сократился в результате массовой приватизации в начальный период трансформации экономики и роста числа частных предприятий, фактическая роль государственных предприятий возросла.

2. Госпредприятия обеспечивают большие объемы реализации, получают более высокую прибыль и являются более рентабельными, чем частные предприятия, по крайней мере, на уровне крупнейших предприятий. Данный результат можно объяснить двумя причинами: 1 – российские госпредприятия отличаются высокоэффективным производством и управлением; 2 – сфера их деятельности характеризуется сравнительно низким уровнем конкуренции. Поскольку ренационализация в период 2000–2004 гг. происходила в сфере энергетики, транспорта, военной промышленности и почтовой службы [8], которые являются естественными монополиями, второй довод представляется более убедительным.

3. Увеличение удельного веса госпредприятий в экономике не всегда означает рост их экономической роли в позитивном плане. Как мы уже видели (см. табл. 1), численность занятых на госпредприятиях уменьшилась несмотря на быстрый рост объема реализации и чистой прибыли. Кроме того, сокращается и доля инвестиций госпредприятий в основной капитал в общем объеме инвестиций предприятий всех форм собственности.

Список литературы

1. Бузгалин, А. В. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственного регулирования / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – №9. – С. 8–16.

2. Бокарева, Л. Г. Современные проблемы приватизации федерального имущества / Л. Г. Бокарева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2013. – №1 (137).

3. Бороздина, О. Ю. Специфика развития капитализма в условиях трансформации российской экономики / О. Ю. Бороздина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 28.

4. Дейнега, В. Г. Специфика российской модели государственного сектора экономики / В. Г. Дейнега // Terra Economicus. – 2009. – №1–2.

5. *Ablaev, I.* X and Y Economies in Russia: Neoinstitutional Approaches / I. Ablaev // *Procedia Economics and Finance*. – 2013. – №5. – P. 4–11. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212567113000038> (May 28, 2016).

6. *Augustynowicz, P.* State-Owned Enterprises in Russia – the Origin, Importance and Principles of Operation / P. Augustynowicz // *Crisis Management and the Changing Role of the State*. – 2014.

7. *Cooper, J.* The Russian Economy Twenty Years after the End of the Socialist Economic System / J. Cooper // *Journal of Eurasian Studies*. – 2013. № 4(1). – P. 55–64. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366512000206> (May 28, 2016).

8. *Kim, and Young Jin.* 러시아 자본주의의 형성과 발전 TT – The Formation and Development of Russian Capitalism: Focused on Dependence upon Natural Resources (Oil and Gas) and State-Business Relations. 슬라브학보 – 2014. – № 29(1). – P. 63–100. <http://www.dbpia.co.kr/Article/NODE02391154>.

9. Sung, Wonyong. 푸틴주의와 러시아 국가자본주의: 역사적 기원과 현대적 변용 TT – Putinism and State Capitalism in Russia: Historical Origins and Contemporary Transformation. 비교경제연구 – 2014. – №21(2): 113–59. http://kiss.kstudy.com/search/detail_page.asp?key=3282535.

10. *Борисов, А. Б.* Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.

РЕЦЕНЗИИ

В. А. Плотников¹

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О НОВОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: РАСШИРЕНИЕ МАСШТАБОВ

В 2016 г. вышла в свет фундаментальная монография президента Вольного экономического общества России, директора Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-ра экон. наук, профессора С. Д. Бодрунова «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» [1, 2]. В ней затронут принципиальный блок проблем, связанных с эволюцией хозяйственной и социальной системы в течение долгосрочного периода. Какой будет нарождающаяся на наших глазах новая экономическая модель? Начиная с последней трети XX в. теоретиками все чаще обосновывалась мысль, что будущее несет человечеству сервисную, информационную, постиндустриальную или еще какую-либо модель, «перечеркивающую» ценность и базисный характер индустриального развития.

Но автор, профессор С. Д. Бодрунов, на основе фундаментального анализа ситуационных тенденций и долгосрочных трендов общественного развития, а также обобщения представительного эмпирического материала приходит к совершенно другому выводу. Выводу о сохранении значимости промышленности, о том, что промышленное производство в обществе будущего не только не утратит свою роль, а, наоборот, эта роль усилится. Конечно, эта новая промышленность должна сформироваться не на основе наращивания объемов выпуска и тиражирования известных технологий, а на базе кардинального технологического обновления, которое увязывается с новым циклом развития, началом повышательной волны Н. Д. Кондратьева. Значимость этих вопросов для развития современной экономической науки мы ранее уже отмечали [3].

Не удивительно, что эта книга сразу же привлекла внимание российского научного, образовательного и экспертного сообщества. За неполный год с момента издания монографии она была представлена на крупных и резонансных российских мероприятиях: заседание Секции экономики Отделения общественных наук РАН (Москва, 9 марта 2016 г.); научный семинар ИНИР им. С. Ю. Витте «Новое качество материального про-

¹ *Владимир Александрович Плотников*, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

изводства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики» (Санкт-Петербург, 13 октября 2016 г.); третий международный конгресс «Производство, наука и образование России: новые вызовы» (Москва, 26–27 ноября 2016 г.).

Не обошли вниманием книгу и зарубежные специалисты. Ее базовые идеи нашли живой отклик на организованном Центром по исследованию проблем развития Кембриджского университета и ИНИР (с участием ВЭО России) международном научном семинаре «Концептуализация развития и сотрудничества в Евразии» (Кембридж, Кембриджский университет, 2 мая 2016 г.). Положения монографии были также обсуждены на 7-й международной конференции «Политическая экономия: международные тенденции и национальные особенности» (Лиссабон, Лиссабонский университет, 7–9 сентября 2016 г.). Теоретические разработки профессора С. Д. Бодрунова вызвали настолько значительный интерес европейских ученых, что в рамках лиссабонской конференции был проведен ряд мероприятий Вольного экономического общества России, Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России и Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте. Помимо этого, результаты исследования, отраженные в монографии, нашли живой отклик на международной конференции «МАРКС-2016» (Стокгольм, 15–16 октября 2016 г.) и на 16-й международной конференции Александрийского института, посвященной актуальным проблемам российского общества (Хельсинки, Университет Хельсинки, 26–28 октября 2016 г.).

Можно сделать обоснованный вывод о том, что монография профессора С. Д. Бодрунова «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» явилась значимым событием российской и мировой интеллектуальной жизни. Она стала адекватным ответом на социальный запрос относительно вероятных сценариев развития общества, выбора моделей государственного регулирования этого процесса, институционального закрепления прогрессивных хозяйственных практик, а также на важный для каждого россиянина вопрос: что ждет российскую экономику и общество в будущем? Профессору С. Д. Бодрунову удалось в сжатой, понятной и аргументированной форме выстроить сценарий этого будущего, которое он назвал «индустриальное общество версии 2.0» (НИО.2). И его идеи были с огромным интересом восприняты специалистами как в России, так и за рубежом.

В связи с большим интересом, проявленным к данной книге на перечисленных выше мероприятиях, публикацией многочисленных отзывов и рецензий на нее, ее активным обсуждением специалистами, организаторы предложили презентовать монографию «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» на 19-й международной ярмарке интеллектуальной литературы non/fictio № 1 (1 декабря 2016 г., Москва, Центральный дом художника; см.: <http://www.moscowbookfair.ru>).

Ниже приводятся сокращенные варианты отдельных отзывов на книгу, сделанные по материалам выступлений участников презентации.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016. – 352 с.
2. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, исправл. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. – 328 с.
3. *Плотников, В. А.* Индустриальное общество второй генерации / В. А. Плотников // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3 (49). – С. 111–117.

Р. С. Гринберг¹

**УМНЫМ ФАБРИКАМ НУЖНЫ УМНЫЕ ЛЮДИ
И УМНАЯ ЭКОНОМИКА
(о книге С. Д. Бодрунова «Грядущее.
Новое индустриальное общество: перезагрузка»)**

Выход очередной книги директора Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, профессора С. Д. Бодрунова привлек большое внимание научной общественности. Ее обсуждения прошли в Москве и Санкт-Петербурге, Кембридже и Стокгольме, и это не случайно.

ИНИР – это исследовательская структура, вот уже не первое десятилетие разрабатывающая широкий, целостный блок проблем, связанных с преодолением деиндустриализации (причем не только в нашей стране) и возрождением нового, высокотехнологического индустриального производства. И если в момент рождения института и в те годы, когда профессор Бодрунов начинал писать на эту тему, проблемы реиндустриализации казались чем-то малоактуальным, то сегодня о них не говорит и не пишет только ленивый. Видение стратегических перспектив – вот главное, что отличает работы С. Д. Бодрунова и возглавляемого им исследовательского центра. И новая книга – тому подтверждение, ибо посвящена она новому качеству экономики и общества, рождающемуся вследствие развертывания явления, называемого профессором Бодруновым (вот уже около 20 лет!) реиндустриализацией, а в 2016 г. названного лидерами большой двадцатки «новой индустриальной революцией».

Прежде чем сказать о концептуальных основах и важнейших выводах автора, позволю себе важное уточнение. Дело в том, что автор этих строк имеет некоторое отношение к Институту нового индустриального развития, являясь вот уже не один год его научным руководителем. Поэтому данный текст – это взгляд одновременно и изнутри, и извне.

Как научный руководитель я поддерживал и поддерживаю основное направление исследований и стратегические рекомендации, вырабатываемые институтом. Мне и самому приходилось немало писать о важности возрождения высокотехнологического материального производства в России, о том, что реиндустриализация – новый мировой тренд и нам важно не отстать от изменений, происходящих в наиболее развитых странах, встающих на путь создания новой индустрии.

В то же время, будучи научным руководителем ИНИР, я смотрю на деятельность этого исследовательского центра и научные работы его руководителя отчасти и со стороны, поскольку во всяком демократически организованном научном коллективе при

¹ *Руслан Семенович Гринберг*, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН.

общем тренде разработок всегда существует широкий спектр мнений и позиций. Не является исключением и ИНИР, на семинарах которого идут активные и плодотворные дискуссии. Общая стратегическая направленность наших с С. Д. Бодруновым исследований не исключает возможность разногласий и дискуссий, в том числе критического взгляда на новую книгу профессора Бодрунова.

Итак, перед нами теоретическая модель «нового индустриального общества второго поколения» – **НИО.2**, как назвал его автор книги. Модель построена не без изящества: сказываются, с одной стороны, фундаментальные естественно-научные «корни» автора; с другой – теоретико-экономический подход, основанный на глубоком проникновении в социально-экономическую материю и широкой эрудиции. В результате получается своеобразный синтез естественно-научного позитивизма и политэкономической диалектики.

Что же дает этот синтез? Систематизация фактов, характеризующих основные тренды в развитии технологий, приводит автора книги к выводу о том, что современное материальное производство становится знаниеемким. Более того, знаниеемкими становятся и труд, и его продукт, и все остальные слагаемые процесса производства. В результате складывается ситуация, статистически отображаемая как «крест Бодрунова» (так назвал модель один из дискуссионщиков во время обсуждения работы С. Д. Бодрунова на сессии секции экономики отделения общественных наук РАН). Суть этого «креста» в следующем: роль знаний и доля затрат на их производство растут, тогда как роль сырья, оборудования и доля затрат на них падают.

Разработка этой модели представляется мне *настолько важной*, что я позволю себе охарактеризовать ее несколько подробнее. Автор исходит, во-первых, из эмпирически наблюдаемого роста удельного веса затрат на нематериальные компоненты производимого продукта – знания и информацию, как создаваемые в процессе разработки продуктов и технологий их производства, так и необходимые непосредственно в самом производственном процессе. Во-вторых, эта модель исходит из теоретического обобщения наблюдаемых тенденций в технологическом прогрессе, когда каждый его шаг основывается на расширении технологического применения новых знаний. Если первые шаги машинного производства могли быть связаны с деятельностью механиков-самоучек, то для дальнейшего движения вперед требовался учет законов статики, динамики и кинематики, теории тепловых машин, сопротивления материалов, теории машин и механизмов и т. д. Затем речь пошла о знании законов протекания физических процессов (не только механических или тепловых, но и электрических, электромагнитных и т. д.) и химии. Далее для промышленных инноваций потребовались специальные целенаправленные научные исследования. Соответственно возрастали требования к уровню знаний и квалификации как разработчиков, так и производственного персонала.

Тенденции развития индустриального производства свидетельствуют: *впереди – снижение потребности мирового производства в материалах, сырье, ископаемых, энергии* (как удельное, так и в целом для мировой экономики). Нынешние проблемы падения стоимости многих видов сырья, в первую очередь энергетического, – это провозвестник прихода новой эры с точки зрения значимости для мировой экономики природных ресурсов традиционного ныне типа, т. е. того, на чем до сих пор стоит российская экономика. Одновременно резко возрастает роль индустриальных знаний, технологий, темпов их получения, освоения, имплементации в реальный сектор, развития и т. п. Не за горами – *новая технологическая революция*.

Далее в книге разворачивается целая система следствий. Новая ступень развития индустриального общества (НИО.2) характеризуется не просто возрастанием значения совершенствования технологий, ростом удельного веса применяемых знаний, информационной компоненты. Принципиальное значение приобретает тенденция к *нарастающему темпу технологических изменений, происходящих со все большим ускорением*, «ускорением ускорения», что становится характерным признаком, *одной из важнейших особенностей экономической системы грядущего общества*. Вследствие этого принципиально важное значение приобретает *темп перевода научных достижений в непосредственное индустриальное производство, в его компоненты, в индустриальный продукт*. Очевидно также, что вследствие этого индустриальное производство должно приобрести (и в ряде случаев – уже приобретает) характер *непрерывной инновации*. А из этого вытекают высокие требования к качеству национальной инновационной системы, которая должна обеспечить эффективное взаимодействие всех элементов и стадий инновационного процесса с тем, чтобы обеспечить завоевание и сохранение технологического лидерства – главного условия конкурентоспособности в мировой экономике.

В конечном итоге С. Д. Бодрунов делает достаточно обоснованный вывод: мир стоит на пороге рождения (и превращения в доминирующий) **качественно нового типа общественного производства – нового индустриального производства второго поколения**. Этот вывод в основном корреспондирует с новейшими разработками зарубежных и отечественных ученых, заметивших рождение таких феноменов, как «умные фабрики», «индустрия 4.0» и т. п. (автор книги хорошо знаком с этими разработками, и работа наполнена (если не переполнена) сносками на многочисленные зарубежные и отечественные источники). Все это, однако, не отменяет приоритета профессора Бодрунова в разработке названной проблемы.

У автора книги есть и другой – **методологический** – ключ к обоснованию своего вывода о рождении НИО.2. Как я уже заметил, в книге чувствуется «дух» диалектического метода и некоторые следы классической политической экономии. Речь идет о позиционировании НИО.2 как своеобразного отрицания отрицания и «нового индустриального общества» Дж. К. Гелбрейта, и постиндустриальных утопий Белла и его коллег. Результат – позитивно-критический синтез Гелбрейта и постиндустриалистов, в котором позитив идет преимущественно от первого, а критика (на мой взгляд, в основном, заслуженная) достается вторым.

Скажу честно: я не самый большой специалист по диалектическому методу, и спецсеминар по «Капиталу» Маркса не принадлежал к числу моих любимых занятий. Посему от методологических изысков перейду к той социально-экономической материи, которая особенно актуальна сегодня в мире и в нашей стране и в которой я неплохо разбираюсь, являясь научным руководителем не только ИНИР, но и Института экономики РАН.

Дело в том, что С. Д. Бодрунов пишет об изменениях не только в материальном производстве, но и в экономических отношениях, а также в социальных процессах, вызываемых изменениями материально-технического базиса. Пишет обоснованно и, в основном, правильно: я солидарен с его положениями о необходимости проведения активной промышленной политики, интеграции производства, науки и образования и т. п. Более того, я считаю обоснованным тезис о том, что формальная интеграция достоинств капитализма и социализма невозможна.

Но есть ряд проблем, которые автор книги не то чтобы обходит, но не рассматривает в качестве первостепенных. А они того заслуживают. Среди таких проблем едва

ли не главной, на мой взгляд, является вопрос о мере социального неравенства в экономике и обществе, где не подрывается основополагающий принцип экономической свободы. Мера соединения свободы и справедливости – вопрос вопросов экономического устройства и, предлагая модель нового индустриального общества второго поколения, на этот вопрос надо отвечать. Надо показать, как именно в социально-экономической системе будущего будут решаться вопросы бедности и богатства, равенства и неравенства, свободы и ее ограничения государством.

Нельзя сказать, что профессор Бодрунов полностью игнорирует эти вопросы. В книге есть интересный и важный тезис о том, что сокращение роли «физических» слагаемых продукта и «ускорение ускорения» инноваций в скором времени приведут к тому, что насыщение потребностей всех членов общества перестанет быть проблемой. Я не исключаю, что с точки зрения производства абстрактная возможность создания достаточного для всех членов общества объема материальных благ в скором времени будет достигнута. Но вот вопрос: будет ли современная экономико-политическая система (и мировая, и российская) обеспечивать более-менее равномерное (как, скажем, в странах с социал-демократической моделью – Швеции, Австрии) распределение благ, или мир и далее пойдет по пути использования «умного производства» преимущественно для производства гениально-дорогих часов и сверхумных летающих яхт (я намеренно утрирую), а не обеспечения миллиардов нищенствующих граждан мира и десятков миллионов бедных граждан нашей страны материальной базой для получения образования и труда на умных фабриках, производящих продукцию для нормального умного большинства?

Мне кажется, что у автора, в принципе, есть ответы на эти вопросы, и они, насколько я знаю взгляды и деятельность С. Д. Бодрунова, созвучны тем, что не раз давал автор этих строк. Что ж, будем ждать новую книгу с новыми ответами на новые (и некоторые не раскрытые в данном издании старые) вопросы.

А. И. Колганов¹

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ
(о монографии С. Д. Бодрунова «Грядущее.
Новое индустриальное общество: перезагрузка»)**

Что меня привлекает в этой книге? Во-первых, научная смелость, позиция автора, который открыто противостоит целому ряду мифологем, широко распространенных в нашем научном (и околонучном) сообществе. С. Д. Бодрунов убедительно опровергает мифы о постиндустриальном обществе. Я сам испытал увлечение постиндустриализмом, но быстро понял, что закон роста удельного веса сферы услуг ни к какому постиндустриальному обществу не ведет, потому что часть этих услуг интегрирована в материальное производство, а часть из них базируется на чистой индустрии (и даже на доиндустриальных технологиях), и лишь очень небольшая часть может рассматриваться как некий прообраз чего-то «постиндустриального». Поэтому говорить в целом о переходе к постиндустриальному обществу просто ошибочно.

Второе, что меня подкупает, – это приверженность автора к классическим научным подходам и при рассмотрении, в первую очередь, экономики – к первенству материального, материальному образу мысли. К той объективной базе, на которой базируется все и без которой не может быть ничего: ни интеллектуального развития человека, ни широкой сферы услуг.

И, наконец, третье – это понимание стратегического вызова, который стоит перед нами. Вызова, который бросают нам новые технологии, новое технологическое поколение и новый технологический уклад, борьба за овладение которым будет, наверное, самой драматичной в предстоящие десятилетия. Сергей Дмитриевич в своей книге прямо ставит вопрос о том, как Россия покажет себя в этой борьбе – это очень важно. Думаю, что вопрос этот в значительной степени открытый: как нам вступить в борьбу за новое индустриальное будущее, будущее знаниеемкого, высокоинтеллектуального, высокотехнологичного производства – здесь огромное поле для исследовательской работы. И я желаю автору, чтобы его новые исследования появлялись у нас и, в конце концов, оказали бы влияние на принятие судьбоносных для России решений.

¹ *Андрей Иванович Колганов*, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор.

Г. Н. Цаголов¹

НИО.2 И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
(о книге С. Д. Бодрунова «Грядущее.
Новое индустриальное общество: перезагрузка»)

Концепция постиндустриализма, выдвинутая Беллом и другими именитыми специалистами, стала уже общепризнанной, хотя никакой глубины в этой концепции нет. Между тем, многие известные, выдающиеся специалисты считают, что мир идет к постиндустриализму. А мне это казалось немного странным, потому что – это определение производительных сил. И когда мы говорим, что вместо коммунизма или капитализма наступает постиндустриализм, как-то забываем, что нельзя определить строй, не определив самое главное – отношения между людьми. Я несколько раз выступал против этой концепции, в том числе в своих книгах. Коллеги, хочу сказать, что я не сразу понял глубину мысли С. Д. Бодрунова. Мне казалось – он пишет много книг, и работы у него были о реиндустриализации. Конечно, индустриализация нужна, это ясно: лучше индустриализация, чем то, что мы видим. Но в последних его работах, в частности в этой, я вижу, что человек идет дальше, он ставит самые главные вопросы – хочет показать нам образ завтрашнего дня, наше грядущее. И он убивает сразу двух зайцев. Во-первых, в работе показывается, что часть сферы услуг, о которой говорят апостолы теории постиндустриализма, уходит, и никакого постиндустриализма мы пока не видим. И для нашей страны, о которой Владимир Владимирович Путин говорил в Послании Федеральному Собранию, – это самое болезненное. Получается, что наша страна себя раздела, стала голым королем, и ее надо одеть и это должно быть не только сегодня, но и завтра, и в будущем. Вот о чем в работе.

Но в монографии ставятся и другие вопросы.

Сегодня мы должны прямо сказать, что совершили величайшие ошибки, которые мы должны исправить. Мобилизация, планирование или что-то еще, но мы должны «одеться». Мы – раздетые, и от этого все наши беды. Эта книга показывает, что есть будущее, грядущее, есть путь, по которому нужно идти. С. Д. Бодрунов представил в своей работе разные точки зрения и дает возможность каждому подумать, критически посмотреть на то, что написано. Это – не последняя книга автора, и появится еще масса вопросов, а значит, надо работать.

¹ *Георгий Николаевич Цаголов*, профессор Международного университета в Москве, д-р экон. наук.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Грядущее и думы. Для анализа материального производства автором выбраны две базовые компоненты: материальная и нематериальная – знание. Материальная часть, постепенно снижаясь, не исчезнет, она будет где-то сохраняться. Доля знаний в индустриальном продукте постоянно увеличивается, но никогда не достигает 100 %, при этом постоянно растет объем знаниеемкой продукции. Появляется качественно новый тип материального производства. Основную часть продукта в новом индустриальном обществе (НИО.2) будут составлять знания, воплощенные в технологиях, в иной организации труда и др. Основой модели экономического роста России должен стать приоритет технологического развития, материального производства, создание качественно новой индустрии. Главный ресурс грядущей эпохи – знания, за них и будет идти борьба. Напряжения в мировой экономической системе связаны с переходом к новому технологическому укладу. При существующем тренде страны могут разделиться на группу «производящих» (новых стран-капиталистов) и «обслуживающих». У нас есть возможность попасть в первую группу. Переходный этап НИО.2 создает для этого все предпосылки.

Дается критика наукообразных объяснений экономической ситуации со ссылками на «новую нормальность», «новый империализм» и др. Подчеркивается, что эволюционная неконфликтность развития общества возможна только при наличии четырех ключевых составляющих: производство, наука, образование и культура.

Ключевые слова: материальное производство, НИО.2, знание, индустриальный продукт, знаниеемкая продукция, новый технологический уклад, культура.

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. Future and thoughts. In his analysis of material production, the author focuses on two basic components: material and non-material (knowledge). The material component, in spite of its gradual decline, perseveres, and it will never disappear entirely. The share of knowledge in industrial product has been growing, but it has not quite reached 100 % even though the volume of knowledge intensive products has been steadily increasing. We are witnessing the creation of a qualitatively different type of material production. Due to its share in technologies, labor management models, etc., knowledge will constitute the main part of the product that will satisfy the demand in the new industrial society (NIS.2). Russia's economic growth model should prioritize technological development, material production and the creation of a qualitatively new industry. In the future, competition will focus on knowledge as the main resource of the coming era. Major interest in knowledge is driven by the desire to monopolize the future product and restrict its circulation in order to derive higher profit.

The transition to the new technological mode causes tensions in the global economic system. If the current trend persists, countries will be divided into producers (new capitalist countries) and servicers. We have the opportunity to be in the first group. Since the transition to the NIS.2 provides all the prerequisites, we just need to follow the right path.

The author also argues against scientific explications of the current economic situation that make references to «new normalcy», «new imperialism,» etc. He points out that evolutionary non-contentious development cannot occur without the following key components: production, research, education and culture.

Keywords: material production, NIS.2, knowledge, industrial product, knowledge intensive product, new technological mode, culture.

УДК 332.354. А. И. Колганов. Императивы реиндустриализации России. Подвергаются сомнению тезисы о постиндустриальной и постмашинной эпохе. Автор соглашается с тем, что реиндустриализация России является императивом (без нее нельзя создать технологическую и кадровую среду, способную генерировать инновации, обеспечивать их распространение и формировать спрос на них). При этом ценность технологического прогресса заключается в том, что он открывает дорогу развитию каждого человека, и каждый участник производственного процесса становится участником инновационного процесса.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, постмашинная эпоха, новое индустриальное общество, реиндустриализация, инновационный процесс, развитие человека, знаниеемкость, знаниеинтенсивность.

УДК 330.354. М. И. Воейков. Polemические заметки о будущем экономики. Автор анализирует взгляды сторонников нового индустриального общества и постиндустриалистов. Он разделяет мнение С. Д. Бодрунова о том, что политика либеральных экономистов привела к катастрофической деиндустриализации страны; что «материальное производство остается основой самого существования экономики». В то же время автор полемизирует с С. Д. Бодруновым по некоторым вопросам. В частности, предлагает заменить термин «знаниеемкое производство» на «интеллектуально- или информационное»; ставит вопросы о справедливости тезиса о снижении «потребности мирового производства в материалах, сырье...» и о судьбе экономической науки.

Ключевые слова: новое индустриальное общество, постиндустриализм, знаниеемкое производство, материальное производство, экономическая наука.

УДК 330.354. Г. Н. Цаголов. Что мешает построению нового индустриального общества? Автор поддерживает идеи о необходимости безотлагательного проведения ре-

A. I. Kolganov. Imperatives of Russian reindustrialization. The author challenges ideas behind the concept of postindustrial and post-machine era and postulates that Russia requires reindustrialization which is essential for the creation of technological and professional environment capable of generating and promoting innovations. The value of the technological process lies in its ability to pave the way for the development of every individual, as each production process participant simultaneously partakes in the innovative process.

Keywords: postindustrial society, post-machine era, new industrial society, reindustrialization, innovative process, personal development, knowledge capacity, knowledge intensity.

M. I. Voeikov. Polemic notes on the future of the economy. The author analyzes the perspectives of the new industrial society adepts and postindustrialists and shares S. D. Bodrunov's opinion that liberal economists brought on catastrophic deindustrialization of the Russian national economy. While agreeing with Bodrunov that "the existence of the economy is still based on material production," the author argues with him on a number of issues by suggesting that the term "knowledge intensive production" be substituted for "intellectual or information intensive production" and contesting Bodrunov's idea that "global production will require less materials and resources" and his views on the future of economics as a science.

Keywords: new industrial society, postindustrialism, knowledge intensive production, material production, economics.

G. N. Tsagolov. What hampers the creation of a new industrial society? The author agrees with the urgency of national reindustrialization advocated by Professor S. D. Bodrunov in

индустриализации страны, высказанные в докладе и книгах профессора С. Д. Бодрунова, и подвергает критике концепции постиндустриального общества. Рассматривая опыт реформирования экономики в России и других странах (Китае, Белоруссии и т. д.), автор указывает на катастрофические ошибки наших «реформаторов» и их сегодняшних последователей, приведшие к рыночному хаосу.

Ключевые слова: реиндустриализация, постиндустриализм, новое индустриальное общество.

УДК 332.354. А. Е. Городецкий. Перед лицом грядущих революций. Россия стоит перед серьезными модернизационными вызовами и важно определить, какая модернизация нам нужна, поскольку речь идет не просто о переходе от одной стадии к другой. Автор согласен с критикой постиндустриализма, которую дает в своих работах С. Д. Бодрунов; считает его концепцию нового индустриального общества (НИО.2) достижением современной политэкономической мысли; приветствует кристаллизацию понятия знание в приложениях к компонентам НИО.2 (знаниеемкость и знаниеинтенсивность). Считает спорным тезис о волшебной силе науки, научно-технического прогресса в решении социальных проблем; о способности стратегического планирования и программирования сглаживать противоречия и конфликты. Полагает, что многие вещи надо рассматривать через призму политэкономии. Кроме того, инструменты стратегического планирования требуют другого государственного управления. Необходимы реформы реформ управления, полная замена их принципов (от глубоко идеологических до глубоко административных вопросов).

Ключевые слова: модернизационные вызовы, постиндустриализм, сфера услуг, концепция НИО.2, знаниеемкость, знаниеинтенсивность, реформа управления.

УДК 338.45. Д. Б. Эпштейн. О новом индустриальном обществе. Статья является откликом на доклад и тезисы С. Д. Бодрунова о НИО.2. Автор абсолютно согласен с осно-

his report and published works and criticizes the concept of postindustrial society.

Keywords: reindustrialization, postindustrialism, new industrial society.

A. E. Gorodetskii. Facing future revolutions. Russia is facing major modernization challenges, so, since we are not merely transitioning from one stage to the next, it is important to determine what kind of modernization is required. The author agrees with S. D. Bodrunov's criticism of postindustrialism, sees the concept of the new industrial society (NIS.2) as a major achievement of modern political economy theory, and welcomes a clearer definition of the concept of knowledge pertaining to NIS.2 components (knowledge capacity and knowledge intensity). The article questions the technocratic idea that research along with science and technology progress can resolve social issues. The author supports his claim by citing continuous development of strategic documents in the Security Council as an example. He believes that many issues should be considered from the perspective of political economy. Moreover, strategic planning instruments require a different state management system. We need to reform our administration and completely change its principles (ranging from ideology to administrative functions).

Keywords: modernization challenges, postindustrialism, service industry, NIS.2 concept, knowledge capacity, knowledge intensity, administrative reform.

D. B. Epstein. On the new industrial society. The article constitutes a response to S. D. Bodrunov's paper and ideas on the NIS.2. The author fully supports the main point that material

вополагающим тезисом о материальном производстве (которое всегда будет по преимуществу индустриальным) как основе существования экономики и считает, что сфера услуг постепенно трансформируется в сферу приложения труда индустриального типа. В принципе, соглашаясь с другими тезисами (о возрастании доли знаний в продукции материального производства; о роли государственной промышленной политики и инвестиционного государственно-частного партнерства в снятии социальных напряжений, развитии промышленности; роли прогнозов, планирования и т. д.), автор задает вопросы – почему ситуация в России противоположна прогнозируемой в концепции НИО.2, насколько применима предложенная модель в нынешней России и что должна делать экономическая наука для воплощения в жизнь тезисов о НИО.2.

Ключевые слова: материальное производство, индустриальное производство, сфера услуг, рост доли знаний в продукции, НИО.2, реиндустриализация.

УДК 330.354. В. Б. Сироткин. Формирование поведения: символическая среда и средства коммуникации. Рассматривается формирование поведения с применением знакового аппарата сознания. Показано, что каждая профессиональная группа вырабатывает собственную символическую знаковую систему, используя которую пытается отображать реальный мир.

Ключевые слова: логика, понятия, термины, нормы, шаблоны поведения, символическая репрезентация.

УДК 338.24. Н. П. Макаркин. О двух стратегически важных источниках экономического роста. Рассматриваются наметившиеся подходы к разработке стратегии социально-экономического развития России; выделены некоторые требования, которым должен отвечать указанный документ. Предложено расширить перечень документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне, включив в их состав Стратегию повышения

production (which will always be predominantly industrial) serves as the foundation of the economy and believes that the service industry is gradually transforming to allow for the application of industrial labor. While generally agreeing with other points expressed by S.D. Bodrunov (industrial development and the role of forecasts and planning; increase in the share of knowledge in the product of material production; role of state industrial policy of investment public-private partnership in easing social tensions, etc.), the author poses the following questions: why the current situation in Russia contradicts the NIS.2 forecast; to what extent the proposed model applies to contemporary Russia; and how economics can facilitate the implementation of NIS.2 ideas.

Keywords: material production, industrial production, service industry, increase in the share of knowledge in a product, NIS.2, reindustrialization.

V. B. Sirotkin. Behavior formation: symbolic environment and communicative means. The author applies sign-oriented apparatus of consciousness to the analysis of behavior formation and shows that every professional group develops its system of symbols and signs in an attempt to describe reality.

Keywords: logic, concepts, terms, norms, behavioral stereotypes, symbolic representation.

N. P. Makarkin. Two strategically important sources of economic growth. The paper discusses emergent approaches to the development of strategy of Russia's socio-economic development, highlights several requirements that this document should meet. The author puts forth a proposal to extend the list of documentation pertaining to strategic planning developed within the earmarked federal government programs by including Strategy for institutional environment quality improvement and Strategy for anti-

качества институциональной среды и Стратегию противодействия коррупции. Рассмотрены отдельные особенности модернизации институциональной среды общества, показана необходимость учета при этом сложившейся политической системы и культурных традиций народа. Анализируются негативные последствия коррупции, сформулированы направления борьбы с ней.

Ключевые слова: стратегия развития, документы стратегического планирования, институциональная среда, борьба с коррупцией.

УДК 330.342. Д. Б. Джабборов. Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития. Проанализированы альтернативные варианты стимулирования экономики. Рассматриваются плюсы и минусы индекса человеческого развития и валового внутреннего продукта как экономических индикаторов. Показано, что одного ВВП недостаточно для оценки развития общества, что современное общество кардинально отличается от социума XX в. Сфера креативного труда играет все более важную роль в экономике, в том числе в материальном производстве. На основе анализа занятости в различных отраслях экономики США делается вывод об упрочении позиций креативной сферы экономики на рынке труда, а для эффективного функционирования в этой сфере рыночных механизмов недостаточно, необходимо внедрять элементы самоуправления. При этом государство должно способствовать развитию сферы креативного труда.

Ключевые слова: креативная экономика, индекс человеческого развития, валовый внутренний продукт, креатосфера, креативный труд, рыночная экономика, самоуправление.

УДК 334.021.1. Л. А. Гамидуллаева. О построении концепции управления инновационной системой России. Инновационная деятельность должна имманентно присутствовать в экономическом механизме всех хозяйствующих субъектов. Главным мотивом для воспроизводства инноваций считаем добавленную стоимость, создаваемую экономи-

corruption enforcement. The paper also examines issues related to specifics of modernization of society's institutional environment, gives grounds to the necessity of considering the current political system and people's cultural traditions; analyses negative consequences caused by government officials' corruption and formulates methods of fighting against it.

Keywords: strategy of development, documentation pertaining to strategic planning, institutional environment, fight against corruption.

D. B. Dzhabborov. Progress of human qualities: market and post-market mechanisms to stimulate social and economic development. In article analyzed some alternative options to stimulate the economy. Consider the pros and cons of economic indicators such as the Human Development Index and Gross Domestic Product. The article shows that GDP alone is not enough for the estimation of development of society. As modern society is radically different from that in the 20th century. The sphere of creative-intensive labor is becoming really important position in the economy, including the material production. The analysis of employment in the various branches of the United States economy and concluded that the creative sphere of economy greatly strengthened its position in the labor market, and market mechanisms are not sufficient for effective functioning in this area. It is necessary to introduce elements of self-government and the state to help develop the scope of creative-intensive work.

Keywords: creative economy, human development index, gross domestic product, creatosphere, creative-intensive labor, market economy, self-management.

L. A. Gamidullaeva. Constructing the management concept for the Russian innovative system. Since innovative activity should be inherently present in economic mechanisms of all agents and should be exercised freely, it is critical that we define key inner motifs for the reproduction of innovations in order to encourage efficient management that will promote the advance-

ческими агентами в процессе инновационной деятельности. Управление инновационным развитием должно быть встроено в управляемую систему, чтобы механизмы управления согласовывались с механизмами и закономерностями самоорганизации и самоуправления. Участники инновационного процесса должны интенсивно взаимодействовать, осуществлять совместные проекты по созданию и коммерциализации инноваций. Особое внимание следует уделять разработке и реализации стратегии, обеспечивающей формирование структур-аттракторов, притягивающих инновационные траектории развития и определяющих основные направления стимулирования взаимодействия участников инновационной деятельности. В качестве последних могут выступать институты инновационной среды, обладающие наибольшим потенциалом по снижению трансакционных издержек инновационной деятельности и оптимизации объема и структуры добавленной стоимости, генерируемой экономическими агентами.

Ключевые слова: инновационная система, добавленная стоимость, развитие инновационной системы, концепция управления, самоорганизация, методология управления.

УДК 339.72 (045). И. А. Балюк. Международный долговой рынок: современное состояние и тенденции развития. Международный долговой рынок представляет собой сложный высокоразвитый механизм, обслуживающий финансовые потребности правительств, международных организаций и корпоративных заемщиков во всем мире. Анализируются современное состояние и тенденции развития международного долгового рынка на основе изучения изменений в эмиссионном и неэмиссионном сегментах. Особое внимание уделено анализу места и роли России на международном долговом рынке; рассматриваются возможные варианты действий российских заемщиков в условиях финансово-экономических санкций.

Ключевые слова: международный долговой рынок, глобализация внешнего долга, долговые ценные бумаги, синдицированные кредиты, регулирование внешнего долга.

ment of innovations and self-development of the innovative system. In our opinion, the main motif is added value created by commercial entities during their innovative activity. Innovative development management should be incorporated into the managed system so that management mechanisms agree with mechanisms and patterns of self-organization and self-administration. Participants to the innovative process should be involved in active interaction and seek to expand their experience in the implementation of joint projects on the creation and commercialization of innovations. Therefore, special attention should be paid to the development and implementation of a relevant strategy that would ensure the formation of attractor structures that promote innovative development and determine major trends for stimulating interaction between participants of innovative activity. The latter can be performed by innovative institutions that hold the most potential for lowering transaction costs associated with innovative activity and optimizing the volume and structure of added value generated by economic agents.

Keywords: innovative system; added value; innovative system development; management concept; self-administration; management methodology.

I. A. Balyuk. International debt market: current state and development trends. Since its origin international debt market has significantly transformed into a very complicated and high developed mechanism servicing financial needs of governments, international institutions and corporate borrowers throughout the world. The paper considers current state and development trends of the international debt market through examination of changes in the issuing and non-issuing segments. A special focus is made on the analysis of Russia's position and part in the international debt market and various possible alternatives of the Russian borrowers under external financial and economic sanctions.

Keywords: international debt market; globalization of external debt; debt securities; syndicated loans; regulation of external debt.

УДК 330.332 . Л. А. Гузикова, А. М. Колесников. Социальный портрет и экономические результаты российского малого бизнеса. Малый бизнес – неотъемлемая часть экономики. Основными экономическими функциями, которые обычно связывают с функционированием малого бизнеса, являются генерация и внедрение инноваций, противодействие рыночному монополизму и поддержание конкурентной среды, борьба с безработицей и создание рабочих мест, повышение профессиональной активности, предпринимательского духа и развитие традиций предпринимательства, рост доходов населения и, как следствие, увеличение потребительского спроса. Малый бизнес является важным институтом гражданского общества и основой формирования среднего класса как базы социальной и политической стабильности государства. В современной России малый бизнес не выполняет должным образом те функции, которые предписываются ему экономической теорией. Цель настоящего исследования – выявление и объяснение специфики малого бизнеса в России в контексте социальных требований, экономической теории и экономических условий на основе статистической и фактографической информации.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, мотивация, доходы малого бизнеса, занятость в малом бизнесе, экономическая эффективность.

УДК 332.354. Н. Г. Яковлева. Образование как драйвер социально-экономического развития. Рассмотрен опыт формирования системы образования в СССР и проведена параллель между системой образования в СССР и в России. Выделены основные черты взаимодействия образования и экономики в СССР и постсоветской России. Показано, что образование формирует творческий потенциал человека, являющийся главным драйвером социально-экономического развития в экономике XXI в.

Ключевые слова: образование, экономика, социально-экономическое развитие, СССР, постсоветская Россия.

L. A. Guzikova, A. M. Kolesnikov. Social profile and economic results of Russian small business. All over the world the small business is undoubted and important part of the national economies. The main economic functions usually attributed to small businesses are innovation, combating monopolies and maintain a competitive environment, combating unemployment and creating jobs, increasing income of the general population and, consequently, the expansion of consumer demand, increase the professional activity, the development of entrepreneurial skills, spirit, and traditions. Social role of small business is its being an important institution of civil society and the kernel of the middle class formation as a basis for socio-political stability of the state. In the recent research the authors concluded that in now-day Russia small business does not perform properly the functions attributed to it by economic theory. The aim of current research is to identify and to explain the specifics of small business in Russia in context of social requirements, economic theory and current economic circumstances based on statistical and factual information.

Keywords: small business, entrepreneurship, motivation, small business income, employment in small business, economic efficiency.

N. G. Yakovleva. Education as driver of socio-economic development. Shows the experience of formation of the educational system in the USSR and gives the parallel between «old system of education» in Soviet Union and «new» system in Russia. Author shows main features of interrelation of education and economy in the USSR and in post-Soviet Russia. Education produce creative potential of the human being, which is main driver of the socio-economic progress in the economy of the XXI century.

Keywords: education, economy, socio-economic development, USSR, post-Soviet Russia.

УДК 65.01; 658.5. М. А. Рыбачук. Системно-сбалансированный подход к организации стратегического управления на промышленном предприятии. Развивается концепция системно-сбалансированного управления – стратегического управления, построенного на основе принципов системности. Рассматривается эволюция стратегического управления, приводится статистика по реализации стратегии и выделяются основные проблемы организации стратегического управления на российских предприятиях. Представлены основные положения новой теории экономических систем, исследованы ее связи с другими концепциями. Изложены особенности системно-сбалансированного подхода к управлению и возможности его применения. Проведен анализ сбалансированности системной структуры предприятия машиностроительной отрасли и продемонстрировано применение методов оценки пропорций и сбалансированности системной структуры на практике.

Ключевые слова: индекс системной сбалансированности, новая теория экономических систем, предприятие, системная сбалансированность, системные измерения, системная структура, системная экономическая теория, стратегическое управление, тетрада.

УДК 330.354. Е. Г. Егоров, Т. П. Егорова. О разработке экономической теории модернизации и инновационного развития национальной экономики России. Рассматривается формирование экономической теории модернизации и инновационного развития национальной экономики Российской Федерации на основе анализа научных статей ведущих ученых-экономистов, опубликованных в 2009–2015 гг. Анализ теоретических положений о сущности, формах, факторах и механизмах модернизации и инновационной экономики приводит к выводу об отсутствии общепризнанной экономической теории по данной актуальной проблеме; отмечены основные причины отставания научных исследований.

Ключевые слова: национальная экономика, теория модернизации, инновационное развитие, реиндустриализация.

M. A. Rybachuk. System-balanced approach to the strategic management organization on an industrial enterprise. This article develops the concept of system-balanced management – strategic management based on the system principles. The evolution of strategic management is considered, the statistics on the implementation of the strategy is provided and the main problems in the organization of strategic management at Russian enterprises are highlighted. The basic provisions of the new theory of economic systems are presented and its relation to other concepts is investigated. The features of the system-balanced approach to management and the possibility of its application are outlined. The analysis of the system structure balance for the engineering enterprise has been carried out. The application of the methods of assessment of proportions and balance of the system structure has been demonstrated in action.

Keywords: system balance index, new theory of economic systems, enterprise, system balance, system measurement, system structure, system economic theory, strategic management, tetrad.

E. G. Egorov, T. P. Egorova. Creating economic theory of modernization and innovative development for Russian national economy. The article discusses the formation of the economic theory of modernization and innovative development of national economy of the Russian Federation on the basis of analysis of scientific articles of leading scientists-economists of the country, published in 2009–2015. Are analyzed the theoretical principles of the essence, forms, factors and mechanisms of modernization and innovative economy. In the result the conclusion is made that have not yet established generally accepted economic theory on this actual problem and noted the main reasons for the backwardness of scientific research.

Keywords: the national economy, the theory of modernization, innovative development, reindustrialization.

УДК 330.354. Ён Юнг Мин. Изменение роли государства в российской экономике. Исследуется роль государства в российской экономике на основе анализа изменения роли государственных предприятий (по качественным и количественным показателям), а также официальных статистических данных. Рассматривается специфика российской экономики с точки зрения российских и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: государственное предприятие, роль государства, специфика российской экономики, государственный сектор.

УДК 330.354. В. А. Плотников. Теоретическая дискуссия о новом индустриальном обществе: расширение масштабов. Общественная эволюция и ее закономерности – одна из важных научных и прикладных проблем, которые во все времена волновали людей. При этом в данной сфере периодически возникают ключевые идеи и концепции, формирующие *мейнстрим* в науке. Одной из таких идей, которая имеет перспективы стать ключевой, является идея реиндустриализации, впервые выдвинутая на широкое обсуждение в России профессором С. Д. Бодруновым. В статье рассматриваются положения новой книги этого автора «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» и реакция на нее экспертного сообщества.

Ключевые слова: реиндустриализация, Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, новое индустриальное общество, концепция развития экономики.

Yoon Youngmin. Changing the role of government in Russian economy. This article tries to identify the characteristic of Russian economy by examining the role of government in Russian economy through analysis changes of state-owned enterprises' importance in Russian economy in terms of both quantity and quality. For this, characteristic of Russian economy is overviewed through some of Russian and foreign researchers' works. After that, changes of importance of state-owned enterprises in Russian economy are analyzed through official and business data.

Keywords: state-owned enterprise, role of government, government sector, characteristic of Russian economy.

V. A. Plotnikov. Theoretical discussion of the new industrial society: a broader perspective. The social evolution and its patterns are among the most important and unequivocally relevant scientific and applied issues. This field of research continuously generates topical ideas and concepts that influence mainstream economy. The idea of reindustrialization that is being introduced in Russia by Professor S. D. Bodrunov has the potential to become a key economic concept. The article analyzes S. D. Bodrunov's ideas expressed in his new monograph *The Coming of New Industrial Society: Reloaded* and expert response.

Keywords: reindustrialization, Institute of New Industrial Development n.a. S. Y. Vitte, new industrial society, economic development concept.